

ЛЕТНИЙ ДЕТЕКТИВ

ДЛЯ ОТЛИЧНОГО
ОТДЫХА

Татьяна УСТИНОВА
Татьяна ПОЛЯКОВА
Ольга ВОЛОДАРСКАЯ

Великолепные детективные истории

Татьяна Полякова

**Летний детектив для
отличного отдыха**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полякова Т. В.

Летний детектив для отличного отдыха / Т. В. Полякова —
«Эксмо», 2020 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-111782-5

Лето! Море, солнце, пляж... Но что, если вместо этого вы в офисе, а за окнами проливной дождь? На тот и другой случай издательство «Эксмо» подготовило приятный сюрприз – остросюжетные романы признанных мастеров детективного жанра: Татьяны Устиновой, Татьяны Поляковой и Ольги Володарской. Щедрая порция адреналина, освежающая нотка юмора, лавина любви и приключений вам обеспечены! Отдыхайте с удовольствием!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111782-5

© Полякова Т. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Татьяна Устинова	6
Конец ознакомительного фрагмента.	113

**Татьяна Устинова, Татьяна
Полякова, Ольга Володарская**
Летний детектив для отличного отдыха

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Татьяна Устинова

Сразу после сотворения мира

Марине Каменевой, без которой эта книга никогда не была бы написана

– Но это факт?

– Нет, это не факт.

– Это не факт?!

– Нет, это не факт. Это гораздо больше, чем факт. Так оно и было на самом деле.

Гр. Горин. «Тот самый Мюнхгаузен»

В Анадыре в этот день вдруг повалил снег и пришла самая настоящая метель, вблизи острова Врангеля разгулявшиеся под вечер волны чуть не потопили рыболовецкое судно, на севере Британских островов сильно похолодало и начались дожди, и все это не имело никакого отношения к Тверской губернии.

Здесь вовсю жарило солнце, отцветали пионы и пыльные деревенские собаки спасались от зноя в зарослях лопухов. Собаки тяжело дышали, вывалив розовые языки, и ленились брехать на редкие машины. Машины были редки, потому что тоже ленились ехать.

Да и куда ехать по такой-то жаре, зачем?.. Милое дело – возиться под яблоней в трусах и панаме и мечтать о кружке холодного кваса, припрятанного с вечера в погребе.

А в погребе сейчас, должно быть, хорошо, прохладно, сыро!..

До деревни Долгие Бороды Плетнев доехал почти без приключений, пришлось всего пару раз остановиться, сунув перегретое автомобильное рыло в какие-то заросли на обочине.

– Ты ей подышать-то давай время от времени!.. – виновато наставлял Виктор Николаевич, всучивший ему машину. – Погоды такие стоят, что людям дышать нечем, не то что движкам!..

Плетнев глушил мотор, который затихал с таким хрипом, как будто и впрямь находился при последнем издыхании, вытаскивал себя из раскаленного жерла синтетического кресла, кряхтя, как чахоточный двигатель его доходяжной машины, выбирался наружу и некоторое время стоял, выжидая, когда по спине перестанет течь. Переставало не сразу.

Он выколупливал из двери пластмассовую бутылку, глотал почти горячую воду, проливавшуюся на шею, за воротник рубахи, утирался и оглядывался по сторонам.

Стороны были знойными, просторными, июльскими. Холмы до горизонта немного дрожали и плавилась, как будто залитые жидким солнцем. Одуревшая от жары рыжая корова валялась на боку в кустах, лишь изредка вяло помахивая хвостом. Пчелы и те ленились летать, ни звука не было слышно вдоль узенькой пустынной шоссейки, лишь в моторе его машины что-то бурчало, как в пузе у ишака.

Пару раз ему доводилось ездить на ишаке, и в животе у того действительно бурчало!..

После деревни Долгие Бороды следовало повернуть направо, но оказалось, что поворачивать некуда – дороги нет, врет все продвинутый и умный навигатор, который его продвинутые и умные сотрудники называют «дивайс»!.. Ему все время казалось, что сотрудники врут тоже.

Пришлось ехать прямо, останавливаться возле палисадников, где цветут желтые и белые лилии и еще какие-то совсем незнакомые ему огородные цветы, а в домишках распахнуты окна, и белые занавески отдувает горячий ветер, спрашивать, как проехать в деревню Остров, и получать совершенно противоречивые указания.

– Да ты че?! – весело удивился какой-то парень, возившийся с мопедом, когда Плетнев остановился примерно в третий раз. – С дуба рухнул?! Этот самый Остров вообще в другой стороне! Вот гляди! – Он поднялся с корточек, утер мокрый лоб, оставив на нем масляные разводы, и локтем показал куда-то вперед. – Сейчас как возьмешь за деревней направо, так через поля дуй напрямки. Там одна дорога налево пойдет, а вторая прямо, только ты забирай все время правее, мимо фермы брошенной, так и доедешь до Чилухи, но тебе ее надо пере-ехать, а брод еще в прошлом году размыло, и ты тут налево заберешь до кривой березы, только не совсем налево, а так, слегонца, а потом через речку, и на той стороне деревня проглянется, только это еще не Остров, а Косая Пядь. Ты от нее тоже все время правей забирай, а там...

– И чего ты врешь, чего ты врешь, че не знаешь?! – закричали из-за штакетника сердито, и выскочила бабулька в ситцевых трусах до колен, зато по самые глаза повязанная платком по всем деревенским законам. В загорелой жилистой руке у нее болталось несколько морковок, видимо, только что выдернутых. – Где же за Чилухой Остров, когда там вовсе Островцы! Ты меня слушай, я тебе точно скажу, сама с Острова, меня Петька-покойник отсюда замуж брал!..

– Да Островцы-то левее, а ему надо все вправо забирать!..

– Не надо ему забирать! Ты езжай сейчас, как ехал, до самой новой дороги. Нову-то дорогу в шестьдесят втором как открыли, так через поля никто не ездит!.. Нова дорога направо пойдет, и тебе туда. У самого сворота вывеска торчит со стрелкой, не промахнешься – магазин «Эльдорадо»! Ты езжай до самой «Дорады» этой, только ничего у них не бери, уж больно дорого дерут, а хлеб в Острове куда как лучше!.. Там дорожка ухабиста, но ничего, потихоньку-полегоньку прямо до Острова и докатишь. Тут недалеко тебе осталось, кило€метров тридцать!

– Да чего ты говоришь, баб Мань, когда по прямой тут всего пять или семь!

– По кривой! – передразнила бабка и взялась за взмыленного и злого Плетнева сухой и сильной рукой. Ладонь она сначала обтерла о свои невиданные штаны. – Ты меня слушай, я сама-то с Острова, а он в Твери родился€, ничего тут не знает! А тебе, может, водички налить холодненькой? Или вот морковочки хочешь? Сахар, а не морковь!

Плетнев отказался и от водички, и от моркови, а заодно и от сахара. Ему очень хотелось доехать хоть куда-нибудь, уже можно и до Островцов, а не до Острова. День клонился к вечеру, и от солнца, валившегося в поля, стало еще жарче. Воздух был неподвижным, раскаленным, красным от бивших прямо в глаза лучей, и доходяжная машина его замучила, и неработающий «дивайс», и собственная самоуверенная глупость – он был абсолютно уверен, что доедет легко и быстро, а получилось, что в дороге целый день, а еще до этой самой «Дорады», где втридорога дерут и хлеб плоховат, не добрался!..

– Далась тебе деревня эта! – утром сказал ему в Москве приятель Павлик и пожал льяными плечами просторной и прохладной летней рубахи. – Что ты там будешь делать, Алексей Александрович? Схимничать, трудничать и анахоретствовать?

Плетнев ответил, что хочет отдохнуть «от всего и от всех», в том числе и от Павлика, но мысль про «схимничанье» и «анахоретство» ему понравилась.

А что?.. Раз уж больше ничего не получается, будет схимником и анахоретом!

За магазином «Эльдорадо», возле которого толпились почти голые подростки с велосипедами и шерстяная коза с пучком клевера во рту – вся компания проводила глазами его машину, разом загоготала и заблеяла вслед, – дорога стала совсем плохая, «ухабиста», как выразилась бабуля в трусах. Он крутил руль, скосив глаза и изо всех сил стараясь не угодить колесом в яму, понимая, что ямы его машине не пережить, а ночевать в лесу не хотелось. Машина кряхтела, скрипела амортизаторами, приседала, хрюкала, но везла, и на том спасибо. Эти последние километры он ехал часа два. На посту – шлагбаум с будкой посреди леса – у него старательно и долго проверяли документы, должно быть, скучно целый день стеречь пустую дорогу, а тут Плетнев на своей тарантайке! Таким образом Алексей Александрович прибыл в деревню,

когда вечер уже наступил окончательно – зной спал, небо поглубело, собаки и старики вышли посидеть на лавочках, дачники покатались купаться. Их веселые, странно громкие голоса далеко раздавались по улице.

Плетнев никогда не заезжал с этой стороны и еще покружил по деревне, прежде чем нашел свой дом.

Этот?.. Или не этот?.. Нагнув голову, он немного поизучал дом из-за лобового стекла, прикидывая, угадал или нет, потом заглушил мотор и выбрался из кресельного жерла. По спине текло в три ручья. Он даже представить себе не мог, что у него в спине столько воды!..

– Да что ж ты со мной делаешь, язвы твою душу, лапочка моя!.. – закричал на него с другой стороны тихой и узкой улицы, заросшей жасмином и шиповником, жилистый, загорелый до черноты старикашка в белой майке и отвисших тренировочных штанах. Из рта у него торчала папироса. Он кричал, и папироса описывала круги. – Я тебя с утра дожидаюсь, три раза на пост гонял, а ребята говорят – не было такой машины!.. А я чего, нанимался, что ли, по три раза на день за тобой гонять по такой жарнице, а?! Нет, ты мне ответь – нанимался?!

Плетнев, который поначалу ничего не понял ни про душу, ни про лапочку, вдруг сообразил, что старикашка, должно быть, Николай Степанович, сосед, присматривавший за домом.

Так его зовут или не так?.. Плетнев привычно посмотрел на телефон, который привычно вертел в руке, привычно ища в нем ответы на все вопросы, и обнаружил, что тот не работает. Связи нет.

Подвел «дивайс».

– Ты не гляди на него, чего на него без толку глядеть-то! – опять закричал старикашка и неожиданно быстро пошел через дорогу к Плетневу. – У нас связь раз в год по обещанию! Здоров! – Он сунул ему руку и тут же отдернул, Плетнев едва успел пожать. – Какого лешего ты с утра едешь?! У меня, глянь, дерево упало, вчера как ураган налетел, так и повалил, провода зацепило, а я три раза на пост гонял! У меня бензин не казенный, за просто так гонять, я мужикам сказал, чтоб к пяти приходили дерево пилить, а тебя все нет и нет, я опять на пост, язвы его душу, а ребята говорят, не было такой машины!..

– Я с Новой Риги свернул и застрял! – Растерянный Плетнев, не привыкший, чтобы с ним так разговаривали, едва смог пробиться сквозь старикашкину скороговорку. – Там какую-то фуру поперек шоссе развернуло, и все переклинило. Пробка стояла мертвая, и я решил в объезд, а как в объезд, не знаю..

– А, язвы вас с вашими пробками! – Старикашка вынул изо рта папиросу, деловито плюнул на дорогу и сунул папиросу обратно. – Ну, идем, чего встал-то? Или ишшо не наездился?

Тут он затрясся от мелкого смеха, подбежал к невысокому серому заборчику, нашарил с другой стороны крючок, отомкнул и сделал движение рукой – давай, мол, давай, заходи уже!.. Плетнев постоял секунду, исподлобья глядя на дом, и зашел на участок.

Дом безмолвствовал.

...Как мы с тобой сживемся?.. И сживемся ли?.. Ты совсем чужой мне, и я тебе чужой, и меня никогда не тянуло «в глушь», и тебе было хорошо с прежним хозяином, а как будет с новым – непонятно, непонятно...

– Замок маленько заедает, подмазать бы надо, но ты уж теперь сам, лапочка моя, – без остановки говорил старикашка, налегая на дверь.

Ключ поворачивался туго, и старик наваливался тщедушным тельцем изо всех сил. Плетнев поднялся на крыльцо, уперся ладонью, и ключ повернулся.

– Ишь ты! – удивился Николай Степанович. – Ну, тут все как было, так и осталось, потому я тебя провожать не стану. Или проводить?..

В доме было душно и сильно пахло нагретым деревом. Плотные шторы на окнах задернуты все до единой, и от этого большая комната с висячей лампой и темными балками на потолке казалась пыльной и маленькой.

– Любанька прибиралась с неделю назад, когда ты объявил, что приехать хочешь, и с той поры окна не открывали. – Николай Степанович – так или не так?.. – не собиравшийся его провожать, тем не менее деловито вошел и стал одну за другой отдергивать шторы. Свет как будто падал в полумрак, и проявлялись детали, которых сначала не было видно.

Камин с чугунной решеткой, отделанный серым камнем, круглый обшарпанный стол на толстых слоновьих ногах, вокруг шесть тяжеловесных стульев с потемневшими резными спинками. Два кожаных кресла, изрядно потертых, на стене зеркало с потрескавшейся амальгамой, странно искажавшее изображение. Плетнев в одном углу зеркала получался вытянутый и длинный, а в другом – круглый и короткий. Буфет такой же тяжеловесный и темный, как и вся остальная мебель, одна дверца открыта. Старик на ходу прихлопнул ее, она словно подумала немного, а потом медленно и величественно распахнулась.

В таких домах непременно должны быть спрятаны клады, почему-то подумал Плетнев, не склонный ни к какой романтике.

– Ну, там, стало быть, ванная. Прохор Петрович покойный, когда ванну провел, сказал, что больше ему и не надо ничего, жить можно. Уж больно себя соблюдал, в смысле чистоты. А как провел, так сразу и помер, упокой Господи душу грешную...

Плетнев мечтал только, чтоб старикашка убрался поскорее, ему хотелось вымыться – хоть немного соблюсти себя в смысле чистоты, – выпить вина или чаю, завалиться спать и ни о чем не думать, особенно о покойном Прохоре Петровиче, но не тут-то было.

– Насос исправно качает, хоть и не новый совсем, ты, лапочка моя, на него поглядывай, чтоб не залило и верхом не поперло, а то в прошлом году такой паводок был, что матушки родные!.. Там дверь на терраску, только ключа от нее нету уж лет десять как, так ты на шеколду запирай. Если чего, кричи, я подбегу. Только по делу кричи, а чтоб за просто так бегать я не нанимался!.. Яблоня-то, когда падала, провода зацепила, ветки-то я попиллил, а ствол как лежал, так и лежит, недосуг мне...

Ухо Плетнева, настроенное на московскую жизненную волну, уловило только словосочетание «за просто так».

Ну да, конечно. «За просто так» ничего не делается, как это я сразу не догадался?..

– Сколько я вам должен, Николай Степанович, за ваши труды?..

Старик замолчал и глянул на Плетнева.

– За труды мои заплачено, – сказал он, пожалуй, с достоинством. – Ты мне каждый месяц деньги присылал, ни разу не обманул, я за домом смотрел, все честь по чести. Я и при покойнике смотрел!.. Он любил жизнь вольготную, спокойную и чтоб с удобствами. Ни огорода ему не надо, ни яблочка, ничего!.. Ты, я гляжу, тоже человек умственный. – Плетнев усмехнулся. Он никогда не думал о себе как о «человеке умственном», да еще в некоем... уничижительном смысле. – Я свою работу делаю, ты мне за нее платишь, так что в расчете мы, лапочка моя, язви твою душу!.. А если угостить захочешь, от угощения не откажусь!.. Угоститься никогда не вредно!..

Плетнев, ругая себя, что не догадался купить водки, вышел к машине, порывшись, достал из багажника почти горячую бутылку виски, упаковку испанского хамона и неувядающий белый батон в пакетике.

Николай Степанович – по крайней мере, старик на это имя откликнулся – подждал его на крыльце, «гостинцы» принял с удовольствием, а на хамон взглянул недоуменно и повертел туда-сюда.

– Ну, если чего не разберешься, кричи мне! Я всегда тут рядышком. Напротив. – Деловито сошел с крыльца, привычно закинул крючок на калитке и зашагал через дорогу.

Плетнев посмотрел ему вслед.

Какой-то мальчишка пролетел на велосипеде, затормозил так, что из-под заднего колеса взметнулась белая пыль, остановился, скособочил велосипед на одну сторону и прокричал бодро:

– Здравствуйте!

– Здравсти, – буркнул Плетнев, которому в эту секунду до смерти надоели все люди на свете, молодые и старые, и вознамерился зайти в дом.

– Вы теперь в доме дяди Прохора Петровича живете, да?

– Да, – подтвердил Плетнев, не оборачиваясь.

– Моя мама к нему убираться ходила, а теперь к вам будет ходить, да?

– Да, – сказал Плетнев уже из-за двери.

– А вы теперь всегда здесь будете жить, да?

– Мальчик, езжай отсюда, а?.. – попросил Плетнев. – Завтра поговорим.

Куда-то подевались ключи, которыми Николай... как его... Степанович тряс у него перед носом.

– Так я поеду, да?

– Да, да!

Куда же он их сунул? В двери нет, на подоконнике нет, на вешалке с пристроенным кое-как пыльным зимним треухом тоже нет. Покуда Плетнев тыкался туда-сюда в тесном тамбуре, перед его забором проплыли еще какие-то велосипедисты, вернее, велосипедистки, и тоже поздоровались громко и приветливо:

– Добрый вечер!

А-а-а, чтоб вас всех!..

Не найдя ключей, он захлопнул тяжелую створку – должно быть, покойный Прохор Петрович любил все тяжелое и основательное, – задвинул щеколду, как будто оставил за дверью весь окружающий мир.

Схимничать так схимничать. Анахоретствовать так анахоретствовать. Ну и что?..

Он обошел огромную квадратную комнату, распахивая окна, выходявшие на три стороны. Дверь «на терраску» Плетнев решил не открывать, опасаясь, что еще кто-нибудь из приветливых соседей полезет к нему с вопросами и приветствиями. Осмотр владений, упирившихся дальним краем в узенький ручей, вполне можно отложить до завтра.

Солнца в квадратной комнате, несмотря на вечер, было так много, как будто его плеснули из ведра. Плетнев еще походил – в зеркале отражалось нечто несусветное, то длинное, то круглое, – сел за стол и положил перед собой руки.

...Значит, вот как, да?.. Теперь, значит, так.

Мысль «удалиться от мира» хотя бы на короткое время, просто чтобы подумать и привести в порядок голову, казавшаяся такой соблазнительной еще сегодня утром, когда он излагал ее приятелю Павлику, теперь – в чужом доме, среди незнакомых вещей и запахов – представлялась ему дикой.

Как он собирался тут жить?! Картинок себе напридумывал в духе комсомольской прозы шестидесятых – вот он, Алексей Александрович Плетнев, встает утром и в любую погоду бежит на речку, сигает с мостков, фыркает, плавает, одним словом, наливается здоровьем. Потом, отдуваясь, пьет чай со смородиновым листом, а потом возится на участке, подвязывает огурцы, рассматривает на свет плоды земляники садовой, вытаскивает корни, изучает, не побил ли их «червь мучной», вбивает в гряды металлические палки «от кротов»...

И дальше что-то смутное: деревенские ребяташки потянутся к нему, чтоб выучиться грамоте и всякой алгебраической премудрости, бабы будут обращаться с жалобами на пьющих мужиков, мужики же с вопросами про агротехнику. Он станет частью жизни народа, и крестьяне со временем признают его своим, хотя, разумеется, неизмеримо выше себя!..

Тут Плетнев вдруг засмеялся, тоскливо и ненатурально, по кривому зеркалу пошла волна – должно быть, от тоски, – и дрогнули занавески на окнах.

Он ничего не понимает в загородной жизни, и уж тем более в деревенской! Он покупает воду в пластмассовых бутылках, а «землянику садовую» в деревянных туюсках. И туюски, и земляника произведены далеко от Тверской губернии, в Израиле или Испании, где-то там. В этой деревне нет никаких крестьян, одни только состоятельные московские дачники – земля в этих местах стоит недешево, ох, недешево!.. Учить кого бы то ни было чему бы то ни было он не способен в принципе, дети его раздражают. Да и потом...

Откуда на его участке возьмутся огурцы, которые он станет подвязывать?!

Он ничего и никогда не делал руками, только головой, как человек... умственный!..

Впрочем, до завтра он в любом случае не уедет, а дом-то как раз его собственный, а вовсе не чужой.

Плетнев купил его «по случаю» года три назад, когда умер этот самый Прохор Петрович, старый хозяин.

– Хорошая земля продается, – сказал ему приятель Павлик, – хотя участок маловат, всего соток сорок, что ли!.. Ну, с домом, конечно. Я бы сам купил, но далековато и возни много! Дом сносить придется, заново строиться, а там не слишком удобно. На каждую машину пропуск надо выписывать – заказник же! Может, поедешь, глянешь?.. Знаю, знаю, ты не любитель дачной жизни, но всем нам запасной аэродром рано или поздно потребуется!..

Плетнев, который тогда еще не задавал себе актуальный, новый и очень простой вопрос, в чем смысл жизни, тем не менее подумал про «запасной аэродром», поехал, посмотрел и тут же купил.

Осень стояла, за заборами горели костры. Серые тучи с хмурыми снеговыми днищами висели над полями и мутной всклокоченной рекой. Мокрая грустная собака на соседнем участке бродила на своем кольце, гремела цепью.

Дом, про который приятель сказал, что его придется сносить, оказался таким же хмурым и мрачным, как все вокруг и как плетневское настроение. Он был из серого камня, темные рамы, с крыльца отбита плитка. Соседский старик, этот самый Николай Степанович, заявил, что «все в полной исправности», наследники из него «ничего брать не изволят», а он, Николай Степанович, забрал бы холодильник, тем более Прохор Петрович ему давно обещал и отдал бы, если бы не помер скоропостижно.

Плетнев, которому было наплевать на холодильник, рассеянно разрешил забрать, и пока старик бегал за веревкой и соседом Ванькой, прошелся по комнатам, полным от дождя и гераний на окнах какой-то аквариумной тишины.

... Вот сюда я буду приезжать, когда станет совсем неумоготу.

Неумоготу стало через три года, и вот он приехал.

Ну? Когда обратно, в мир? Завтра? Или до понедельника все же дотянешь, схимник?..

Плетнев долго сидел, слушал, как дом вздыхает, как сквозняк перебирает занавески на окнах и допотопные деревянные кольца приятно позвякивают.

Он ушел спать очень рано, в двенадцатом часу, долго и бестолково выдвигал ящики комодов на втором этаже, искал постельное белье. И белье, и новый холодильник, и вода в пластмассовых канистрах были закуплены и отправлены заранее – к предстоящему схимничеству и анахоретству Плетнев готовился основательно.

Он нашел белье, совершенно новое и жесткое, в пластиковых мешках, сопя от непривычной работы, путаясь руками и углами пододеяльника, ругаясь себе под нос, кое-как заправил постель, лег и не спал полночи – от тишины.

Тишина не давала ему спать.

... Сперва он ничего не понял.

Было очень жарко, так жарко, что Плетнев решил сквозь дремоту: я на Мальдивах и почему-то забыл включить кондиционер. Вот сейчас встану, включу и...

Вставать и включать не хотелось страшно.

Была еще одна причина, по которой непременно требовалось встать, и через некоторое время выяснилось, что это такая причина, игнорировать которую уж никак невозможно.

Нужно вставать, идти в сортир, а потом искать, где включается этот проклятый кондиционер. А потом опять спать, спать...

Что вчера было? Сидели в баре до рассвета? Романтически гуляли вдоль прибой с Мариной? Ничего не помню...

Он открыл глаза и какое-то время смотрел в деревянную стену с обрывком черного кабеля посередине.

Нет, не Мальдивы. Там не бывает таких стен. Там вообще никаких стен не бывает. Там кругом бунгало, со всех сторон открытые океану, в этом весь смысл Мальдивов!..

Тут произошло нечто совсем странное. У него над ухом, так близко, что он даже вскочил, заблеяла коза, раздались сигналы точного времени, очень бодрый и определенный голос сказал очень по-радийному:

– Московское время тринадцать часов.

В распахнутое окно врывалось солнце. Его оказалось так много, что жаром исходили деревянные стены. Внизу – Плетнев выглянул – был какой-то луг, совсем незнакомый, а за ним деревья, а что дальше – он не успел разглядеть. Посреди луга торчала коза, трясла головой и совалась мордой в клумбу с какими-то цветами. Когда морда появлялась из клумбы, изо рта у нее свешивался цветок, исчезающий с поразительной быстротой.

– Машка, зараза, пошла! Пошла вон, кому говорят!

Коза вдруг взбрыкнула задними ногами и понеслась, а за ней пролетела какая-то тетка в лифчике и подвернутых тренировочных штанах, и все скрылось.

Только цветы качались на объединенной клумбе.

Плетнев по пояс высунулся из окна, покрутил головой и осознал себя в деревне Остров Тверской губернии.

– И по традиции в конце выпуска новостей прогноз погоды! В Москве установилась настоящая летняя жара! Днем воздух прогреется до двадцати восьми, а по области до тридцати двух градусов выше нуля, ветер юго-восточный, умеренный. Ночью столбик термометра...

Не дослушав про столбик, Плетнев, как давешняя коза, ринулся по своим делам и, отыскав ванную, провел там некоторое время.

Тут к нему вернулась способность соображать.

...Я проспал, что ли? Да нет, быть такого не может! У меня бессонница, многолетняя, неизлечимая, я сплю по два часа, а потом просыпаюсь – и все. Меня лечили лучшие врачи лучшими препаратами, но так и не вылечили, и я в одночасье решил, что хватит уже препаратов!.. На новом месте я не сплю никогда. Я точно это знаю. У меня бессонница.

Ау, бессонница, где ты?.. Московское время тринадцать часов, столбик термометра установился на отметке...

Плетнев наскоро умылся – вода из крана шла плоховато, что там вчерашний старикан говорил про насос? – глянул на себя в зеркало и ничего не понял. Зеркало, такое же старое, как и в гостиной, отразило чужую физиономию, вверху узкую, зато широкую книзу, в пятнах то ли пролезшей щетины, то ли потрескавшейся амальгамы.

Нужно найти зубную щетку, полотенце, бритву, вернуть себе человеческий вид и собираться потихоньку в Москву. Нечего здесь делать совершенно. Идея схимничества провалилась.

Тут Плетнев отчетливо услышал, как внизу стукнула рама и кто-то прыгнул в дом, довольно мягко, но ощутимо.

Он замер, опершись двумя руками о раковину. Раковина была фарфоровая с нарисованным синим цветком посередине. Цветок оказался весь в потеках ржавчины, похоже, его тоже пожевала коза Машка.

Внизу кто-то ходил, двигал вещи.

Нужно взять топор, спуститься и посмотреть.

... Откуда у меня топор? Нет никакого топора!..

Надо просто так, без топора, спуститься и посмотреть.

Тут Плетнев понял, что ему страшно. Он боится идти смотреть.

Он сто лет ничего не боялся и даже забыл, как это бывает, когда боишься не абстрактных понятий – вроде цен на нефть или изменения котировок на бирже, а человека, забравшегося к тебе в дом.

И топора нет!.. Откуда у него топор, он городской человек, городской во всех отношениях, в пятом поколении, а может, даже и в шестом, он ничего не знает о топорах, козах и прочих радостях сельской жизни! Понесло его схимничать и анахоретствовать!

Хорошо в деревне летом.

Очень осторожно, касаясь рукой деревянных нагретых солнцем перил, стараясь ступать как можно тише босыми ногами, Плетнев спустился по лестнице. Зеркало на противоположной стене отражало, как обычно, невесть что, но одно было совершенно понятно – в большой квадратной комнате со столом посередине кто-то есть, и этот кто-то ходит, появляясь и пропадая в растрескавшейся амальгаме.

Плетнев перевел дух. Оказывается, он почти не дышал, спускаясь по лестнице. Он бросился вперед и схватил обеими руками ближайший к нему стул с резной спинкой. Стул оказался непомерно тяжелым, к чему приготовившийся защищаться Плетнев был совсем не готов.

Вырвавшийся из рук стул грохнул о пол, раздался пронзительный визг, Плетнев опять схватил его и занес над головой. Чертов стул потянул его назад, так что Алексей чуть не повалился на спину.

– Вы что?! Вы кто?! Мамочки!!!

Плетнев перехватил поудобнее свое орудие, и тут в окне возникла голова соседа Николая Степановича, которая покрутилась из стороны в сторону и деловито осведомилась:

– Женька, ты чего орешь на всю Ивановскую, язви твою!.. Ничего толком сделать не может, надо ж, какая девка никчemuшная! – Тут он заметил Плетнева в трусах и со стулом над головой. – Здоров! Как спалось на новом месте?

Плетнев с грохотом обрушил стул себе под ноги.

– Я уж думал, ты на рыбаловку укатил, лапочка моя! – Голова Николая Степановича разинула рот и захохотала. – Велосипед спроворил с утра пораньше да и поехал зорьку посидеть, машина-то твоя запертая стоит! Велел вон Женьке цветков нарезать и тебе поставить, чтоб для удовольствия. Вы, городские, цветки в банках все любите!

– Он меня чуть не убил, – пожаловалась никчemuшная девка Женька, шмыгая носом. – Стулом замахивался!

– А ты не дрейфь, Женька! – громовым голосом велел Николай Степанович. – Городские, они все отчаянные!

– Дверь-то заперта, так я в окно пролезла! А тут он со стулом! Хорошо, не шарахнул!

– А ты бы его тогда тоже... того! Шарахнула! – И Николай Степанович вновь захохотал, очень довольный своей шуткой. – Ну, поставила, и давай, давай, дуй оттуда! Нечего у человека под ногами путаться, язви твою душу!..

Фигуристая девица в немислимо коротких шортах и обтягивающей маечке похлопала на Плетнева глазами и сказала тихонько:

– Дядь Коля просил вам цветов поставить, я и поставила. А вы на меня стулом...

– Прошу прощения, – выдавил Плетнев. Ему вдруг стало так неловко, что он даже задышал с трудом. – Я подумал... Не знаю, что я подумал...

– А вы вчера приехали, да?

– Да. Извините меня, пожалуйста.

– А как вас зовут?

– Алексей... Александрович.

– А я Женя. Мы с вами соседи. Вы заходите к нам, если что понадобится. Мы вон с той стороны, – и она махнула рукой куда-то на солнце. – А вы один приехали, да?..

– Женька! – прокричал с улицы Николай Степанович. – Дуй оттуда, кому сказал!..

– Вы спортсмен, да? С Олимпийских игр?

– С чего вы взяли?!

– А у вас фигура такая!.. Как у спортсмена! – И девица захихикала.

Плетнев осознал, что стоит перед ней в одних трусах, как будто сцену играет из дешевого водевиля, и разозлился.

...Ну что вам от меня нужно, а?! Цветы в банках, козы в клумбах, девицы в шортах!.. Я уеду сегодня вечером или завтра утром.

Всем спасибо, все свободны.

– Вам, может, к завтраку чего принести? Мы по вторникам в магазин ездим, так у нас все есть!..

– Спасибо, ничего не нужно.

– Ну, я тогда пойду, да? – и Женя ему улыбнулась. Плетнев улыбаться не стал, только кивнул.

Девица взобралась на подоконник, немислимые шорты задрались еще выше, но потом вдруг передумала и спрыгнула обратно в комнату.

– А можно я через дверь выйду?

– Пожалуйста, – проскрежетал Плетнев и посторонился, пропуская ее.

Она с ног до головы окинула его оценивающим взглядом – он мог поклясться, что взгляд был именно оценивающим, женским, манким.

Еще не хватает мне деревенских сильфид!..

– Так вы к нам приходите! У нас все есть! – Она отодвинула щеколду и шагнула на крыльцо, окунулась в солнечный океан. – Только к блаженным не ходите, ну их! Я боюсь. Их у нас все боятся! Мы с девчонками однажды к ним на двор забежали, а старуха в доме одна и зелье варит! Страшно нам стало до жути! А она ка-ак повернется, ка-ак на нас глянет, у меня аж сердце в пятки ушло, мы побежали, а старуха с крыльца грозит, что всех проклянет!..

– Проклянет? – машинально переспросил Плетнев.

– И к Вальке не ходите, она злющая! Любка воровка, где убирается, оттуда вещи пропадают! Ей Прохор Петрович сколько раз предупреждения предупреждал! А Федор вообще, тюрьма по нему плачет...

– Женька, язви твою душу, что ты врешь?! – закричал откуда-то неугомонный Николай Степанович. – Сказано тебе, вали оттуда! Сколько ты в чужом доме прохлаждаться будешь?!

– А дом этот не чужой, а Прохора Петровича, – уже с улицы заговорила девица. – Его мой батя своими руками строить помогал!

– Батя-то твой помогал, только ты-то ни при чем!

– При чем!

– Женька!

Девица растворилась в солнечном свете, пропала из глаз, и на ее месте возник Николай Степанович в белой майке-алкоголичке и обвисших тренировочных штанах. Все как вчера.

– Ты ее не слушай, – приказал он Плетневу деловито. – Все она врет. От скуки девка мается, вот и врет. Никудышная такая. У ней родители работящие, а сама-а-а! Ну, как есть

современная молодежь, одним словом. Все в Москву мечтает удрать или, на худой конец, в Тверь и там в модельеры поступить. Ну, которых по ящику показывают, они там в разных нарядах туда-сюда без дела шастают. А родители ни в какую! Вот она и крутит хвостом-то, и брешет! А отцу с матерью, думаешь, это приятно?..

Плетневу было решительно все равно, что приятно, а что неприятно отцу с матерью фигуристой Женьки.

– Может, тебе к завтраку чего принести?

Плетнев чуть не завыл.

– Мне ничего не нужно.

– Ну, – вдруг заторопился Николай Степанович, – ты отдыхай, отдыхай. Если чего надо, кричи, я тут близко. Напротив. Речка знаешь в какой стороне?

Плетнев молча смотрел на него. Старикашка смешался, стал отступать, чуть не упал и вскоре тоже пропал в солнечном мареве.

Плетнев закрыл дверь, задвинул щеколду и обошел вокруг стола, косясь на трехлитровую банку с желтыми и белыми цветами.

Сегодня у нас, выходит, суббота. Уезжать сейчас бессмысленно, а завтра тем более. Попадешь в такие пробки, что в Москву въедешь как раз к концу следующей недели.

Значит, поеду в понедельник, не слишком рано, часов в одиннадцать. Решено.

А до понедельника нужно как-то дожить.

Значит... Что это значит?..

Плетнев поднялся на второй этаж, аккуратно застелил разгромленный диван, где он совершенно непонятным образом спал – почему так вышло, что спал, у него же бессонница, которую лучшие доктора лечили лучшими препаратами, да так и не вылечили! – напялил джинсы и с сомнением посмотрел на футболку. Вчерашний пот давно высох, но футболка так просолилась, что стояла колом. Нужно свежую в сумке искать, хоть и неохота!

Он по очереди заглянул в каждую комнату второго этажа – жарко, пыльно. Должно быть, Любанька поленилась здесь как следует помыть. В комнатах стояли старомодные комоды и старомодные кровати, накрытые старомодными покрывалами. Кое-где из стен торчали провода, видимо, предназначенные для светильников, но без всяких светильников. Покойный Прохор Петрович на самом деле не слишком утруждал себя хозяйственными делами!..

В самой большой комнате, справа от той, где ночевал Плетнев, размещалась библиотека – шкафы до потолка, полные книг. Алексей Александрович подошел и вытащил одну наугад.

Книга называлась «Угол белой стены», печаталась в серии «Военные приключения» и была издана в семьдесят третьем году. Том оказался изрядно потрепанным. Плетнев засунул «приключения» обратно и вытащил еще одну книгу, вовсе из другого места.

«Тайны абвера», том третий. На первой странице «Тайн» имелась фиолетовая печать с надписью в овале «Домашняя библиотека П. П. Усачева». Плетнев усмехнулся и вернул «абвер» на место.

Также присутствовали «Библиотека приключений», занимавшая две полки подряд, Александр Дюма в изобилии, «Антология советской фантастики», «Зарубежный детектив», серии «Великие разведки мира» и «Загадки прошлого».

По всей видимости, Прохор Петрович – покойный – не любил себя утруждать не только хозяйственной деятельностью, но и, так сказать, умственной. Серьезной литературы не признавал.

Зато мебель была серьезной, кабинетной, вовсе не деревенской, а, пожалуй, даже казенной: кожаный диван, широкие кресла с прямыми спинками, письменный стол с тумбами.

Плетнев задумчиво подергал ящики – все заперты. Должно быть, и не открывались никогда.

Ну, что ж, хоть на два дня, а придется обжиться – доставать из машины барахло, варить кофе, придумывать себе занятия.

Вот вопрос: как именно следует одиночествовать и искать смысл жизни вдали, так сказать, «от шума городского»? То есть теоретически понятно, а практически? Что нужно делать в момент переосмысления и трудных раздумий? Просто так сидеть?

Или читать нечто из «Библиотеки военных приключений»? Или строить глазки фигуристой Жене, которая все время врет от скуки? Или подглядывать за «ведьмой» с соседнего участка? Или базарить со сторожем Николаем Степановичем?

Или это все не годится для одиночества и раздумий и искать смысл жизни следует как-то по-другому?..

А и правда – в какой стороне речка?

Плетнев вяло сварил кофе и вяло его проглотил. Много лет он не мог ни есть, ни пить по утрам, и хотя сегодня так получилось, что утро началось днем, все равно по привычке он ничего этого не хотел. Подумал спросить у Николая Степановича про велосипед, потом решил, что разговоров и причитаний – «лапочка моя, язви твою душу!» – будет до вечера, осторожно открыл заднюю дверь и босиком вышел на просторную квадратную террасу.

Здесь была тень, лишь на перилах лежало солнце сочными ломтями. Плетнев подошел и потрогал перила, теплые, гладкие. Участок заканчивался где-то за деревьями, отсюда не видно, но Плетнев знал, что там есть решетка, а в решетке калитка, а за калиткой березы, лужайка и мостки.

Он с сомнением посмотрел на собственные босые ноги. А если он дойдет босиком до калитки? Можно или нельзя?

Фу-ты, черт! Ему вдруг стало неловко, как перед девушкой Женей. Нет, он, конечно, городской человек, кто же спорит, но даже он способен дойти до калитки босиком! Или... не способен?

Сердитыми пятками он затопал по дощатому полу, прошагал по нагретой плитке и оказался в постриженной щекотной траве. Кто же ее тут стрижет? Должно быть, Николай Степанович, больше никому.

Плетнев дошел до кустов черной смородины, увешанных гроздьями ягод. Смородина была старая, коренастая, листьев маловато, зато ягод много. Можно варенья наварить. Или наливку сделать.

Мама любила какую-то хитрую смородину, называла ее «бланшированная», как-то так. И маленький Плетнев эту смородину обожал. Не было лучшего лакомства в его жизни, чем свежий творог, политый «бланшированной» смородиной!.. На свету она была рубиновая, яркая, потом он видел такой цвет только у самых лучших итальянских вин.

Плетнев задумчиво сорвал гроздь и стал по одной объедать ягоды. Помыть бы не мешало, но один раз можно и так.

– Сосед! – закричали из-за забора. – Ну-к, подь сюда! Подь сюда, сосед!

Плетнев, к которому эти призывы, конечно же, не могли иметь никакого отношения, продолжал по одной ягоде класть в рот смородину и думать о маме.

– Кому говорю, подь сюда-то! Или ты оглох, сосед?!

Над высоким сплошным забором с правой стороны вдруг возникла круглая голова в панаме, так близко, что Плетнев отшатнулся и рассыпал все ягоды.

– Ты чего? Не слышишь, что ли?

– Слышу, – пробормотал Плетнев. Присел и принялся собирать смородину в горсть. Ему так жалко стало, что она пропадет!..

– Подь ко мне, у меня чегой-то шланг сорвало и никак не прикручивается! Ты в шлангах понимаешь?

– Нет.

– Ну, зайди, зайди, хоть поддержи, я сама прикручу!..

Плетнев вздохнул и оглядел забор, в котором не было ни малейшего намека на дверь или калитку. Голова между тем скрылась, и с той стороны забора доносились неясные звуки.

– Да чтоб тебя взяло! От сволочь такая!.. Да я тебя!.. Ну, где ты там, сосед? До завтра ждать, что ль, я буду?!

– Как к вам попасть?

– Чего попасть?!

Алексей Александрович пожал плечами и пошел по своим делам. В конце концов, он тут только до послезавтра и нет никакой необходимости устанавливать дипломатические отношения с соседями.

Он вдруг вспомнил, как их устанавливала Марина – всегда лучше всех, всегда и во всем виртуозно, и ему стало так жалко себя и ушедшей жизни, которая сейчас казалась ему прекрасной!..

– Правильно идешь! – вдруг грянуло с забора. – Прямо до мостков и дуй, а там перелезешь – и вот наша калиточка!.. Я ж ведь и забыла, что ты в первый раз-то!

Плетнев, толкнув калитку, вышел со своего участка, который вдруг показался ему очень большим, дом маячил за деревьями, как будто очень далеко, и очутился внутри картины кого-то из импрессионистов. Он перевидал их множество и никогда не мог запомнить имен!..

Березы шелестели в вышине, как могут шелестеть только березы и только в июле – тоненьким, быстрым, немного металлическим звуком. Солнечные пятна лежали на чистой и очень зеленой траве. За березами были ручей и мостки, надежные, выкрашенные надежной коричневой краской. Плетнев вышел на мостки, доедая из горсти смородину, и зачем-то на них попрыгал, как будто проверял. Мостки не шелохнулись.

В проточной воде полоскались длинные ветки каких-то подводных растений, а в крохотной заводии цвела кувшинка или лилия, шут их знает, большой желтый раскрытый цветок – тут уж начался Васнецов!..

Сюда бы кресло полосатое приволочь – такое специальное дачное кресло под названием шезлонг, – улечься в нем, надвинув на глаза кепку, вытянуть ноги и дремать. Вполне в духе всех бездельников и тунеядцев, начало которым положил Обломов, герой великого русского писателя Гончарова. В детстве Плетнев ненавидел обоих, и писателя, и его героя.

Прозрачная слюдяная стрекоза вдруг приземлилась на лилию или кувшинку, шут их разберет, чтобы довершить, так сказать, идиллию.

Плетнев ненавидел идиллии. Ему казалось, что любая идиллия – вранье.

– Ну, где ты там пропал, сосед? В ручье, что ль, утоп?

Он оглянулся.

С правой стороны затрещали ветки, раздвинулись кусты то ли малины, то ли еще чего-то, и показалась давешняя круглая голова в панаме.

– Иди скорей, у меня там заливает все!

Плетнев полез в кусты, сильно укололся, охнул, поджал ногу, выскочил и запрыгал.

– Чего ты? – недовольно спросила тетка. – Ничего у нас там нету, ни стекляшек, ни железок! Чего скочешь-то?!

...Зачем я все это делаю? Что со мной такое? Или так полагается, когда приезжаешь в деревню, чтобы подумать о смысле жизни и о том, что дальше?..

Следом за теткой, стараясь не ступать на наколотую пятку, он проковылял на соседский участок, длинный и узкий, как тоннель. Впечатление тоннеля дополняли еще бесконечные крыши бесконечных теплиц, поднятые и откиннутые рамы, и от этого казалось, что идешь по коридору, заставленному шкафами с давно не мытыми стеклами.

– Вот здесь, глянь!.. Сорвало и хлещет!

Плетнев прошел еще немного, вдруг под ногой плюхнуло, плеснулось, и он погрузился по щиколотку то ли в жидкий навоз, то ли еще в какую-то дрянь.

На дорожке между теплицами стояла лужа, присыпанная сверху щепой и опилками.

Джинсы сразу залило, и брезгливый Плетнев, морщась, стал выбираться, но выбраться было некуда – лужа простиралась, похоже, на весь участок.

– Да ты чего? Ну, говорю же, текет! Вишь, сколько натекло! Но ничего, все впитается, лето нынче жаркое, даже хорошо, что мне дорожку полило! Вон, гляди!

И перед носом у Плетнева возникла обширная задница, обтянутая чем-то фиолетовым.

Куда глядеть-то, мрачно подумал он, жалея джинсы и себя.

Из железной трубы, под которую были подложены кирпичи, широкой струей летела вода. Толстый зеленый шланг валялся рядом. Тетка подхватила шланг, стала натягивать его на трубу, вода брызнула веером, застучала по крышам и окнам теплиц, облила тетку и самого Плетнева с головы до ног.

– Мой-то с утра в гараж укатил, – перекрывая шум воды, закричала тетка. – В гараж ему надо! А что у меня помидоры горят, на это ему наплевать!..

Она все пыталась натянуть шланг, вода все била в разные стороны, Плетнев пытался прикрыться от струи рукой, но где там!..

Алексей Александрович понял, что придется покориться, и покорился. В конце концов, он сам во всем виноват. Понесло его в деревню, схимничать и анахоретствовать!

Он сделал блестящую карьеру – все поздравлявшие его с сорокалетием напирали именно на то, что карьера блестящая! – не может быть, чтоб он не справился с каким-то там шлангом!

Тетка все кричала, вода все била, с глухим стуком обрушиваясь на стекла теплиц и на мокрую ткань джинсов, а Плетнев оглядел трубу, обнаружил за парником кран, вылез из лужи, высоко, как цапля, поднимая ноги, подошел и завернул его.

Вода перестала хлестать.

– Ах ты, окаянная сволочь! Сколько раз просила, чтоб мне как следует привернули, так нету их никого! В гараж им надо! На работу им надо! Одной мне ничего не...

Тут тетка обнаружила, что вода больше не идет, бросила шланг, встала на корточки прямо в воду и заглянула в трубу.

– Вот те на!.. Никак насос заклинило! Еще беда!

– Ничего не заклинило. Я выключил.

– Чего?!

– Я выключил воду.

– Как?! – поразилась тетка, вылезла из лужи и встала, широко расставив руки, с которых текло и капало. – Зачем?

– Чтобы шланг прикрутить.

Плетнев уже много лет ничего не делал... сам. Для всяких таких дел – поменять колесо, прочистить трубу, вытряхнуть пылесос – имелся целый штат людей. С некоторой гордостью и превосходством Плетнев называл штат «специально обученные люди». Эти люди худо ли, хорошо ли, делали за него... все. Он понятия не имел, как надо прикручивать шланги на трубы, и гордился этим!..

Впрочем, он же сделал блестящую карьеру. Вряд ли прикрутить шланг сложнее, чем сделать карьеру.

А, пропади оно все пропадом!..

Он плюхнулся на колени в лужу – то ли навозная, то ли опилочная жижа моментально вышла из берегов – и внимательно осмотрел сначала трубу, а потом шланг. Он знал совершенно точно, что в любом случае сначала стоит подумать. Подумать и посмотреть, а уж потом действовать.

Тетка в панаме отчетливо фыркнула. Должно быть, с ее точки зрения, он действовал неправильно.

– У вас есть проволока и какие-нибудь гайки? Мне нужна одна, но большого диаметра!

– Да... в сараюшке все есть! На верстаке.

И подбородком показала, где именно сараюшка.

Через две минуты Плетнев прикрутил шланг так, что его не оторвала бы от трубы даже сборная по перетягиванию каната.

Он выбрался из лужи и повернул вентиль. Шланг затрясся, наполняясь водой, свернутые кольца заходили вверх-вниз, где-то в отдалении зашипело, плюнуло и полилось.

– Вот спасибо тебе, сосед! – прочувствованно сказала тетка. – Вот спасибо! Глянь, как справил! А мой-то! В гараж укатил! Щас, погоди, только переложу его, чтоб хоть под яблоню лило!..

Плетневу от ее благодарности вдруг стало так приятно, что он даже слегка покраснел от удовольствия.

Его сто лет никто ни за что не хвалил.

Нет, хвалили, конечно! Вот на сорокалетии за «блестящую карьеру», но все ему казалось, что хвалят не его, а именно карьеру, это она, карьера, молодец, что получилась такой блестящей!

А вот просто так, за ерундовое, пустяковое дело – пожалуй, нет. Пожалуй, сейчас уже даже не припомнить, когда именно его хвалили.

– Ты туда не ходи! – закричала на него тетка, когда он двинул в обратную сторону к мосткам. – Ты по улице иди, а то опять ногу наколешь! Тебя как звать-то?

– Алексей. – И не стал добавлять «Александрович».

– Ты, Леша, Прохору Петровичу покойному родственник?

– Нет.

– До чего мужик был понимающий! Ну? А ты чего?

Плетнев молча смотрел на нее. Он умел смотреть вопросительно.

– Ты вчера, что ль, приехал?

Он кивнул. Он умел отвечать без слов.

– Вот и хорошо! А то что за дело, дом столько годов без хозяина! На нашей улице твой самый приличный дом! Только, может, у блаженных лучше будет, да бог с ними! А тебе ничего не надо?

– Спасибо.

– Да чего там спасибо, все свои люди! Мы с Прохором Петровичем покойным...

Плетнев покивал и пошел в другую сторону.

– Леша, Леша!

Он обернулся. Тетка смотрела ему вслед, козырьком приставив ладонь к глазам, солнце било ей в лицо.

– Может, кваскухватишь?! Мой-то квасок хорош!

– Спасибо.

– Заладил! А морковочки! Выдернуть тебе морковочки? Сахар чистый, а не морковь!

Плетнев отрицательно покачал головой и двинул к калитке. Он уже вышел было, когда тетка догнала его и сунула в руку три мокрые морковки с длинными волокнистыми хвостами, похожими на толстые грязные белые нитки.

– Я ополоснула. Покушай, Леша! И приходи, если чего надо! Меня Валентиной звать. В молодости Валюшкой, а сейчас все больше тетей ВалеЙ!

Плетнев, чувствуя себя очень глупо с тремя мокрыми морковками в руке, потянул калитку и вышел.

– Только крючок-то, крючок накидывай! – велела из-за редкого штакетника Валюшка. – Коза забредет, все цветы объест! Это Артемка, внук, все забывает!

Плетнев накинул крючок, чувствуя себя почти деревенским жителем, посмотрел на улицу и вдруг спросил тетку, которая все еще не уходила к своим парникам:

– А здесь... одни дачники?

– Да разные! – охотно ответила та. – Всякие, и дачники, и не дачники! Дачники-неудачники!.. Дядя Коля, Николай Степанович, что за твоим домом доглядывает, егерь местный, круглые сутки здесь живет. Мы с Москвы катаемся, никак не накатаемся, чтоб ей провалиться куда-нибудь совсем!.. У меня папанька-то на ЗИЛе работал, хотя они обое с маманей отсюда, с Острова. Я тут, считай, только и живу, а в Москве чего? Одна беготня и столпотворение. Мы с Витюшкой чуть минута свободная – сразу сюда едем. Мне еще Прохор Петрович покойный говорил: ежели ты, Валюшка, этот участок продашь, миллионершей станешь! И сам ладился купить, только я ни за что продавать не желаю! Пока жива, маманин дом стоять будет! Ну, Федор с той стороны, за тобой который, он из лесничества тоже и тоже все время тут сидит, хотя иногда до города мотается. Дядь Паша с тетей Нюрой и девчонки ихние – местные, а уж за ними москвичи какие-то богатые-знаменитые, мы их тут промеж собой «газпромом» зовем!

– Как? – не понял Плетнев.

– А мать ихняя все время талдычит: у нас в Газпроме, у нас в Газпроме. И то у них в Газпроме, и се! Птичьего молока захочешь, в Газпроме имеется! Ну, блаженные тоже с Москвы...

– Кто такие блаженные?

– А две дуры-то эти, не знаешь? – удивилась Валюшка. – Хотя ты ж только приехал! Ихний участок к лесу самый крайний. Вот они-то, если б продали, так уж точно миллионщиками стали, больно участок здоровенный! Так ведь не продают! И не сажают ничего. Папаша ихний какой-то знатный академик был или директор! Помер давно, лет десять как. От сердечного приступа вроде бы, а может, еще от какой болезни. Все по заграницам скакал, вот и доскакался! Чего там хорошего, в заграницах этих? Только участок они до сих пор не продали, видать, оставил им наследство папаша-то! И не растят ведь ничего, ничегошеньки! Старшая мне говорит: не люблю я, Валюша, когда перед глазами грядки, а люблю я, Валюша, когда перед глазами лес! Лесу им мало, понимаешь ты? Вышла вон за калитку, вот и лес тебе! Я, может, тоже лес люблю, только у меня внуки должны все самое свеженькое есть, прямо с грядочки, вот этими ручками для них специально выращенное! А лес мне зачем?!

– Спасибо вам большое, – поблагодарил Плетнев, вдруг сильно устав от ее трескотни. Да и солнце жарило так, что хотелось чем-то прикрыть голые беззащитные плечи.

– Да тебе спасибо, Лешенька! Я пирог спеку, тебе крикну, со своей стороны подам, а ты через забор примешь!

Алексей Александрович, который никогда никаких пирогов не ел, употреблял пищу исключительно здоровую и правильную, моментально решил, что, если Валюшка станет ему кричать, ни за что не отзовется, и быстро пошел по улице налево. Его дом был с правой стороны.

Мокрые джинсы липли к ногам, и наколотая ступня сильно болела.

Хорошо в деревне летом!..

Впрочем, ничего особенно плохого тоже пока не произошло, и еще ему почему-то очень нравилось, что он починил кран.

Значит, пока на что-то способен?..

Почему на «что-то»?! Он способен на все, недаром сделал блестящую карьеру! Эта карьера своим блеском затмила даже его сорокалетие и...

– Здрости, дядь Леш!..

Мимо промчался загорелый, как негр, мальчишка на велосипеде, и Алексей Александрович узнал – это Любанин сын. Который вчера вечером допрашивал его, Плетнева, с пристрастием.

Плетнев покивал ему вслед, как бы здороваясь, хотя мальчишка давно укатил, и вдруг обнаружил в своей руке три морковки.

Съесть, что ли?..

Или не есть?..

Он выбрал морковку побольше, откусил, захрустел и зажмурился от удовольствия. Сахар, а не морковь!..

Непривычным ногам было больно, наколотой пяткой он, как нарочно, все время наступал на мелкие камушки и в конце концов сошел на травку. В воздухе густо пахло цветами, ни один листок не шевелился, только толстый шмель качался на ветках, перелетал с одной на другую, развлекался так, должно быть.

Плетнев доел одну морковь и принялся за следующую. Что-то есть хочется! Он посмотрел на часы. Ну, конечно!.. Через десять минут ему подадут обед: салат из рукколы с камчатским крабом, протертый суп из спаржи, паровые биточки и крохотную чашку кофе без кофеина.

Плетнев посмотрел сначала на шмеля, а потом на собственные грязные босые ноги.

Никто ничего тебе не подаст. Ты в деревне Остров, сто двадцать километров от Москвы, шестьдесят от Твери, за Владыкиной Горой сразу направо, не путать с деревней Островцы, что за речкой Чилухой, а за Долгими Бородами поворота нет!

Ты сам этого хотел. Правда?..

Суп из спаржи и паровые битки!..

Плетнев выплюнул горький морковный хвост и принялся за последнюю, как вдруг за кустом громко сказали:

– Я тебя предупредила! Не хочешь по-хорошему, значит, будет по-плохому!

Плетнев вздрогнул и воззрился на куст. Ничего не видно, кроме плотных листьев, зарослей буйных цветов и шмеля, который все качался.

Другой голос что-то прогудел в ответ, он не расслышал, и первый, напористый, сердитый, женский продолжал:

– Я тебя в покое не оставлю! А будешь кочевряжиться, посажу на фиг! Ты со мной шутики вздумал шутить?!

Ах, как знал Плетнев эти напористые, сердитые, определенные женские голоса! У него вдруг зашумело в голове, кровь бросилась в лицо, как будто невидимая женщина за кустами разговаривала именно с ним, и он быстро зашагал прочь, стараясь не слушать, но все-таки расслышал еще:

– Кишка у тебя тонка! Ты мне-то не грозись, не грозись! Мужик ты или нет?! Все равно по-моему будет! А ты думай!..

Мужик ты или нет – так спрашивала у него, Плетнева, Оксана, и глаза у нее сверкали. Впрочем, сверкали не только глаза, но и шея. Она любила бриллианты, и на ее шее они лежали широкой полосой всегда, даже на пляже!

Мужик ты или нет, в конце концов?! Ты что, не видишь, что происходит?! Ты, ты во всем виноват!

Плетнев зашвырнул морковку, потерявшую всякий вкус, и почти побежал вдоль дороги, только чтоб не слышать ясный и обвиняющий женский голос, с разгону влетел в какие-то колкие ветки, больно хлестнувшие по лицу, и только тут остановился.

...Что за нервические припадки?! Этот голос в зарослях уж точно не имеет к тебе отношения! Ты заплатил за все, счета закрыты. Никто больше не посмеет так разговаривать с тобой.

Он вытер пот со лба и глубоко вздохнул.

Прошлого нет, кончилось. Правда, настоящее все никак не начнется, а будущего, кажется, и вовсе...

Тут у него перед глазами вдруг что-то мелькнуло, он даже отшатнуться не успел, как будто свистнуло, дернулись ветки, раздался рык, голова треснула надвое со странным арбузным звуком, и Плетнев подумал отчетливо: надо же, а я так и не понял, как именно следует начинать жизнь заново. Наверное, как-то можно было начать, а я не успел.

– ...Да не могла я его убить, ну что ты!.. Я совсем легонько палочкой тюкнула!

– Он же не дышит!

– Дышит, дышит, ты просто не слышишь.

– А ты слышишь?! Сто раз я тебе говорила!

– Ну, водичкой, водичкой полей еще!

Раздался плеск, потом какой-то то ли вздох, то ли стон, и в лицо ему полетела вода. Плетнев замотал головой, замычал и сел, не открывая глаз.

– Говорю же, все в порядке! Дай я сама!

Снова плеск, вздох, снова вода, только теперь так много, как будто слон дунул из хобота. Он видел в Индии, как слоны обливаются в жару – очень много воды, водопады, потоки! А может, опять сорвало Валюшкин шланг.

– Сейчас я еще...

– Хватит! – хриплым голосом приказал Плетнев и закашлялся. – Хватит уже!..

– Господи боже мой!..

– А ты говорила, помер!..

Он открыл глаза и в первую секунду ничего не понял.

Во вторую тоже не понял ничего.

Никаких слонов и никакого шланга. На него смотрели два инопланетянина в круглых зеленых шлемах и странных одеждах. У них были плоские белые лица, занавешенные какими-то сетками. Должно быть, инопланетными.

Алексей Александрович застонал и взялся руками за голову. Волосы мокрые, в ушах вода, и вообще ему казалось, что это чья-то чужая голова.

– Как вы себя чувствуете, молодой человек? – заботливо спросил один из инопланетян, и вопрос показался Плетневу странным.

– Прекрасно, спасибо.

– Вы нас извините, пожалуйста, мы не нарочно...

– Нелечка, какое это сейчас имеет значение? Нужно помочь молодому человеку подняться и посмотреть, что у него с головой.

– С головой плохо, – пробормотал Плетнев, пытаясь руками удержать эту самую голову на плечах.

– Ну, ну, не преувеличивайте! На первый взгляд все довольно прилично. Нелечка, давай его возьмем и понесем. Ты за руки, я за ноги.

– Мы не донесем.

– Но ведь бросить его мы не можем!

– Господи, сколько раз я тебе говорила, чтобы ты...

– Нелечка, какое это сейчас имеет значение! Давай попробуем. Бери его за плечи, а я возьму...

Плетнев понял, что его действительно собираются куда-то нести, отпустил голову, которая моментально отвалилась и покатила по траве – в глазах замелькали синие, зеленые, разно-цветные точки, – кое-как встал на колени и с трудом поднялся, ухватившись за ближайшего инопланетянина.

Тот покачнулся, но Плетнев его удержал. При этом тот еще заглядывал ему в лицо и громко сопел. Плетнев протянул руку и подвинул инопланетянина так, чтобы он сопел в другую сторону.

– Что случилось?.. У меня... инфаркт?

Его французский доктор всегда предупреждал об опасности инфаркта именно в сорокалетнем возрасте. Кажется, недавно Плетневу исполнилось сорок. А доктору сколько исполнилось? Сто сорок?

– Боже избави, что вы такое говорите, какой инфаркт? Нелечка, посчитай ему пульс, или давай я сама посчитаю!

– Мама, отстань ты от него, дай ему в себя прийти.

– У него бред. Он думает, что у него инфаркт.

– Мама, давай попробуем довести его до скамейки и уложить.

– А ты уверена, что ему уже можно ходить?..

Алексей Александрович замычал, пощупал голову, невесть как опять воздвигнувшуюся на плечи, пошел куда-то, только чтоб их не слышать.

Инопланетяне заботливо поддерживали его под руки.

– Давай сюда! Поворачивай его, поворачивай!

– Нет, лучше в тенек, чтоб не напекло.

– Далеко, он не дойдет! Поведем туда!

Плетнев, который неожиданно и как-то в одну секунду начал соображать, остановился, стряхнул с себя инопланетян и сказал громким неприятным голосом:

– Так. Я прошу вас оставить меня в покое. Не надо меня никуда вести.

Они испуганно примолкли, он дошагал до какой-то лавочки, плюхнулся на нее, пощупал голову и посмотрел на свои пальцы.

Крови никакой не было, только иголки и еще какая-то дрянь.

...Что со мной могло случиться? Солнечный удар?..

Тут у него перед носом появилась какая-то замотанная тряпка, которая тут же исчезла, зато голове стало холодно и приятно. Он снова пощупал. Один из инопланетян держал ледяную тряпку у него на макушке.

– Мама, ему нужно дать обезболивающее. Сильное!.. Посмотри в аптечке, там есть. Иними ты, ради бога, этот накомарник дурацкий!..

Голове легчало, зеленые и синие искры перестали вспыхивать перед глазами, Плетнев глубоко вздохнул и осторожно посмотрел вверх.

Какая-то встревоженная тетка со странной прической осторожно прижимала тряпку к его голове и наскоро ему улыбнулась.

– Я лед в нее завернула. И вам хорошо бы умыться. У вас на щеке немного крови. Вы, когда падали, за шиповник зацепились. Сможете умыться? Подставляйте руки!

Плетнев покорно сложил ладони ковшиком, и в них откуда-то полилась вода, ледяная, чистая. Он сначала попил – ему вдруг очень захотелось пить, – а потом умылся, и правда полегчало!

– Сейчас мама таблеточку принесет, вы выпейте, и станет совсем хорошо.

Плетнев кивнул.

Тетка шумно вздохнула, приткнулась рядом с ним на лавочку, попила из кувшина, сильно запрокидывая голову, а потом стянула с волос некое сооружение.

Оказывается, это у нее не прическа! Оказывается, это шляпа такая.

– Испугалась я, – пожаловалась она, наклонилась вперед и поплескала из кувшина себе в лицо, потом утерлась. – Как я испугалась!..

Плетнев подумал немного.

– А что со мной случилось?

Тетка искоса посмотрела на него.

– Да это все мама, – сказала она с досадой. – Вечная с ней история!

– Нелечка, вот зачем ты говоришь о маме плохо?! Мама знает, что делает! Ну, подумаешь, немного ошиблась, с кем не бывает, я же не нарочно!.. Вот таблеточка, молодой человек. Сейчас у вас все моментально пройдет. Выпейте, выпейте!..

Плетнев покорно выпил «таблеточку», а вторая тетка, которую первая называла мамой, вдруг принялась изо всех сил махать на него своей диковинной шляпой, чуть не задевая по носу, так что Плетневу приходилось то и дело отшатываться.

– Мама, что ты делаешь?!

– Как что? Вентирую!

– Перестань. Ну что ты, ей-богу!

– Ему необходим кислород.

– Отстань от него.

Плетнев нащупал у себя на голове тряпку со льдом, перехватил и передвинул немного. Стало так хорошо, что он даже глаза закрыл.

– Что такое?! Вам опять плохо?!

– Мам, наверное, придется в город ехать. А если у него сотрясение мозга?

– Нет у меня сотрясения мозга, – громко сказал Плетнев, который понятия не имел, есть оно или нет, и открыл глаза. – Объясните мне, что произошло.

– Ах, да ничего особенного, просто маленькое недоразумение, малюсенькое, но достаточно неприятное, чтобы...

– Я хотел бы знать, что случилось. – И он посмотрел на тетку, которая сидела рядом. Ему казалось, что установить с ней контакт будет проще, она хотя бы понимает человеческую речь. Или делает вид, что понимает. – Я упал? Ударился?

Что скажет на это его французский доктор?! Упечет в клинику на полное обследование, включая компьютерную томографию всего!..

– Мы вас ударили, – покаянным голосом сказала тетка и шмыгнула хищным носом. – И вы упали. То есть сначала мы вас ударили, а потом вы упали.

– Вы меня ударили?! – поразился Алексей Александрович.

– Нелечка, зачем ты ему все это рассказываешь? Молодой человек явно плохо себя чувствует, до того ли ему сейчас...

– Мама, угомонись.

Тетка рядом с ним махнула рукой, отгоняя муху. Плетнев смотрел на нее во все глаза.

– Вы... простите нас. – Она отвела взгляд и, кажется, всхлипнула. – Если хотите, мы можем заплатить за ущерб...

– Нелечка, что ты говоришь, девочка, какой еще ущерб, если молодой человек жив и здоров...

– Почему вы меня ударили?! Я что, на вас напал?! Вы защищались?!

– Ох, ну нет, конечно! Мама была в малиннике на той стороне. – Тетка опять махнула рукой. – И так получилось...

– Что получилось?!

– У нас медведи! – объявила вторая или первая торжественно. – У нас пропасть медведей!

– Мама, подожди, дай я...

– Нет уж, я сама, а молодой человек пусть рассудит. Очень, очень много медведей! Три года назад они приходили почти под окна. Я сама не видела, но так сказал Николай Степанович. То есть не Гумилев, конечно, а наш Николай Степанович, егерь. Он утверждает, что медведи очень опасны, они страшные хищники и нужно соблюдать осторожность. Я соблюдаю! И потом, у меня на попечении девочка, вы же понимаете! А я мать! Какая же мать не защитит своего ребенка?! Если она не может защитить, значит, она никудышная мать!

Плетнев взял из рук сидевшей рядом тетки кувшин и немного полил себе на голову. История о медведях произвела в ней, пожалуй, такие же разрушительные действия, как и удар.

– Так, – сказал он, слизнув с губ вкусную воду. – Значит, вы просто стукнули меня. Чем?

– Палочкой, – жалобно проблеяла тетка.

Плетнев посмотрел на свою соседку, и та хмуро показала на суковатый березовый дрын, валявшийся в траве.

Дрын был сломан, щепки торчали.

– Давайте уточним. Вы увидели в кустах меня, решили, что это медведь, и стукнули по моей голове во-он той... палочкой.

Тетка сокрушенно вздохнула.

– Ну... да.

– Надо было на помощь позвать, а не лупить по голове, мама! – укорила ее вторая.

– Кого же я позову? Мне некого звать! И, понимаете, Нелечка ведь тоже была в это время на участке! Я же должна ее защитить! Я бы стала кричать, а медведь тем временем напал на нее?! Что тогда? Это очень опасный хищник, мне Николай Степанович, не Гумилев, а наш егерь, такие ужасные истории рассказывал! Вот, например, в прошлом году, как раз когда ягоды пошли...

– Хорошо, что вы сидели в кустах без дробовика, – протянул Плетнев. – Пропал бы я тогда!..

Тут он взялся за голову и захохотал так, что с забора кубарем скатилась сорока, расправила крылья и понеслась прочь, кажется, поминутно оглядываясь.

Хохот отдавался в голове, как будто бильярдные шары разлетались и изнутри били в черепную коробку, но ему было так смешно, что он не мог остановиться.

Еще неделю... нет, три дня назад... нет, еще вчера невозможно было представить, что какая-то сумасшедшая тетка даст ему поленом по голове, приняв за медведя!.. Когда минувшей зимой он, катаясь на лыжах, повредил ногу, об этом сообщили все ведущие телеканалы, а начальник службы безопасности моментально уволил охранника, который был с ним на склоне, за то, что тот допустил чрезвычайное происшествие, практически провалил задание, не обеспечил!..

Обе тетки хохотали вместе с ним, одна басом, а та, что сидела рядом, потоньше. Она даже закрылась руками – так зашлась.

Плетнев хохотал довольно долго, потом перестал и удивленно посмотрел на теток. Он не смеялся так много лет, разве что на разного рода юмористических премьерах, где положено смеяться.

– Спасибо вам большое, – искренне сказал он. – Вы меня повеселили.

– А голова? – тут же спросила та, что сидела рядом. – Полегче?

Он пожал плечами. Это не имело никакого значения.

– Вы все же нас простите, пожалуйста! Я сейчас вам дам таблетку, надо обязательно выпить на ночь, а по-хорошему, конечно, к врачу сходить. Вы когда в город собираетесь?

Почему-то Плетнев не смог сообразить, когда именно он собирается в город, и сказал противоположное:

– Я только вчера приехал.

– Так вы наш сосед! – возликовала старшая. – Вы, должно быть, сейчас занимаете дом покойного Прохора Петровича! Я так и знала! Нелечка, он наш сосед!

– Я поняла, мама.

– Может быть, хотите квасу? У нас очень вкусный квас! Ледяной, совершенно ледяной! У нас, знаете ли, такой погреб, что даже в самую жару...

– Вы к нам зачем-то шли? – Это младшая спросила, и Плетнев взглянул на нее. – Мы вас оглушили, но ведь вы как-то оказались у нас в малиннике!

– Я просто гулял.

– Босиком и в мокрых брюках?

– Нелечка, не приставай к молодому человеку. Он сейчас не в состоянии отвечать на твои...

Плетнев встал. В глазах потемнело, но он справился с собой. Похоже, младшая заметила, что ему нехорошо.

– Хотите, я отвезу вас в Тверь?

– Зачем?

– В больницу.

Алексей Александрович усмехнулся.

Что скажет его французский доктор, если он сообщит, что находится в травмопункте в Твери? А служба безопасности? А приятель Павлик? А Марина?.. И еще Оксана!

Настроение у него вдруг испортилось, как будто задернули пыльный занавес и все, что было за ним – весело освещенная сцена с нарисованным пейзажем и речкой, – оказалось просто декорацией.

Никаких чудес.

– Мне нужно идти.

– Я вас провожу.

Плетневу было все равно, проводит его одна из теток или нет, и спорить не хотелось.

– Нелечка, непременно дай ему с собой обезболивающего!

– Я помню, мама.

– И еще раз извините меня, молодой... Простите, как вас зовут?

– Алексей, – он хотел добавить «Александрович», но сказал: – Плетнев.

– Очень, очень приятно. Я Нателла Георгиевна! А это моя дочка Нелечка!

– Я уже понял.

– Не ля, надень панаму, там такой солнцепек!..

– Мама!..

– Приходите к нам на обед! Мы вас позовем, непременно позовем!.. А когда вы собираетесь в город?..

– Мама!..

Плетнев решительно не знал, куда идти, и младшая из теток пошла впереди, показывая дорогу. Участок был такой просторный, что ни дома, ни забора он не видел.

Какое-то время они шли между деревьями по желтой дорожке, потом тетка остановилась, пошарила рукой, распахнула калитку и пропустила его.

Впереди была короткая тенистая аллея, а за ней деревенская улица, белая пыльная дорога, солнцепек.

– Простите нас, – хмуро сказала тетка. – Ради бога, простите!.. Я вас просто умоляю. Мама... бдительная очень. И всего боится. Особенно змей и медведей. Я маленькая все лето ходила в резиновых сапогах, представляете? Чтобы меня случайно не укусила гадюка!

Плетнев молчал.

– Ей Николай Степанович голову заморочил! Он же егерь, все про зверье знает. А здесь правда года три назад было много медведей. Нас специально предупреждали, чтоб в лесу шумели сильно, когда за ягодами идем. Они шума не любят. И людей не боятся! А охотиться нельзя, заказник здесь...

Плетнев вышел на солнцепек, прищурился и посмотрел вдоль совершенно пустой улицы.

– Ну правда, простите! Мы не хотели! Мама не хотела, ей-богу! Ей плохо стало, когда она увидела, что вас ударила, на самом деле!.. Простите?..

– Для чего вам мое прощение? – вдруг спросил Плетнев, остановился и посмотрел ей в лицо. – Вы знаете ответ на этот вопрос?

Тетка моргнула.

– Я не стану подавать на вас в суд, и мне не нужна компенсация ущерба. Вы это уже поняли. Прощение мое вам зачем?

Она как-то странно пожала одним плечом.

– Вот именно, – сказал Плетнев, обошел ее, но остановился. – Оно вам не требуется. Вам нет до меня дела, и мне нет дела до вас и вашей мамы, кого она там боится!.. Мы с вами больше и не увидимся никогда! Зачем вы умоляете меня о прощении?.. К чему вам оно?..

Он дошел до колючего куста с пышными белыми цветами, где давеча гудел шмель, и все же обернулся.

Никого не было на пыльной белой дороге, ни единой живой души.

– Лапочка ты моя, – закричал на него Николай Степанович не Гумилев, а егерь, когда он заходил в свою калитку. – Где это ты извозился так, язви твою душу!.. Дверь-то все захлобучена, я думал, ты на велосипеде укатил! Ты через терраску, что ль, вышел?

Плетнев прикрыл за собой калитку и накинул крючок.

– Я тебе там огурчиков приволок, с грядки прямо! На терраске поставил! И морковки! Сахар чистый, а не морковь! Ты погрызи! Слышь?..

– Спасибо, – себе под нос пробормотал Плетнев.

Ему вдруг стало стыдно, что он говорил чужой тетке на дороге какие-то глупые слова о прощении.

– И на рыбаловку если наладишься, у меня прежде спроси! Я тебе место укажу! Да у нас и не везде ловить можно, я за этим доглядываю!.. А лучше погоди до завтра, зять мой Виталя приедет, так с ним вместе сходишь!

– Хорошо, – сквозь зубы пообещал Плетнев.

До вечера он просидел в качалке, лелея головную боль, которая разгоралась с каждым часом. Потом зной вдруг начал быстро спадать, налетел ветер, тревожный и резкий, и стал сильно в одну сторону нагибать яблони и рябины, странно оголяя стволы и ветки. С качалки унесло покрывало. Плетнев догнал его почти у самого забора и приволок обратно, нагибаясь и преодолевая ветер. Стремительно и угрожающе потемнело, зашумело, и из полей надвинулся проливной отвесный белый дождь.

Он разом ударил по железной крыше, из водосточков полило, и в момент образовались лужи на плитке и в траве. Некоторое время Плетнев удивленно смотрел на дождь, как будто впервые его видел, потом ушел в дом.

Делать было совершенно нечего, он послонялся немного и завалился спать, ни на что не надеясь. Один раз этот номер со сном еще мог пройти, но не каждый же раз так везет!..

Он проспал до утра и проснулся от солнца, ломившегося к нему в комнату.

Плетнев встал в прекрасном настроении, несмотря на то что голова не поворачивалась и странно сидела на плечах. Ему вдруг страшно захотелось есть, и он вспомнил, что вчера съел всего три морковки с грядки соседки Валюшки!..

Он долго и с удовольствием завтракал на террасе, а потом ему показалось, что по участку кто-то ходит.

Должно быть, Николай Степанович – язви его душу – приволок карасей. Или парного молока.

С недопитой чашкой кофе в руке Плетнев сбежал с заднего крыльца, обошел дом и нос к носу столкнулся с человеком в форме, ходившим возле его машины.

От этого человека Плетнев узнал, что егерь нынешней ночью был убит ударом по голове.

– Вы ничего не слыхали? – спросил человек. – Подозрительного, к примеру?

– Мне нужно позвонить, – сказал Плетнев растерянно.
– Всем нужно! – воскликнул форменный почти весело. – Да как звонить-то, когда связи нет!..

Алексей Александрович собирался уехать в тот же день, и черт с ним, с воскресеньем, уж как-нибудь в пробках перестрадает, но не получилось. Человек в форме – как выяснилось, участковый – явился снова и попросил дождаться опергруппу.

Он так и выразился – опергруппа, и Плетнев какое-то время соображал, что это за группа такая. Детективов он никогда не читал, телевизор не смотрел, об убийствах представление имел самое смутное.

Возле дома Николая Степановича толпился народ, люди входили, выходили, громко переговаривались, и улица, еще совсем недавно тихая, разморенная солнцем и жарой, была полна тревожных голосов. От этих голосов, от разноцветной толпы, в которой, разинув рты, стояли ребята с велосипедами, всхлипывающие тетки в сарафанах и панاماх и мужики в шортах и кепках, Плетнев ушел на террасу и сидел до тех пор, пока не явился пожилой отдувающийся дядька в мокрой на спине рубашке. Обмахиваясь привядшим лопухом, он поднялся по ступенькам, спросил квасу и страшно удивился, когда выяснилось, что никакого кваса нету.

Старательно и совершенно равнодушно он, сверяясь по паспорту, записал «данные» Плетнева, спросил, где тот был минувшей ночью, и так же старательно и равнодушно записал, что Алексей Александрович был на диване в своей комнате на втором этаже.

Не слышал ли он чего-нибудь подозрительного?.. Нет, не слышал. Может, машина подъезжала? Может, и подъезжала, но Алексей Александрович в это время спал и никакого шума не слышал. А хорошо был знаком с убитым? Да нет, почти не знаком. В первый раз увиделись три года назад при покупке вот этого самого дома, а второй позавчера вечером, когда он, Плетнев, приехал отдохнуть.

Впрочем, все три года он ежемесячно Николаю Степановичу пересылал некоторые суммы, очень скромные, – вознаграждение за то, что егерь «присматривает за домом».

Эти «суммы», как и сам Плетнев, дядьку нисколько не интересовали, ему хотелось как можно скорее закончить скучную и ненужную процедуру, а когда Алексей Александрович, поколебавшись, все же спросил, за что могли убить такого безобидного человека, махнул рукой и встал, собирая бумажки:

– Да хоть за что! За кабана, к примеру. Он браконьеров этих на дух не переносил и гонял страшно. Он же... шумливый мужик такой, да и не боялся ничего. Тут же заказник, у егерей власть особая. Кто без лицензии набегают, егерь вполне может и срок впаять, если поймает, конечно! А то, бывает, большие люди наезжают, ну, развлечься. В баньку там, ушицы наварить, поддать как следует, ну и пострелять, конечно. А как у них лицензии проверять, если они на самом деле большие?! И из Твери, и из Москвы, само собой! С соседом Степаныч не ладил опять же! Вроде егерь у него по осени собаку застрелил, а сосед собачник знатный, и зверюга была дорогих кровей. Так они тогда сцепились, еле растащили их! Опять же квасил он вчера с кем-то крепко! А с кем он мог квасить, когда зять только сегодня приехал и его на автобусной остановке все видели? Со своими только, а соседи все по участкам сидели, и жены ихние это подтверждают, да и лило как из ведра! А посторонние машины через посты не заезжали, у них там муха не пролетит! Да и питье какое-то странное – целый литр вискаря!.. Это сколько ж за него денег пришлось отвалить?!

Плетнев сказал, что виски его. Он по приезде угостил егеря. Дядька как будто удивился, глянул на Плетнева оценивающе и ушел, предупредив, что «могут вызвать».

Уходя, он, должно быть, позабыл закрыть калитку, потому что вскоре Алексей Александрович, задумчиво качавшийся в качалке, обнаружил в кусте лилий и роз козу, которая будто

бы ухмылялась – морда была скособочена на одну сторону, изо рта торчал букет, который она смачно жевала.

– Пошла вон, – сказал Плетнев козе не слишком уверенно. Та продолжала жевать. – Пошла вон, кому говорю!

Коза, не обращая на него внимания, сунулась в куст и вынырнула с новым букетом в пасти.

Плетнев понятия не имел, как следует обращаться с козами, он даже побаивался немного, все же у нее рога, и внушительные, и снова закричал на козу и замахал руками, и тут его – и клумбу! – спасла Валюшка, прибежавшая с улицы на шум.

Она очень ловко, пинками, выгнала козу, утираясь крепкой загорелой рукой, немного поплакала перед Плетневым, повторяя, что «такого смертоубийства тут сроду не бывало, а до чего хороший был человек-то, до чего хороший!», и убралась за ворота стоять в толпе перед домом егеря, рыдать и на все лады повторять все то же самое, про смертоубийство и хорошего человека.

Эту ночь Плетнев не спал и уехал очень рано, часов в шесть. Он старательно запер обе двери – ту, что на террасу, на щеколду, а ту, что на крылечко, на замок, – и долго не мог понять, что делать с тяжелой связкой длинных заржавленных ключей на красной капроновой перекрученной ленте.

Отдать их было некому – егерь Николай Степанович, всю жизнь присматривавший за домом, никак не мог принять у него ключи!

Плетнев сунул связку в «бардачок» своей немислимой машины, чувствуя вину и перед домом, и перед егерем, замотал цепью ворота и уехал, уверенный, что не вернется никогда.

Он вернулся через три дня.

В Москве ему было решительно нечего делать, никто не мог знать, что он «в городе», а звонить и оповещать он никого не стал.

В просторных, свежих и очень удобных комнатах его квартиры, глядевших окнами на Кремль, в прохладе кондиционированного воздуха, в привычном и продуманном уюте он не находил себе места. Этот мир – его прежней бодрой жизни, деловых и карьерных интересов, умных и нужных людей, стройных мыслей, четких расписаний на много дней вперед – перестал существовать, а никакого другого у него не было.

Миры не создаются в одночасье. Прошло слишком мало времени с тех пор, как не стало прежнего, откуда же взяться новому?..

Можно попробовать жить по-старому, но для этого нужно приложить слишком много усилий – звонить секретарше, заказывать самолет в Монте-Карло или Ниццу, собирать чемодан, лететь, а там, куда прилетишь, разбирать чемодан, находить знакомых, «вливаться» в круг их интересов и формировать свой – чтобы на их гостеприимство и любезности отвечать собственным гостеприимством и любезностями, все по правилам.

Или «погружаться» в прежний график светских мероприятий, до которых он и в прошлой жизни был не слишком большой охотник, а для этого опять звонить секретарше, чтобы она везла приглашения, коих по летнему времени не могло быть слишком много – все приличные люди разъехались по своим виллам в Сен-Тропе или Кап-Ферре, да и нет ничего скучнее на свете, чем летние светские мероприятия!

Немногочисленные оставшиеся в Москве «свои» до смерти надоели друг другу, мечтают поскорее отбыть хоть куда-нибудь, лишь бы подальше отсюда, раз от разу забывая, что там, куда они уедут, будет все то же самое – те же московские знакомые, те же льняные платья и греческие сандалии у дам, те же льняные костюмы у мужчин, тот же апельсиновый спритц, те же надушенные собачки, тот же флирт, намеки, сплетни, непременно чей-нибудь громкий и неожиданный развод – почему-то громкие и неожиданные разводы непременно случаются на летних морских курортах!..

От одной мысли, что все это сейчас придется проделывать, ему становилось нехорошо. Прodelывать сразу же, начиная с той секунды, как он позвонит секретарше и объявит, что «летит», и уж обязательно кто-нибудь доложит Оксане и Марине, и они обе явятся, где бы он ни находился, потому что «точки еще не поставлены», как объясняла ему Оксана, и при этом бриллиантовые реки стекали у нее по шее прямо в декольте, и все объяснения еще впереди.

Потрудитесь дать, голубчик!

Пожалуй, только в деревню Остров ни одна, ни другая явиться не могут по определению – уж такое это особое место.

Побыв дома два дня, Плетнев с изумлением констатировал, что деваться ему, в общем, некуда. Никакой свободы выбора у него нет – а может, и не было никогда?..

И почему-то смутно представился ему серый и влажный осенний день, гул подходящей электрички, толпа на загородном перроне, нейлоновая куртешка с «молнией», которую вечно заедало, и мать носила ее в магазин «менять», да так и не поменяла, веселые лица, хохот и обрывки разговоров, резиновые сапоги, которые уже в Москве на Сухаревке натерли ему пятку так, что ступить было больно. Мать говорила, что у него «не ноги, а одно горе», он и вправду то и дело стирал их до кровавых мозолей. Нищее серо-желтое поле, упиравшееся в горизонт, куча мешков и ящиков, возле которых студенты навалили свои рюкзаки и телогрейки, баба в теплом платке, сказавшая язвительно, что «картошку копать – это тебе не книжку читать, понимание нужно!». И девчонка из третьей группы, попавшая к нему «в пару», они все работали «парами» – один копает, другой собирает, – которая, весело блестя глазами, объявила, что они непременно должны вон тех дураков обогнать и он, Плетнев, за это отвечает.

Девчонка то и дело перекликалась с теми двумя «дураками», на Плетнева не обращала никакого внимания, и потом, вернувшись в институт, он исподтишка наблюдал за ней, все мечтал поближе познакомиться, но очень быстро она выскочила замуж за одного из тех двоих, которых непременно нужно было опередить на картошке!

Может, это и была свобода, только он тогда ее не узнал?

Два дня Плетнев просидел в квартире почти безвылазно, лишь съездил в магазин. И повар, и домработница были отпущены, вернуться не скоро, а есть хотелось уже сейчас. Еда показалась ему невкусной, как будто он по ошибке купил муляжи из папье-маше. Вроде все похоже на настоящее, и даже краше настоящего, но вкуса никакого не имеет.

В середине своей третьей московской ночи Плетнев встал, потому что лежать надоело, включил было телевизор, но сразу выключил – показывали какой-то замшелый американский фильм, выдавая его за новый, и перевод был ужасным, слушать тошно. Лучше бы не переводили.

Он походил по комнатам, закинув на шею руки, потом поприседал немного – просто так – и опять стал ходить.

...Ну, что ты ходишь? Если ты ходишь потому, что жизнь твоя не удалась и богатые тоже плачут, так это вранье. В четыре утра врать самому себе нельзя, и не ври.

Если ты ходишь потому, что устал от всего на свете, а главным образом от самого себя, так придумай, как отдохнуть, соберись с мыслями и начинай все заново.

Да, но как можно отдохнуть от самого себя? Куда деть себя на время этого самого отдыха? Погрузиться в летаргию, в анабиоз, в наркоз? Тогда, во времена студенческо-картошечной свободы, он очень любил фантастические романы, и там время от времени все погружались в анабиоз.

Если ты ходишь потому, что тебе сорок лет и все дела поделаны, а те, что впереди, не вызывают ничего, кроме отвращения, скуки и усталости – уже заранее усталости, – то это тоже вранье, ведь «кризис среднего возраста» бывает у всех и всегда, и твой французский доктор предупреждал тебя об этом еще три года назад. Перенапряжение нервной системы, месье Плетнев, говорил доктор наставительно, обязательно проявит себя, и нам с вами придется иметь

дело с последствиями, каковы бы они ни были. Вам надо научиться переключаться, месть Плетнев. Это очень важно.

Егерь Николай Степанович наверняка не страдал никаким перенапряжением нервной системы, а если и страдал, то ничего об этом не знал, у него же не было французского доктора, который предупредил бы его. У него была машина «Волга» с вечно разъявленным багажником, в который егерь то и дело нырял и деловито громыхал чем-то, стремянка, прислоненная к забору, с привешенным ведром, из которого торчала малярная кисть, несколько гряд с чесноком и укропом – Плетнев видел все это, когда прогуливался по сонной и жаркой деревенской улице.

И кто-то просто так взял и убил его.

«Из-за кабана», как выразился тот дядька в потной рубашке. Записывая за Плетневым, дядька аккуратно положил привядший лопух, которым обмахивался, на стол, а уходя, забрал его с собой – лопух был ему еще нужен, жарко ведь!..

Плетнев вдруг стал думать именно в эту сторону – про егеря, убийство и деревню Остров, потому что думать об этом было проще и интересней, чем о том, что делать с самим собой и собственной жизнью.

С кем мог Николай Степанович среди ночи пить виски, если все соседи сидели по своим участкам? Что за разговор Плетнев случайно подслушал в кустах? Кто и с кем разговаривал и, главное, о чем? Там были какие-то окончательные слова, в которых содержался приговор: ты за все заплатишь, я этого так не оставлю!.. А может, ему, Плетневу, везде и всюду слышится приговор?

Как егерь мог застрелить чужую собаку? Он же не полоумная бабка в костюме инопланетянина и перепутать собаку, скажем, с медведем, волком или кенгуру уж точно не мог!

Между прочим, Плетнев был совершенно уверен, что старикашка, выпросив у него «гостинец», нынче же вечером его и прикончит под луковицу и краюху черного хлеба с солью, а тот вытерпел аж целые сутки! Значит, на самом деле ждал кого-то в гости, и это был гость, с которым стоило поделиться таким деликатным и дорогим напитком, как виски!

Или не ждал, а просто так случайно получилось?

Что Николай Степанович – язви его душу – имел в виду, когда говорил уверенно, что фигуристая девушка Женька, собиравшаяся в Твери поступить в модели, все время врет?

Что имела в виду сама Женька, когда говорила, что Любаня таскает вещи из домов, где убирает, а «блаженные» на самом деле ведьмы и варят зелье? Какое зелье они могут варить? Самогон?

На самогонщиц две старухи, ударившие его по голове поленом – тут Плетнев потрогал шишку и с удовольствием засмеялся в тишине и темноте своей квартиры, выходящей окнами на Кремль, – были не похожи.

А егеря-то убили как раз ударом по голове...

В эту секунду зазвонил телефон, и трели его на все лады отозвались и на кухне, и в кабинете, и на площадке второго этажа, куда вела дубовая лестница «с поворотом», вывезенная им из Англии из самого настоящего дворца. Плетнев ни за что не стал бы подходить – он никогда сам не брал трубку, – да и не мог никто звонить в четыре утра в его городскую квартиру!.. Но он думал о Николае Степановиче, и в голове у него была каша, сваренная наполовину из деревенского детектива, наполовину из Сен-Тропе и мыслей о грядущем, поэтому он взял трубку и сказал рассеянно:

– Плетнев, слушаю вас.

В трубке помолчали, а потом протянули удовлетворенно:

– Так ты дома, голубчик! Марина, зайка, он дома! Господи, как скучно быть умнее всех.

В голове моментально набухло и отозвалось, как будто старухи-ведьмы ударили его еще раз, посильнее прежнего.

... Я до смерти боюсь медведей и гадюк, просто ужасно!..

– Я знала, что никуда ты не уехал, милый мой! Я так и сказала Маришке! Но раз уж ты решил от нас прятаться, зачем ты трубку взял, а?..

– Случайно. – От ее голоса, тона, такого определенного, такого знакомого, всегдашнего, его как будто парализовало.

– Значит, так. Во-первых, не вздумай бросить трубку. Во-вторых, чего бы ты там ни выделывал, тебе придется, слышишь, придется встретиться и поговорить. Я этого так не оставлю.

Плетнев молчал, и она осведомилась, слышит ли он ее.

– Оксана, послушайте, – начал парализованный Плетнев. – Вы же... взрослый человек. Зачем вы устраиваете... балаган? О чем мы станем разговаривать с вами?

– Не со мной, – быстро сказала плетневская теща. – Со мной тебе разговаривать действительно не о чем. Но ты просто обязан поговорить с Маринкой! Она твоя жена, и она страдает.

Это тоже было сказано совершенно определенным тоном, как будто она обедает.

– Я ничем не могу ей помочь.

– Алексей, это глупости.

– Оксана, я правда не понимаю, чего вы от меня хотите.

– Ты должен простить Марину.

Плетнев с размаху сел на диван. Роскошный меховой плед дрогнул, не удержался и съехал со спинки, Плетнев выдрал его из-под себя и швырнул на пол.

– Зачем ей мое прощение? Вы знаете ответ на этот вопрос?

– Как зачем? – удивилась теща. – Разумеется, чтобы начать все сначала.

Плетнев поддал плед ногой.

– Я не стану ничего начинать, Оксана. Кажется, мы с вами это уже обсуждали. Никакого начала не будет. Финал состоялся.

– Тебе только так кажется, дорогой мой! Тебе придется встретиться, или я подключу...

Тут Плетнев вдруг засмеялся.

– Насчет подключения вы подумайте хорошенько, Оксана Степановна! Ко мне на самом деле трудно применить санкции... в смысле подключения.

– Это мы еще посмотрим. В конце концов, есть же телевидение, журналы, Интернет. Я не хотела, но если ты упираешься... Репутацию испортить ничего не стоит, восстановить ее невозможно, это ты знаешь лучше меня. А то, что ты бросил, нагло, скотски, беременную жену, да еще безо всякого объяснения причин, разрушит какую угодно репутацию. Ты подумай.

Плетнев кивнул, как будто она могла его видеть.

– И вот что, – решительно продолжала теща. – Мы сейчас к тебе выезжаем. И не вздумай удрать! Я-то всегда знала, что ты трус, но Маринке это демонстрировать совершенно необязательно. Она и так вся извелась, в ее-то положении! Ты нас дождешься, и мы поговорим. Все, я собираюсь.

Плетнев аккуратно пристроил трубку обратно в гнездо, откинулся так, что голова коснулась спинки дивана, потерял макушкой и некоторое время смотрел в потолок.

Потолок был очень красивый. Люстра была очень красивой. Вся обстановка его дома была очень красивой.

Потом он встал, поднял меховой невесомый плед и стал застилать диван. Плед все время съезжал, и застелить никак не удавалось.

Тогда Плетнев, дернув, разорвал плед пополам, швырнул куски по обе стороны дивана и стал собираться.

Он трус, права Оксана. Трус всегда первым удирает с тонущего корабля.

Впрочем, корабль давно утонул, конница разбита, армия бежит.

В очереди на КПП, несмотря на ранний час, оказалось несколько машин и мопедов, а молодой и внимательный солдатик у шлагбаума проверял документы уж очень дотошно, и Плетнев понял, что это все надолго.

Нужно было поворачивать через лес и Владыкину Гору, как в тот раз, там никто не ездит и очереди нет, подумал Плетнев и развеселился. Он уже, считай, местный житель, все пути-дороги ему известны!

В машине он думал о том, как в его пустой московской квартире Оксана втолковывает дочери, что «так и знала, ничего другого от него не ждала», и было ему от этих мыслей тошно до невозможности.

Всякие штуки вроде того, что он ни в чем не виноват, не помогали, впрочем, они никогда не помогали.

Я струсил. Я струсил тогда, давно, и эта трусость породила следующую, и следующую, и мне теперь придется жить, зная, что я трус!.. И в этом ничего нельзя изменить, как нельзя отменить ту первую трусость, за которой последовали все остальные.

Очередь продвинулась на одну машину и опять замерла.

Плетнев вытащил себя из автомобильного кресла – на этот раз оно почему-то стало заваливаться вправо, и приходилось все время балансировать, чтобы не упираться коленкой в рычаг переключения передач.

Слава богу, теперь уж немного осталось.

Он постоял возле машины, потянулся и огляделся. Кругом был лес, уже почти настоящий. Самый настоящий начнется за шлагбаумом. Плетнев перепрыгнул небольшой ров, заросший репейником, незабудками и еще какими-то цветами, желтыми и фиолетовыми. Тут росли березы, которые стояли просторно, как в парке, а под ними мох и кусты черники с маленькими темно-зелеными глянцевыми листочками очень правильной формы. Мама когда-то приносила ему из леса именно кустик с ягодками, чтобы он его объел.

Он рос болезненным ребенком, и в лес его не брали, у него там делалась то ли астма, то ли удушье, и этими веточками мама его развлекала. Это считалось приветом из другой, настоящей жизни, которая была ему недоступна.

Плетнев нагнулся, стал по одной обрывать черные крупные ягоды и класть в рот. Это называлось «пасться».

Пойди попасись, говорила мать, и он шел объедать малину или крыжовник. Он мог только «пасться», собирать не умел – вечно накалывался на иголки, и пальцы потом нарывали так, что приходилось обращаться к хирургу, или обжигался крапивой, и у него начиналась аллергия, или...

– Значит, слушай меня, зараза! – громко и отчетливо сказали за кустами, и на тропинке показался здоровенный угрюмый мужик, одной рукой кативший мотоцикл легко, как будто это был детский велосипедик. Другой он прижимал к уху телефон. – Я твоих дел не знаю, но только если ты еще раз посмеешь подойти, я тебе шею сверну! Вот это я тебе с полной серьезностью обещаю, а слово у меня кремень. Степаныча-то кто? Раз, и нет его! Всего и делов! Так что помни слова мои!

Мужик сунул телефон в карман, коротко и злобно выматерился и уперся взглядом в растерянного Плетнева, стоявшего в двух шагах.

– Здрасти, – пробормотал мужик и прокатил мимо свой мотоцикл.

Плетнев кивнул ему вслед, перепрыгнул канаву и вернулся в машину – сзади уже сигналили.

– Ты чего, за грибами наладился?! Пост бы сначала проехал, а потом!.. Ой, Леша, здорово!.. А мы думаем – куда ты девался? Сбежал от всех наших происшествий!

Плетнев оглянулся.

Соседка Валюшка махала ему рукой и улыбалась радостно, как лучшему другу.

– Проезжай, проезжай, Леша, не задерживай народ, видишь, сколько нас тут!..

Плетнев пожал плечами, раздумывая над тем, что сейчас услышал, подъехал к шлагбауму, показал солдатику паспорт и права – тот прочитал, шевеля губами от усердия, – потом обошел машину и посмотрел номера.

– Проезжайте! – махнул рукой. Лоб у него влажно блестел, становилось жарко, хотя день только начинался.

Плетнев проехал пятьдесят метров, притормозил у обочины, вылез из машины и дождался, когда подкатит Валюшка.

– Леш, в сам деле, что ль, за грибами?! – Она покрутила головой, как бы удивляясь дурацки городских жителей. – Чего ты тут встал-то?! Да, знакомся, это Витюшка, муж мой! А это Леша, сосед наш, который в доме покойного Прохора Петровича...

– Да что ты все стрекочешь, стрекоза? – весело спросил лысый и загорелый Витюшка, перегибаясь через супругу и в окно просовывая руку. Плетнев тоже просунул свою и пожал его.

Надо же. Какие у них у всех крепкие, жилистые загорелые руки. У всех до одного, и у женщин, и у мужчин. И рукопожатие... приятное.

В том кругу, где вращался Плетнев, принято было пожимать пальцы, да и то едва-едва, как будто чуть насмешливо отдавая дань дурацкой, но устойчивой традиции.

– А мы, глянь, в Тверь за трубами ездили! – сообщил Витюшка. Он был абсолютно уверен, что Плетневу интересно знать, куда и зачем он ездил, и сообщение о трубах его обрадует. – Давно собирались, вот собрались насилу! Тоже хочу насос наладить, как у Прохора покойного, ну, стало быть, теперь у тебя, а только в этом году...

– Да если б не я, ты всю жизнь прособираешься бы! Уж лето щас закончится, а ты все только собираешься!

– Ну, куда мне без твоих советов! Ты ж у нас как есть американский советник!..

– А вон тот мужик на мотоцикле – видите? – Плетнев оперся руками о крышу Витюшкиной машины и показал глазами за шлагбаум. Супруги разом обернулись и посмотрели, чуть не столкнувшись носами.

– Федя-то? – переспросил Витюшка и удивленно взглянул вверх на Плетнева. – А чего он?

– А кто такой... Федя?..

– Ну, наш, с Острова! Федя Еременко, который собачник-то! На нашей улице живет, подале от тебя. А чего он тебе?..

– У которого Николай Степанович собаку убил?

Витюшка промолчал, а Валюшка выпалила, что говорят, мол, всякое, может, и убил, только они с Витюшкой сами не видали, а чего не видали, того врать не станут.

– А чего тебе Федя-то?!

– Да мотоцикл хочу попросить, – брякнул Плетнев первое, что пришло в голову.

– Не даст! – уверенно сказала Валюшка. – Он на нем только в сортир не ездит, а может, и туда тоже!

И оба супруга захохотали.

– Да поехали, поехали, мужики! На самом солнцепеке встали! А ты, Леша, завтрак приходи! Я щас быстренько картошечки нажарю, сарделечек отварю, вон в Твери купила, дорогих, хороших! Ты ж с дороги!

Плетнев подумал, что жареной картошки с сардельками на завтрак он не ел никогда и его французский доктор пришел бы в неистовство, если б узнал о таком его рационе.

...Какие-то тайны. Этот Федор угрожал кому-то... всерьез. Плетнев знал, что истинный, настоящий гнев отличается от пустозвонства! Дело не в словах. Дело в том, как именно произносят эти самые слова, а говорились они со спокойным, холодным, сдержанным бешенством.

Такое бешенство очень опасно.

И Николай Степанович был помянут. При чем здесь Николай Степанович?..

Он заехал в свои ворота, привычно размотав цепь, замкнутую на замок, который не закрывался. Странно было, что никто не окликает его с той стороны улицы, не называет «лапочка моя» и не предлагает огурцов и простокваши. Всего только один раз так и было, а он, Плетнев, как будто уже... привык.

Впрочем, ворота на участок егеря были распахнуты, и старая «Волга» стояла с разъявленным багажником, и кто-то там ходил за штакетником – должно быть, наследники уже объявились.

Плетнев вошел в большую душную комнату с обшарпанным столом, встретился глазами с собственным странным отражением в зеркале и улыбнулся ему, как старому знакомому. То, что там отражалось, никак не могло быть Плетневым, но он все равно был рад его видеть.

Он распахнул все окна и перетаскал из багажника сумки, так и не вынимавшиеся оттуда с первого приезда. На улице застрекотал и смолк мотор, и Плетнев, сам не зная зачем, быстро подошел к окну и встал так, чтобы снаружи его не было видно.

Какая-то женщина, совсем незнакомая, соскочила с велосипеда, помедлила и подошла к мотоциклу, на котором восседал давешний мужик Федор. Шлем болтался на руле.

– Выходит, это правда? – строго и громко спросила женщина у Федора, и он как будто подался от нее назад.

– Чего правда?

– Ты... Степаныча?..

– С чего ты взяла, Люб?!

– Люди говорят, вот с чего.

– Мало ли чего они говорят.

– Да я своими ушами слышала, как той зимой ты его пристрелить грозился!

Федор сдернул шлем и взвесил в руке. Плетневу показалось, что он сейчас ударит им женщину.

...А если ударит, что тогда? Бежать? Кричать? Вступать в бой? Я не способен на такой поступок. Я трус и знаю об этом. Моя трусость уже погубила...

– Мало ли чего той зимой было, – сказал Федор совершенно спокойно и снова пристроил шлем на руль, только с другой стороны. – А ты больше всяких брехунов слушай.

– Не все люди брешут, Федя.

– Те, которые тебе в уши дуют, брешут! Ты б лучше подумала, чего я тебе сказал.

– Не стану я ни о чем думать, Федя! Степаныча только схоронили, а ты!.. И как это тебя в тюрьму не забрали, ума я не приложу... Вся деревня слышала, как вы тогда лаялись!

– Да что ты выдумала, Люба?!

Тут, к изумлению Плетнева, который как будто кино смотрел, женщина вдруг заплакала, всерьез, навзрыд, и Федор подался к ней, но тут издали закричали:

– Мам, стой! Мама! – И подлетел на велосипеде мальчишка, тот самый, с которым Плетнев беседовал в первый свой приезд. Значит, женщина, должно быть, Любаня, которая убирала в доме покойного Прохора Петровича, то есть в его, плетневском, доме, и ленилась мыть на втором этаже!

Она быстро и аккуратно вытерла глаза.

– Мам, ты куда? Здравствуй, дядь Федь! Мам, ты что, плакала?

– Нет, сынок, ну что ты! В глаз попало чего-то.

– А ты в магазин, что ли?

– Я на работу, Игорек.

– Мам, а в магазин когда? У нас мороженого нету!

– Каждый день мороженое есть вредно.

– Полезно.

– У меня денег нет каждый божий день мороженое покупать!

Федор полез за пазуху брезентовой куртки, и женщина, увидев это его движение, крикнула сыну:

– Не смей у него ничего брать! Я тебе сколько раз говорила, чтоб не смел!

– Да я и не беру...

– Он не берет, – в один голос сказали Федор с мальчишкой, как показалось Плетневу, растерянно и огорченно.

– А ты не смей давать! И не лезь к нему, – приказала напоследок Любана неизвестно кому, то ли мужику, то ли сыну, взобралась на велосипед и нажала на педаль. Колесо вильнуло так, что Плетнев решил, будто Люба сейчас упадет, но она выровнялась и покатила по пустынной улице.

Федор посмотрел на мальчишку, а мальчишка на него.

– Не возьмешь теперь? – привычно спросил Федор, как будто спрашивал так сто раз.

– Не-а, – мальчишка помотал головой. – Я бы взял, да сердится она.

– Сам вижу. Ну, бывай.

– Бывай, дядь Федь.

Паренек уже отъехал на приличное расстояние и даже прозвенел в звонок, когда Федор вдруг закричал:

– Стой, стой!

– Чего?!

– А чего, в этот дом жилец опять приехал? – И кивнул на Плетнева, прятавшегося за шторой. – Машина-то стоит!

– Стало быть, приехал, – издали прокричал обстоятельный мальчишка. – Я сам не видел! Я только в тот раз видел!

– Ну, значит, мы поглядим, – под нос себе пробурчал Федор, слез с мотоцикла и покатило его к плетневским воротам, замотанным цепью. – Эй, есть кто дома?!

Алексей Александрович вздохнул, вытер о джинсы внезапно вспотевшие ладони, помедлил, вышел на крыльцо и прищурился от солнца.

Федор с той стороны забора завалил мотоцикл набок, ударом сапога вытолкнул подножку и взглянул на Плетнева.

– Здорово, – сказал он как будто с удивлением. – Мы с тобой сегодня виделись.

– Виделись, – согласился Плетнев.

– Так я зайду?

Плетнев пожал плечами.

Привычно откинув крючок, Федор зашел на участок, и Плетневу вдруг показалось, что на него надвигается нечто первобытное – мамонт, ураган, ледниковый период.

Он никогда не имел дела ни с чем первобытным.

Цивилизация и гуманизм. Гуманизм и цивилизация.

– Ты чего уставился? На мне узоров нету, – сказал Федор.

Так они стояли, один на крыльце, другой на дорожке, а потом Федору надоело стоять, и он не торопясь пошел за дом. Плетнев ничего не понял, сбегал с крыльца и двинул за ним.

А что ему еще было делать?..

Федор поднялся на террасу, оглядел плетеные кресла, венские стулья, деревянный стол, чему-то усмехнулся и уселся на перила, которые скрипнули под его весом.

Плетнев считал себя большим специалистом в ведении всякого рода переговоров. Позиция противоположной стороны была безупречной. Федор на перилах в любом случае получался выше Плетнева, куда бы тот ни сел, в кресло или на стул. Значит, нужно или стоять, или сесть, признав тем самым свое подчиненное положение.

Я трус – о да, права Оксана с ее бриллиантовыми реками на шее. Но я, черт побери, умею вести любые переговоры!

Поэтому подниматься на террасу Плетнев не стал, а сделал все наоборот. Вышел на лужайку, опустился в качалку и положил руку на спинку.

Таким образом, Федор оказался теперь спиной к нему, и, чтобы разговаривать, ему придется пересесть и свесить ноги наружу, что было бы глупо. Или слезть с перил и выйти на лужайку, а сидеть тут негде, качалка-то занята! Значит, придется стоять.

Цивилизация или первобытность? Первобытность или цивилизация?

Федор на перилах покрутил башкой, ничего не понял, развернулся и спрыгнул на лужайку. Подошел к Плетневу, вольготно разместившемуся в качалке, и сказал как ни в чем не бывало:

– Ну-к, подвинься.

Один – один.

Некоторое время они просто качались – качалка натужно подрагивала от непривычной тяжести, потом Федор наклонился, сорвал цветок клевера и сунул его в зубы.

– Надолго?

– Что?

– Приехал надолго, спрашиваю?

– Как пойдет.

– А чего это ты столько лет не ездил, а тут – на€ тебе! Нарисовался. Тебя уж тут и не ждал никто. Все гадали, кому ты дом-то продашь.

Плетнев на это ничего не ответил.

– Собираешься?

– Что?

– Продавать?

Тут Плетнев, большой специалист в ведении всякого рода переговоров, оттолкнулся ногой, качалка закрипела и затряслась пуще прежнего, и спросил:

– А ты купить хочешь?

Его собеседник вдруг засмеялся, сверкнули белые ровные зубы – любой американский стоматолог удавился бы с горя при виде таких зубов, лишаящих его всякой надежды на заработок, – и сунул руку Плетневу в бок.

– Федор.

– Алексей.

– Вишь, чего у нас творится.

– А что у вас творится?

– Степаныча порешили.

– Кто его порешил?

Федор пожевал стебелек, от чего цветок во рту описал круг, и пожал плечами:

– Разное говорят. Может, браконьеры. – И взглянул внимательно.

Плетнев промолчал.

Он уже слышал эту глупость про браконьеров и не понимал, зачем Федор ее повторяет. Проверяет его реакцию? И достаточно ли у него ума, чтобы вот так проверять реакцию? И к чему деревенскому мужику Федору его, плетневская, реакция?

– А ты чего думаешь?

Плетнев, прищурился глазами, посмотрел сначала на солнце, потом на собеседника.

– О чем? О браконьерах?

– Ну, кто мог Степаныча порешить! Как-никак сосед твой! За домом столько лет ходил, – он так и выразился «ходил». – Его здесь каждая собака знает!

И осекся.

Вот именно, подумал Плетнев. Собака-то была. И у вас с этим самым Степанычем из-за собаки неприятная история вышла.

– Я ничего не могу сказать. – Плетнев проводил глазами шмеля. У него была страшная аллергия на всевозможные укусы, и шмель представлял собой серьезную угрозу. – Я тут человек новый.

– Вот именно, – вдруг с жаром подхватил Федор. – Ты всякой брехне не верь! Мало ли чего наговорят по деревенской привычке!..

– Какой брехне?

– А всякой! – Его собеседник вдруг выхватил изо рта стебелек и зашвырнул в траву. – Брешут, будто я Степаныча порешил, слышал?! Мать твою так и эдак и еще разэдак! В следствие уже тягали! У вас, говорят, вражда была, и вся деревня об этом в курсе дела! Какая у нас вражда, твою мать!..

– Из-за собаки, – подсказал хорошо осведомленный в деревенских делах Плетнев.

– А ты не вякай, чего не знаешь!

Странное дело, почему-то Плетнев его совсем не боялся. Вот так, сидя в качалке за домом, в деревне Остров, без всякой охраны под предводительством начальника службы безопасности, и понимая, что, если Федору придет в голову пырнуть его ножом или ударить по голове, он ничего не сможет с этим поделать! Не боялся, и все тут.

Свою тещу он боялся гораздо больше.

Бывшую тещу, любительницу бриллиантовых рек и платиновых берегов.

– Не убивал Степаныч Волка, ясно тебе? Я уж сто раз всем талдычил – не убивал! Мне тогда сгоряча показалось, что он, так я его за грудки и тряхнул хорошенько!

– Какого волка? – не понял Плетнев.

– Волк, кличка такая! Какой кобель был, человек, а не собака, да и не всякий человек такого ума бывает, как Волк! Я на Степаныча-то попер, шум поднял, он мне по морде засветил, и справедливо, между прочим! Я ему тоже засветил, а он мне и шумит: все, мол, Федор, в расчете, а теперь слушай!.. Ну, я послушал. Не ходил он в тот день в лес. По-честному не ходил! И все мне показал – и валенки, и лыжи, и «Буран»...

– Какой буран? – опять не понял Плетнев.

– Снегоход, какой, какой! Обыкновенный! Или ты думаешь, я не отличу, сегодня «Буран» в лес гоняли или третьего дня?!

Плетнев понятия не имел, как можно определить по снегоходу, когда именно он был в лесу, но на всякий случай сказал, что это всякому понятно.

– Кто-то там еще шатался, в лесу-то! Только я особенно не смотрел, уверен был, что Степаныч это! И малахай вроде его, и зипун! Далеко мелькнул, на взгорке, да и, говорю же, я уверен был, что Степаныч, и не приглядывался! А Волка я вообще не видал, он всегда так по лесу шарился, сам по себе. А потом – раз, выстрел. Из карабина, не из двустволки! Я подбежал, а Волк не дышит уже...

И Федор замолчал.

– Жалко Волка, – сказал он тяжело. – Такой кобель был. Так и не дознался я, кто та паскуда, которая его пристрелила!

И Плетнев понял, что Федор Еременко до сих пор тоскует по своему Волку, тоскует, жалеет и не может забыть, и гнетет его, что так он и не понял, кто именно застрелил в лесу собаку! В лесу ведь все просто и ясно, и каждый след рассказывает Федору, кто именно, когда и куда шел, а убийцу он так и не нашел.

Федор вдруг оторвал от качалки зад, нагнулся, подобрал выброшенный цветок и опять сунул в зубы.

– Вот я и думаю, кто Степаныча-то убил! Может, та самая сволочь, что и Волка! А нашел бы я ее тогда, может, и Степаныч был бы жив!

Он сбоку глянул на Плетнева, потом на солнце и продолжил:

– Брешут-то всякое! А ты здесь человек новый, не всякому слову верь.

Плетнев кивнул. Он был совершенно уверен, что все это «просто так». Этот мужик точно знает, что егеря не убивал его собаку, а он сам не убивал егеря и никаких вопросов не боится, и сейчас начнется главное, именно то, зачем он затеял весь разговор.

Пожалуй, Алексей Александрович догадывался, о какой именно «брехне» его собирается предупредить этот самый Федор. Если бы не подсмотренный и подслушанный разговор на дороге, не догадался бы!..

Проверяя себя, он поднялся с качалки, по привычке закинул руки за голову – вот насколько он в своей цивилизации не боялся Федоровой первобытности, – прижмурился на солнце и спросил:

– А я слышал, что Люба, которая здесь убирала, какие-то вещи подворовывала, правда это?..

– Вот это как есть брехня, – тяжело и упорно глядя на него, произнес Федор медленно. – Вот самая распоследняя, гнусная брехня! А тем, кто на нее брешет, я ноги оторву и спички вставлю, ясно тебе? И кто повторять станет...

– Что ж до сих пор не оторвал?

– Не твое собачье дело! – вдруг тихо и грозно сказал Федор, и Алексей Александрович руки опустил – на всякий случай. – Я со своими делами сам разберусь, ты лучше за своими гляди!..

Сам того не зная, Федор попал в точку. За своими делами Плетнев действительно смотрел плохо. Пришлось даже в спешке бежать из Москвы, чтобы они, эти дела, не настигли его и не растоптали остатки... чего? Гордости? Достоинства?.. Прежней прекрасной жизни?..

– Ты Любаньку куска хлеба не лишай, – продолжал Федор так же тихо и грозно. – У нее пацаненок, а у нас тут фиг заработаешь!.. Сроду она ничего ни у кого не брала!

Плетнев хотел сказать, что брать-то, может, и не брала, но чистоту наводит из рук вон плохо, но не стал.

Все же он был трусоват, а Федор грозен.

– Небось сам полы мыть не станешь, ты вон какой... холеный!

Плетнев уставился на него, а Федор усмехнулся.

– А чего такое? Слово не нравится? У завидовского егеря жеребец был, Алмаз. Чистых кровей и тоже навреде тебя, холеный! Работать ничего не работал, красовался только. Как какая комиссия из города приедет, ну, проверяльщики вроде, так давай жеребца по кругу гонять, и любуются на него. Ну, он три круга сделает, потом его обратно в стойло, и там моют, скребут, мажут чем-то. Целый штат держали, чтоб за жеребцом ухаживать, о как!..

Федор поднялся, пристроил изжеванный цветок себе за ухо, сплюнул в клумбу и сказал без всякой угрозы:

– Так что, если узнаю, что ты на Любаньку брешешь, кастрирую, как того жеребца. Его потом кастрировать пришлось, уж больно прыткий был! Как проверяльщика какого-то сбросил, так и кастрировали! А то знатный был жеребец, чистых кровей! Ну, бывай.

И ушел, а Плетнев остался. Железным голосом проскрипела калитка,брякнула цепь, завелся мотоцикл, поревел немного, и все стихло.

...Что я должен сейчас сделать? Опять дать деру в Москву? Позвонить в службу безопасности, вызвать подмогу? Они приедут и живо растолкуют деревенскому мужику Федору как-там-его-фамилия, как можно, а как нельзя разговаривать с Алексеем Александровичем Плетневым. Позвонить нотариусу, если только он не в Сен-Тропе по летнему времени, отдать необходимые указания по продаже этого чертова дома в деревне Остров, а самому улететь в Монте-Карло?

Вариантов масса, и все очень в духе... холеного жеребца Алмаза, впоследствии кастрированного!..

Какое отвратительное, круглое, гадкое слово – холеньй! Сговорились они все оскорблять его так больно, как только возможно! И Оксана с ее бриллиантовыми реками, и Маринка, и вот теперь это чучело огородное!..

– Я больше так не могу, – пробормотал себе под нос Алексей Александрович. – Ну, не могу я!..

– Чегой-то ты там не можешь, Леша?

Озверев, он повернулся на голос, и вот, ей-богу, так и дал бы спросившему по морде, даже кулаки сжал вроде – как-то неубедительно сжал, по-ребячьи, – но ничего из этого дела не вышло. Над забором с той стороны торчала развеселая Валюшка.

– Леш, давай, завтрак на столе, дуй к нам! Мы не садимся, тебя ждем.

– Спасибо, я не хочу, – сквозь зубы пробормотал Плетнев. Руки у него дрожали.

– Да чего там не хочу, я ж тебя не в загс приглашаю, я замужняя! – И тут Валюшка кокетливо захохотала, но вдруг как-то странно перекосилась, ойкнула и пропала с глаз. Послышался какой-то шум и ругательства.

– Я тут на поленнице стояла, – раздалось уже из-за забора, – так она, зараза, возьми и рассыпья! И кто это так поленницу кладет, не руками, а одним местом! Витюш, Витюш, глянь, все развалилось! Леша, ты тут не лезь, в обход иди!

Как будто Плетнев собирался лезть к соседям через забор!

– Леш, давай, шевелись!

Алексей Александрович, специалист в ведении разного рода переговоров, в одну секунду очень отчетливо и раз и навсегда понял, что спорить с Валюшкой не имеет никакого смысла. Она будет приставать до тех пор, пока он не сойдет с ума или не придет завтракать, – и Плетнев пошел завтракать.

В сердцах он чуть не оторвал цепь с калитки, саданул по ней, но звука никакого не вышло, калитка лишь жалобно заскрипела.

– Добрый день.

– Здравсти, – не глядя буркнул Плетнев. Ему некогда было рассусоливать, его ждала Валюшка и сардельки, купленные в Твери задорого!

– Меня Виталий зовут, я Степаныча зять.

Плетнев приостановился.

Молодой мужик, вытирая руки о джинсовые шорты, шел к нему через дорогу.

– Я вас в тот раз не застал, – заговорил он издали, – вы уехали сразу! А я поговорить хотел.

Плетнев молча смотрел на него. У этого человека вид был вполне городской – плечи и живот абсолютно белые, зато нос и щеки красные, прихваченные солнцем, на ногах вьетнамки. Никто из местных жителей не носил вьетнамок!..

– Вон, в машине копаюсь, – и Виталий подбородком указал на «Волгу», торчавшую задом из распахнутых ворот. – Чего теперь с ней делать, ума не приложу! Говорил ему в тот раз, давай я тебе иномарочку справлю, пусть не новую, зато ездить будет! А он ни в какую! Я, говорит, Витька, всю жизнь на «Волге» отъездил, мне привычнее! Да и запчастей целый воз, куда я их дену? В твою, говорит, иномарку не воткнешь! Так и не купили! А эта три дня ездит, неделю чинится. Три дня ездит...

Плетнев молча слушал.

– А вы... в отпуск, да?

Плетнев пожал плечами.

После холеного жеребца Алмаза все разговоры с жителями и гостями деревни Остров казались ему оскорбительными.

– Я вот что у вас спросить хотел... Да, может, в тень пойдём? У меня от этого солнца вся кожа слезла, и чешусь, как поросёнок...

Следом за Виталием Плетнев зашёл на участок Николая Степановича. Первый раз зашёл!..

Дом, обыкновенный деревенский, не то что плетневские каменные хоромы, был ухоженным и веселым, и какие-то цветы вовсю цвели в палисаднике, и толстые шмели качались в них, гудели довольными голосами. За домом ровные гряды с зеленью, довольно много, и парник, всего один, никакого коридора, как у его подруги Валюшки. Гамак между старыми яблонями, садовые инструменты составлены возле сарая, все в полном порядке.

Какая-то мысль вдруг пришла Плетневу в голову, некое несоответствие было во всем этом с образом егеря – язвы его душу, – что-то показалось ему странным, но что именно, он не смог определить.

– Вы присаживайтесь, – предложил Виталий.

Скамейка возле дома была как будто украдена из парка, с гнутой спинкой, досточка к досточке, на устойчивых ногах, крашена в кастрюльный синий цвет.

– Это все Степаныч плотничал. – И зять вздохнул. – На все руки мастер был! И мужик отменный. А-а, чего там!..

– Леша-а-а! – заголосили с улицы. – Да что за наказание! Где ты есть-то?!

– Вас Алексеем зовут?

Плетнев кивнул.

– Что вы хотели спросить?

– Я все понимаю, и менты вас наверняка спрашивали, но я так, на всякий случай... Вы той ночью...

– Я ничего не видел и не слышал, – перебил Плетнев, рассердившись. – Шёл сильный дождь, а у меня крыша железная, дождь по ней очень шумит! Я не слышал ни-че-го. И ничего не видел.

Виталий покивал, довольно горестно. Он все вытирал о шорты большие волосатые руки, и вид у него был растерянный.

– Как бы мне этого гада... И, словно назло, ну никто ничего не видел, блин! Будто ослепли и оглохли все! Один он у меня был, понимаете? Никого из родни нет больше.

Плетнев точно помнил, что Виталий сказал – зять.

– А дочь где же? Дочь Николая Степановича? Если я правильно понял...

– Умерла давно, – Виталий перестал вытирать руки и колупнул скамейку. – Одни мы были с дедом, а теперь и его не стало! Мне бы только этого гада...

– Вы бы лучше в правоохранительные органы обратились, – дал ценный совет холёный жеребец Алмаз, и мужик махнул на него рукой.

– Да это понятно все! Только кто там чего искать будет, в органах этих! Невелика потеря – деревенский дед! И главное, ведь порешил из своих кто-то, больше некому! Ну, некому больше! Тут никаких чужих сроду не было, откуда им взяться-то?! Чтоб сюда проехать, нужно пропуск получить, а это все непросто...

– Непросто, – согласился Плетнев. Ему пропуск, ясное дело, оформляла секретарша.

– Нужно, чтоб бумага была, в гости едешь или в дом свой, и от шоссе недалеко, просто так ногами не дойдешь! Да ясное дело, свой кто-то!

– Леша, тудыть тебя за ногу! – закричала Валюшка.

– Мне надо идти, – заявил Плетнев.

– Вы, если чего вспомните, скажете?

– Мне нечего вспоминать, Виталий. Я бы с радостью вам помог, но я на самом деле ничего не видел и не слышал.

– Ну, оно понятно. И «Волгу» куда девать, ума не приложу!

Плетнев автоматически посмотрел на машину с разъявленным багажником и поднятым капотом.

Она приткнулась рылом почти к самой яблоне, и было совершенно понятно, что ездил она редко, вон даже трава не примята! А рядом, чуть левее, почти у самой дорожки, ведущей к дому, остались отчетливые, намертво засохшие глубокие отпечатки протекторов.

И это оказались совершенно особенные протекторы!..

Плетнев посмотрел, отвернулся, а потом еще раз посмотрел.

Если бы не зять Виталий, он бы, пожалуй, нагнулся и рассмотрел как следует, но зять топтался тут же, вздыхал и маялся, и наклоняться Плетнев не стал.

– Я к вам загляну еще, – пообещал он неожиданно для себя и вышел на улицу, по которой металась очень сердитая Валюшка.

– Да куда ты девался-то! На столе все, а он гуляет! И мы с утра не евши!

По парниковому коридору с распахнутыми пленочно-реечными дверьми, из которых несло влажной жарой и навозом, они кое-как добрались до беседки, где за круглым столом восседал Витюшка, а через перила, к саду передом, к столу задом, свешивалась худая бело-брысая личность лет десяти. Исцарапанные ноги болтались.

– Это Артемка наш, – представила Валюшка худосочную задницу. – Внук. Садись, садись, Леша.

Перед Алексеем Александровичем появилась глубокая щербатая тарелка с широкой синей полосой, полная жаренной до золотистого цвета картошки, сбоку пристроена малость привядшая сарделька, про которую Валюшка с огорчением сообщила, что пока она по улице бегала, сардельку «упустила». В центре стола красовалось блюдо с зеленым луком, укропом, морковью и огурцами и покрытая льняным полотенчиком тарелка. Валюшка откинула полотенчик, и под ним оказался хлеб, нарезанный толстыми ломтями.

– Ты ешь, ешь, – приговаривала Валюшка, уписывая картошку. – Я потом еще за добавком схожу!

Плетнев ковырнул в своей тарелке.

И что теперь с этим делать? Есть?! На самом деле есть жареную картошку с сарделькой?

– Может, ты с луком любишь? – встревожилась Валюшка. – Мы с Витюшкой с чесночком больше уважаем! Да чего глядеть-то на нее, она и так вся остыла. Ешь давай. Артемка, иди, сынок, за стол, чего ты там висишь!

– А я, бабушка, не хочу.

– Я тебе щас как дам не хочу! Крапивы, значит, хочешь?

– И крапивы не хочу! Мороженого хочу!

– После мороженое будет! Я тебе двадцатку дам, и съездишь!

– Мне двадцатки мало, – заявил Артемка, усаживаясь за стол. – Нам на двоих с Игоряном полтинник надо.

– У Игорька своя мама есть, она ему даст.

– Не даст. Нету у нее.

Валюшка на миг перестала жевать и посмотрела на Витюшку. Тот пожал плечами:

– Придется дать.

– Ну дам, дам полтинник! Картошечки-то поешь, смотри какая! Ты такую любишь, с поджарочками! Своя, не какая-то там покупная.

Тут совершенно неожиданно для себя Плетнев сообразил, что съел почти всю свою порцию, и так ему вкусно, что он даже говорить не может.

– Бежать за добавком-то?

– Чего зря стрекотать, стрекоза? Беги давай! – велел Витюшка.

Валюшка вскочила и побежала, а Плетнев быстро доел картошку, чтобы «добавка» ему положили как можно больше.

– Деда, ты мой велик накачал?

– Еще вчера накачал.

– А ты на рыбалку меня возьмешь?

– Какая теперь рыбалка, сынок, когда я трубы привез, видал? Теперь трубы будем ладить! Ты далеко не уезжай, слышь, Артема! – вслед внуку крикнул он. – Не дозовешься потом, а ты помогать будешь!

– Ладно, деда, мы здесь покатаемся!

– А вот и картошечка! Я ее погрела малость. Господи, до чего хорошо естся, когда на приходах! Да, Леш?

Плетнев кивнул с полным ртом – «на приходах» елось действительно очень хорошо.

– Виктор, – половинкой огурца Алексей Александрович протер свою тарелку до блеска и с хрустом откусил, – вы не знаете...

– Ты мне не «выкай», – перебил мужик. – Я, когда мне «выкают», ни слова не понимаю.

Плетнев проглотил огурец.

Разговаривать с незнакомыми людьми на «ты» он не умел. Ни слова не понимал.

– В деревне у кого-нибудь есть тяжелый внедорожник?

– Чего в деревне есть? – оторопело спросила Валюшка. Она подъедала со сковороды поджарки.

– Джип, – нашелся Плетнев. – Вездеход.

Супруги переглянулись.

– У Ваньки, может? – неуверенно предположила Валюшка. – Который из гаражей?

– У Ваньки есть, – согласился Витюшка. – «Уазик» у него почти новый! «Патриот», что ли! Только Ванька не наш, не с Острова. Он с Дорина, а работает в гаражах, которые при заказнике. У них там хозяйство целое и гаражи. Отсюда до километра пятнадцать.

– Да гаку три! – вставила Валюшка. – Так что все двадцать набегит!

– Что ты все стрекочешь, стрекоза? Если по старой дороге под шлагбаум...

– Он чего тебе, под шлагбаум на машине поедет?

Нет, совсем не то. Отпечатки протекторов, которые он видел на участке Николая Степановича, никак не могли принадлежать «уазу».

– А из города кто-нибудь на джипах приезжает?

– Куда приезжает-то? К нам никто, к блаженным никто, к «газпрому» разве, только это когда было, в покосы еще! У ихнего парнишки день рождения справляли, так много народу понаехало, может, кто и на джипах, я не глядел!..

– Нет, нет, – досадуя на себя за дурацкий разговор, сказал Плетнев, – а к Николаю Степановичу в последнее время никто не приезжал? На большом джипе? На «Лендкрузере» или на «Наваре»?

– Не было никакого навару, – опять переглянувшись с женой, задумчиво сказал Витюшка. – Да ты пойми, Леш, к нему в огород кто поедет и зачем? По охотничьим делам в заказник ездят, он там и лицензии проверяет, и в лес провожает, если кому надо! А тут-то чего у него? Изба да сарайка!

– А чего ты всполохнулся-то? – Валюшка аккуратно отставила сковороду на перильца беседки, собрала тарелки и отправила туда же. – Или до тебя тоже следствие домогалось?

Плетнев покачал головой.

После двух тарелок картошки его вдруг неудержимо потянуло в сон, и мысли были медленные, вязкие и качались, как цветы, в которые забрался шмель.

– Да, – задумчиво проговорил Витюшка, сорвал какую-то веточку, обкусал ее и сталковырять в зубах. – Хороший мужик был дядя Коля, а сгинул, и не знает никто, через кого.

– Кому надо, те узнают, ты-то не лезь!

– А что с его дочерью случилось? – вдруг встрепенувшись, спросил Плетнев.

Валюшка, собиравшаяся тащить гору посуды в дом, села и махнула рукой.

– Болезнь какую-то у ней нашли. Лечили, лечили, да так и не вылечили. Померла девка.

Года четыре как, да, Витюш?

– Да не меньше.

– Мы по весне приехали, а дядь Коля нам говорит, дочка, мол, померла моя. Она в последнее-то время совсем к нему не ездила, в городе крутилась, а когда малявкой была, все время тут жила. Я ее помню хорошо, хоть она и помладше меня была... А жена его еще раньше представилась. Такая судьба у мужика нескладная.

А протекторы, думал Плетнев, марки «Микки Томпсон». Их ни с какими другими не перепутаешь и не на всякую машину поставишь. Продаются отдельно, в комплекте не идут никогда, и ставят их только те, кто на самом деле ездит по бездорожью – охотники, рыбаки. Удовольствие не дешевое, возни много.

Плетнев, хоть и не был ни охотником, ни рыболовом, очень любил большие машины и разбирался в них. Ему казалось, это очень по-мужски – любить внедорожники.

В ночь убийства шел ливень, а утром вышло солнце. Потом три дня дождя не было, и следы засохли, окаменели почти. Значит, кто-то приезжал или в ту самую ночь, или накануне, но раз следы остались, значит, земля была влажной. Да или нет?

– А дожди этим летом часто шли? – задал Плетнев глупейший вопрос.

– Весь июнь лило! – крикнула с дорожки Валюшка.

– А в июле ни одного не было, – поддержал ее Витюшка. – Горело все! Поливать не успевали. Вот восемнадцатого, как дядю Колю убили, в первый раз ливануло.

Значит, земля была сухой, каменной. Значит, следы диковинной резины были оставлены именно в ночь убийства. Значит, егерь пил виски с кем-то, кто приехал к нему на участок на машине с колесами «Микки Томпсон», и эта машина не простая. Между тем понятно, что пить он мог только с кем-то из своих, а ни у кого из «своих» такой иномарки нет и быть не может. Круг замкнулся.

А зять Виталий на чем приехал? Никакой машины, кроме расхристанной «Волги», на дворе у Николая Степановича нет! И следов никаких, кроме «Микки Томпсона»!

– А он всегда на электрическом поезде ездит, – сообщил Витюшка, когда Плетнев спросил про зятя. – Был у него драндулет какой-то, ну, иностранный, конечно, это когда они только-только у нас появились. Драндулету сто лет в обед, а приезжал он так важно, как барин! Нравилось ему, что на иностранной тачке раскатывает! А потом то ли разбил он ее, то ли она сама от старости рассыпалась, и стал на поезде приезжать.

– Это он потому стал на поезде, – Валюшка, разливавшая по разномастным кружкам чай, в сердцах плюхнула чайник на клеенку так, что он изрыгнул облачко пара, – чтоб по хозяйству не ломаться! Тунеядец он, и все дела. В своем доме известно как – тут вон трубы надо, там досок прикупить, рубероид подвезти или, может, шифер!.. А на поезде едешь себе и едешь, много ли в руках привезешь, и спроса с тебя никакого! На горбушке ведь рубероид не попрешь!

– Да нет, ну, чего ты говоришь-то? Он машину хотел купить, все копил на нее!

– А скопил – вот! – И Валюшка показала супругу фигу. – Все дяди-Колину «Волгу» ладился продать и опять иностранную купить! Тут бы дядя Коля ее и видел! Только он «Волгу» ни за что не хотел отдавать! А чего ты все спрашиваешь, Леш?

Плетнев пожал плечами.

Не объяснять же, что спрашивает потому, что пытается доказать себе, что вовсе никакой он не холеный жеребец Алмаз, а «нормальный мужик»! Вон съел две тарелки картошки – и ничего.

Суп из спаржи и паровые битки! Запивать глотком охлажденного, но не ледяного шардоне.

Тут вспомнилось еще одно обстоятельство, которое заинтересовало его нынче утром, и Плетнев спросил как ни в чем не бывало:

– А Николай Степанович в доме... в моем доме сам убирал или просил кого-то?

– Так Любанька убирала! – удивилась Валюшка. – Тебе сахарку в чай кинуть или ты вприкуску пьешь?

– Я... вприкуску.

– Дядь Коля траву косил, ну, там, насос смотрел, трубы, чтобы не затянуло, крышу прошлым годом перекрыл! Это уж при тебе! Ну, в смысле, дом-то уж твой был. Ты, наверное, знаешь про крышу-то.

Наверное, нет, подумал Плетнев. Не знаю. Секретарша точно знает.

– Чего надо по участку подделать, все он. А убирала Любанька. Она у всех, кто сам без рук, без ног, у городских то есть, убирает! – Тут Валюшка ойкнула, покраснела, и Витюшка осуждающе покачал загорелой лысой головой.

– Чего стрекочешь зря, стрекоза!

– А чего я, чего я, это тебе, Леша, не в укор, ты вон как мне шланг прикрутил! Сидит, как будто он там и был! А полы да окна мыть не мужицкое дело, бабское оно!..

Тебя бы на заседание совета директоров, развеселившись, подумал Плетнев про Валюшку. Хоть какого совета хоть каких директоров. Там бы тебе объяснили, что такое равенство прав и какие именно дела следует считать мужскими, а какие женскими!

– Любанька-то сама в заказнике работает, только чего там платят, слезы одни! А у нее пацан, нашего Артемки друг. Вот она и убирает. У «газпрома», у Прохора Петровича, у тебя то есть. У блаженных тоже. Да чего там, мы когда по весне приезжаем, я всегда ее зову, вдвоем-то оно сподручней и быстрее выходит! Ну, рубликов двести плачу, а что такое?.. Летом еще ничего, а зимой у нее приработка, считай, и нет никакого. Пока Прохор Петрович жив был, она у него круглый год убирала, и вроде у блаженных тоже, а больше кому тут?.. Еще в Дорино у кого-то, но из тамошних я не знаю никого.

– А в заказнике она кем работает?

– Бухгалтершей вроде. Чужие денежки считает, а своих нету!..

Ну, конечно. Самая распространенная женская профессия в этой стране – бухгалтер. Как так вышло?

И странно это. Бухгалтерша, которая подворовывает в чужих домах, но не подворовывает на работе? Или там тоже подворовывает?

Что-то тут не сходится. Как и с шинами «Микки Томпсон».

– А ты чего, Леш? Позвать ее надумал? Она вроде мыла там у тебя недавно.

– Надумал, – сказал Плетнев. – Валюша, если вы ее увидите, пришлите ко мне, мы с ней договоримся...

– Не «выкай» ты мне!

– ...чтобы она раз в неделю приходила. Я же ее не знаю, и она меня не знает.

– Да сегодня и скажу, она к «газпрому» убираться пойдет мимо нас!

– Да тут у нас все друг друга знают, – ни с того ни с сего грустно сказал Витюшка, нашарил на перилах помятую пачку, вытащил сигарету, кинул в рот и прикурил. – Все друг друга знают, а вот такая аптека приключилась!..

– Ну, навонял!.. Плюнь ты дрянь эту, Витюшка!

– Сроду у нас никаких происшествий не бывает! Помнишь, кино такое показывали «Чужие здесь не ходят»? Хотя ты еще молодой, не помнишь ничего! Так и у нас. Не ходят здесь чужие, неоткуда им тут взяться! У нас двери-окна всегда открытые, детишки все на велосипедах круглый день гоняют, мы и не смотрим, куда погнались они! Мы когда в Москву возвращаемся, Артема наш две недели ревмя ревет, ничего понять не может, мы ж его как псы цепные в Москве-то стережем, мало ли что, а пацаненку это разве понравится?! Он маленький

еще, отвыкает, а потом привыкнуть не может. А здесь-то! – Виктор повел рукой с зажатой в ней сигаретой. – Заехать просто так никто не может, пешком сюда не дотелепаешь, со станции автобус четыре раза в день ходит, так ведь тоже по пропуску! Ни тебе хулиганья проклятого, ни алкоголиков пьяных, ни олигархов, которые динамитом рыбу глушат, песни орут, а потом бутылки бьют!

Плетнев живо представил себе, как олигархи – с некоторыми он был на короткой ноге – в деревне Остров глушат рыбу динамитом, а потом бьют бутылки.

– И вроде лихие времена давно прошли! А дядя Коля и в самое лихолетье управлялся дай бог, без происшествий!

– Помнишь, Витюш, он нам елку приволок? – негромко спросила Валюшка, отвернувшись тыльной стороной ладони смахнула слезу. – Не достать было елок-то! Так он срубил и нам приволок! Егерям-то рубить разрешают. Мы уж надежду потеряли, а какой Новый год без елки! И тут такой подарок царский!..

Плетнев ушел от них, пообещав, что, как только захочет есть, сразу же «кликнет Валюшку, она тут рядышком, через забор», уверенный, что есть не захочет больше никогда.

Ничего тут не сходится, в этой самой деревне Остров, думал он, опускаясь в качалку. Бухгалтерша Любана то ли ворует, то ли не ворует. Собачник Федор то ли покрывает ее, то ли защищает. Машина с шинами «Микки Томпсон» то ли подъезжала в ночь убийства к дому егеря, то ли не подъезжала. И вообще машины такой в деревне нет, а заехать на территорию заказчика действительно непросто! Документы на самом деле смотрят, номера сверяют. Следовательно, проверить, приезжала посторонняя машина ночью к егерю или нет, очень просто – нужно только выяснить, кому и когда выписывались пропуска.

Впрочем, наверняка правоохранительные органы – тут Плетнев скривился – это уже сделали.

Какая-то женщина угрожала кому-то в зарослях шиповника, и Плетнев слышал это собственными ушами.

Федор Еременко угрожал кому-то по телефону, и он опять же видел это собственными глазами.

То ли Николай Степанович на самом деле убил его собаку и Федор решил отомстить, то ли не убивал егеря никакой собаки, и тогда получается, что история началась не третьего дня, когда произошло убийство, а давно, еще зимой.

Тогда тоже произошло убийство, но на него никто не обратил внимания, потому что убили всего-навсего собаку.

По-хорошему, конечно, пора звонить секретарше и собираться на озеро Комо. Там его место, а вовсе не здесь, в деревне Остров Тверской губернии.

Впрочем, он перестал понимать, где именно его место и есть ли оно вообще, поэтому и собирался схимничать и анахоретствовать, но ничего у него не выходит! Он все время мечется, все время боится – то бывшей тещи и ее дочери, то есть собственной бывшей жены, чуда красоты и кротости, то Федора Еременко с его вполне определенными и мерзкими угрозами, то Валюшки с ее приставаниями!..

Впрочем, картошка была так хороша, что, пожалуй, приставания не в счет.

Что бы сказал его французский доктор, если бы узнал...

Да пошел он в задницу, этот французский доктор, вдруг подумал Плетнев и встал из качалки.

Ни моя теща, ни моя жена, образец красоты и кротости, сюда уж точно не явятся, поэтому здесь я в гораздо большей безопасности, чем на озере Комо, куда они непременно придут, чтобы вытянуть из меня душу, если таковая все-таки имеется, то есть «чтобы поговорить и начать все сначала»!

Федор Еременко не станет убивать меня среди бела дня на глазах у всей деревни, а на ночь я запру обе двери на засов!

Да и Валюшка с Витюшкой рядом и в случае чего придут на помощь.

Тут Плетнев захохотал так, как хохотал, когда его ударили по голове две чокнутые старухи, – громко и с удовольствием.

Нечего сидеть в качалке, как Обломов, которого Алексей Александрович с детства ненавидел. Нужно приниматься за дела.

Только вот... за какие?

Он оглядел свои владения, находившиеся, с его точки зрения, в идеальном порядке. Трава скошена, цветы цветут – знать бы, как они называются, – на кустах смородины полно смородины, а на яблонях – яблочко.

Плитка, которой выложены дорожки, кое-где поросла мхом и травой, и это, пожалуй, не совсем идеально. Плетнев своими глазами видел, как садовник на даче вытаскивал из швов и траву, и мох, значит, зачем-то это нужно.

Плетнев присел и попробовал вытащить. Травка легко вырвалась, в руке остался небольшой пучок. Алексей Александрович осмотрел его со всех сторон и бросил.

Наш Алешенька, говорила мать, ничего не умеет руками делать. Ну, совсем ничего! Кажется, она даже гордилась этим немного.

Алешенька вырос, обзавелся штатом «специально обученных людей», которые все делали за него, и ничему такому, что следовало делать руками, так и не научился.

Может, пришло время попробовать?

Новая жизнь не начинается в одночасье – бац, и началась!.. Куда-то надо девать старую с ее привычками, точками опоры, с ее привязанностями, горестями и радостями.

Может быть, думал Плетнев, ожесточенно дергая траву, моя новая жизнь начнется именно с этого? С сорняков, которые я неизвестно зачем вытаскиваю из щелей между плитками? Или так новая жизнь не начинается?

Ему было нестерпимо жарко, солнце жгло шею и руки там, где заканчивались рукава футболки, и он уже весь вспотел, и спину заломило – а фитнес-тренер Арнольдик уверял его, что он в прекрасной форме! Выходит, врал?!

Бессмысленность занятия почему-то не угнетала, а добавляла желания доделать его до конца. Что, я не справлюсь с какими-то погаными сорняками, что ли?! Быть такого не может! Я сделал блестящую карьеру, и эта карьера...

Плетнев локтем утер лоб, через голову стащил и отшвырнул майку и смерил глазами расстояние – то, что он уже прошел, и то, которое еще предстоит пройти. Соотношение было примерно один к ста пятидесяти.

Я справлюсь. Я не холеный жеребец Алмаз!..

– Здравствуйте! Извините, пожалуйста, можно войти?

Плетнев от неожиданности ткнулся коленями в плитку, чуть не упал и прямо так, на коленках, повернулся.

Возле террасы мялась какая-то совсем незнакомая девица в длинной майке или коротком платье. В руке у нее была эмалированная кружка, и она проделывала этой кружкой какие-то странные приветственные движения.

– Здравствуйте!

Плетнев кивнул и встал. Что за паломничество к нему сегодня?!

– Вы ведь из города только что, да?

Плетнев опять кивнул, рассматривая ее. У нее были длинные волосы, которые его теща назвала бы неухоженными, просто какая-то грива, копна странного цвета, который его теща назвала бы неопределенным – то ли золотистые, то ли рыжие. И еще у нее были глаза.

М-да. Глаза. У нее глаза. Дальше что?..

– А у вас есть молоко?

Плетнев чуть не сел обратно на плитку.

– У нас закончилось, а привезут только послезавтра! Вы ведь наверняка из города захватили?

– Молоко? – недоверчиво переспросил Плетнев. Девушка кивнула. – Ну, пойдёмте, посмотрим.

Он вошёл в дом, распахнул холодильник и посмотрел.

Наверняка секретарша, занимавшаяся отправкой припасов, не забыла про молоко. Или забыла? Вполне могла забыть, ибо Алексей Александрович никогда не пил никакого молока!

Сроду, как здесь говорят.

Штабель бутылок обнаружился на нижней полке. Плетнев вытащил одну и вышел на террасу. Девушка за ним не пошла, так и маялась на улице.

– Такое подойдёт?

– Конечно, спасибо вам большое! Я сейчас налью...

Тут он сообразил, что кружку она принесла неспроста, и сказал, чтобы она забирала всю бутылку.

Алексей Александрович был щедрым человеком, да и, в конце концов, для соседей ничего не жалко!..

– Мы вернём! Вы нас очень выручили! Просто здесь магазинов никаких нет, а в город ехать из-за молока глупо.

Он опять кивнул на манер холеного жеребца Алмаза.

– Спасибо! – бодро повторила девушка и пошла было к калитке, но вдруг остановилась.

– Вы плитку чистите, да?

– Да, – сказал Плетнев с вызовом. – А что такое?!

Он был уверен, что она сейчас будет учить его, как именно следует чистить плитку.

...Наш Алешенька ничего не умеет делать руками, совсем ничего!..

– У Николая Степановича такая специальная штука есть, называется мини-мойка. Ею гораздо удобнее, я точно знаю! Я сто раз чистила! Хотите, покажу?

Девушка пристроила бутылку и кружку под стену, в тень, и быстро пошла куда-то к дальней стороне участка, старательно обходя набросанные Плетневым кучи травы – знамение его новой жизни.

Сильно и привычно потянув, она открыла дверь большого серого сарая, сложенного из кругляка, как в северных русских деревнях, канула внутрь, в пыльный полумрак, пронизанный наискосок солнечными лучами, и выволокла оттуда какую-то штуку, похожую на большой пылесос.

– Ну вот! – и она показала на штуку. – Там ещё шланг и переноска такая здоровая, резиновая, тащите её сюда!

Плетнев полез в сарай, девушка посторонилась, заправляя за уши свои необыкновенные волосы – на солнце они горели, переливались, и смотреть на них без темных очков было трудновато, – и на широченном верстаке нашёл переноску. Шланг, скрученный в кольцо и похожий на чучело удава, обнаружился на стене.

– Значит, электричество здесь, а вода вон там. Это сюда, а вот эту штуку туда. У Николая Степановича все очень удобно устроено! Он и нам так уличную проводку сделал, что мы не нарадуемся. Ну, вот и все. Теперь нажимаем вот здесь...

Штука, похожая на пылесос, издала странный ноющий звук, и Плетневу показалось, что она сейчас взорвется. Он даже шаг назад сделал.

– Так и должно быть! – прокричала девушка, перекрывая вой. – Все правильно! Сейчас вода пойдёт!

И пошла!.. Из длинной ручки, похожей на трость от зонтика, которую девица держала далеко от себя, вдруг вылетела тоненькая струйка сверкающих капель, почему-то напомнившая Плетневу бриллианты на тещиной шее, потом ручка дернулась, как будто напряглась, и вода забила сильной и ровной струей. Вокруг этого жесткого водяного прута сразу образовалось облако мелких брызг, и в эти брызги моментально впрыгнула радуга!

Впрыгнула и повисла.

Плетнев не мог оторвать от нее глаз.

– Смотрите! – Девица направила струю на плитку. Она искренне радовалась непонятно чему. – Только очень осторожно, руки не подставляйте, давление ужасное, пальцы оторвет!

Там, где водяной прут касался плитки, в разные стороны веером разлетались комья выбитого мха и травы, и плитка становилась розовой, чистой, мокрой!

– Это очень веселая работа! – кричала между тем девица, продвигаясь со своим аппаратом. – Я ее больше всего люблю!

Плетневу ужасно захотелось самому водить шлангом, и чтобы брызги летели, и радуга кувыркалась в них, и ему казалось, что это на самом деле очень весело!..

И тут все закончилось.

Девица нагнулась, нажала кнопку, аппарат засипел и затих.

– Ну, так же интереснее, правда?

У нее было абсолютно счастливое лицо, как будто она только что выиграла в лотерею виллу на озере Комо.

– Правда.

– И быстрее.

– Быстрее.

– Только лучше разуться, тут берегись, не берегись, все равно все ноги зальешь! Видите?

Плетнев посмотрел на ее ноги. Они на самом деле были мокрыми.

– Николай Степанович эту мини-мойку года два назад купил и был очень доволен! Он и нам ее одалживал.

Должно быть, подумал Плетнев, купил я. Крышу-то ведь тоже покрыл я! Впрочем, меня никогда не интересовало, кто именно и что именно покупает в этот дом. Как и во все остальные мои дома. Для этого есть «специально обученные люди», целый штат.

– А мы все отчистили, даже дедушкин самовар! Мама все охала, что самовар может испортиться, а я взяла и отчистила! И он не испортился, а улучшился и теперь сияет натуральным самоварным золотом! – добавила она хвастливо и вдруг спросила, сделав серьезное лицо: – Как ваша голова?

– Моя голова? – не понял Плетнев.

– Ну да! Мы же вас ударили так ужасно! Слушайте, вы нас извините, пожалуйста, – начала было она и замолчала, как будто сама себе заткнула рот.

– Вы кто? – грубо спросил Плетнев, который на самом деле ничего не понял. – Старухи ваши родственницы, что ли?..

Девица захохотала так радостно, словно Плетнев сказал ей невесть какой комплимент. Или преподнес в подарок виллу на озере Комо.

– Старуха – это и есть я, – объявила она и опять захохотала. – Ну, то есть одна из них. А другая моя мама! Та, что вас стукнула. А я вам таблетку приносила и воды запить!

– Позвольте, но вы же...

– Да ничего не мы же!.. Мы просто пытались выкурить ос! У нас на участке осиное гнездо, очень страшное! Николай Степанович обещал помочь, да так и не собрался! Пришлось самим. Мама все беспокоится, что они нас кусают! Она всего боится.

– Я знаю, – пробормотал Плетнев. – Особенно медведей и гадюк.

– И еще ос! Мы с мамой собирали малину, потом стало так жарко, даже осы затаились. Мы решили, что самое время их выкурить. Мы надели телогрейки, штаны ватные, накомарники, рукавицы брезентовые и стали брызгать, но мне кажется, ничего мы не выкурили, только распугали, потому что они в гнездо как лезли, так и лезут. А после того, как мы вас... оглушили, выкуривать ос было очень глупо, мы сначала переживали, а потом полночи хохотали. Не над вами, конечно, а потому, что мы такие идиотки...

– Как вас зовут? – перебил Плетнев.

– Нэлли, – сказала девица. – Нэлли Лордкипанидзе. По-моему, ужасное имя, да?

Плетнев не знал, ужасное оно или нет.

– А мою маму зовут Нателла Георгиевна, а вас Алексей, я помню. Я маме потом сказала, что, если бы вы не оказались абсолютно вменяемым человеком, плохо бы нам пришлось!

– Каким?! – поразился Алексей Александрович, но она не стала повторять.

– Так что спасибо вам большое! И за молоко тоже!

Она пошла по дорожке, прихватила из тенька бутылку с кружкой, обернулась и махнула ему рукой.

– Если мне удастся уговорить маму и она испечет пироги, я вам принесу! Как всякая порядочная грузинка, моя мама готовит так, что можно умереть! Только ленится всегда! Но ради вас, Алексей, она пойдет на все! – И девица поклонилась так низко, что ее необыкновенные волосы коснулись травы.

Это было очень красиво – золотое на зеленом. Он даже какое-то время думал о том, как это красиво.

Плетнев вычистил все дорожки, каменный фундамент террасы, а заодно еще и крыльцо.

Все теперь стало влажным, блестящим, как будто новым, и Плетнев был очень горд собой и началом новой жизни.

Полвечера он трусливо прятался в доме от Валюшки, которая взывала к нему из-за забора, приглашая на мясо, которое «Витюшка от так жарит!», поужинал какой-то диетической ерундой из пакетов и банок, тоскливо думая о том, что его французский доктор остался бы доволен, вытащил книжку из «Библиотеки военных приключений», пристроился было читать на своем диване, но тут его так сладко и неудержимо потянуло в сон, что он уснул щекой на «военных приключениях», как бывало только в детстве, когда он засыпал за уроками.

Под утро ему приснились изумруды, небывалые, невиданные, что-то зеленое и золотое, и это было очень красиво. Потом прибежали собаки, утащили изумруды, оглядываясь и скалясь, стали закапывать в снег, и он их пытался прогнать, хотя было страшно. Они отбежали, сидели в отдалении и выли, а потом оказалось, что это не собаки, а волки, и нужно бежать, а он не может пошевелить ни рукой, ни ногой.

Плетнев вскочил, свалив на пол «военные приключения», сел, тараща глаза, и тут услышал вой, тот самый, из сна. Волосы у него на голове, кажется, встали дыбом.

– У-у-у! – на одной ноте выла то ли женщина, то ли собака, то ли волк. – Спаси-и-ите!..

– Да ну их совсем! – сердито сказал Витюшка, кинул в рот сигарету и переложил в другую руку топор. – Одурели бабы!

– Я думала, сердце лопнет, – поддержала его Валюшка и положила руку себе на бюст, где, по ее мнению, было сердце. – Пошли, Витюш, тут без нас народу хватит.

– Что случилось, я не понял?! – спросил Плетнев.

Витюшка махнул рукой.

– Хрен их разберет, баб этих. А ты бы штаны застегнул, Алексей, поберег бы хозяйство от посторонних глаз.

Валюшка захихикала, а Плетнев покраснел – ей-богу! – отвернулся и торопливо застегнул «болты» на джинсах. Хорошо хоть голый не выскочил!

Как все странно, пронеслось в голове, когда он просовывал в петлю последний «болт». Кажется, я стал жить по деревенским законам – если на улице шум, нужно немедленно мчаться и выяснять, в чем дело. Мало ли какая беда приключилась. Скоро буду держать под кроватью топор. А что тут такого?.. Так все живут.

И еще мне кажется, что я жил так всегда.

– Из-за чего такой крик?

– Вон, поди спроси их!

– Кого?!

– «Газпром», кого, кого! Это ихняя мать голосила! Я на двор к ним вбежал, думал, убивают, а никто там никого не убивает, а пропало у них чего-то, я даже не стал спрашивать, что!.. Плюнул да пошел! Напугали они меня, бабы эти!..

Плетнев посмотрел вдоль улицы.

Дома через два от его забора металась какая-то женщина в цветастом халате, на голову у нее было накручено полотенце, а за ней металась еще одна, точно такая же, только на голове у нее была бейсболка, а на бейсболку почему-то повязана косынка, и это Плетнева рассмешило. Из ворот Николая Степановича выглядывал зять Виталий, вытягивал шею, с другой стороны на велосипедах подкатывали ребята, останавливались и смотрели во все глаза. На ничейной лавочке с противоположной стороны улицы сидела фигуристая Женька, собиравшаяся поступать в модели, с таким видом, как будто она пришла в кино и предвкушает отличный фильм. Рядом сидела еще какая-то девчонка, не такая фигуристая, и ходила кура, совсем не фигуристая, а довольно облзлая.

Где-то близко застрекотал и смолк мотороллер, и Плетнев и Витюшка с Валюшкой разом оглянулись.

Чуть не наехав колесом на босую ногу Алексея Александровича, Нэлли Лордкипанидзе – что за ужасное имя – остановила свой агрегат и сказала бодро:

– Всем доброе утро! Что там случилось? Все живы?

– Здравствуй, Нелечка! Привет, – хором отозвались Валюшка с Витюшкой, а Плетнев по непонятной причине промолчал. Вообще-то он был вежливым человеком, но – промолчал.

– Да чума их разберет, что там!..

– Неля! – изо всех сил закричала та, что с полотенцем на голове. – Неля, подойди сюда!

Нэлли налегла грудью на мотороллер, подкатила его к плетневскому забору, пристроила и пошла. Плетнев двинулся за ней.

– Леш, ноги бы обул! – вслед ему сказала Валюшка. – Витюш, дай ему свои, чего он по камням шкандыбаает!

Витюшка догнал Плетнева, сбросил с загорелых упористых ног обрезанные по задникам галоши и поставил перед Алексеем Александровичем.

Плетнев посмотрел на галоши.

– Надевай, надевай, – великодушно разрешил Витюшка. – Мне до участка два шага, а там у меня другие есть!

Плетнев сунул ноги в жаркие и немного влажные Витюшкины галоши.

Ну, французский доктор тут ни при чем, а вот жену с тещей, наверное, после такого его поступка пришлось бы хоронить.

Шлепая галошами по гравию и мелким белым камушкам, он догнал Нэлли Лордкипанидзе почти у самого забора, перед которым металась женщины в халатах.

– Неля, мне нужен телефон, – простонала та, что в тюрбане. – У тебя с собой телефон?

– Трех часов нет еще, Тереза Васильевна.

– Господи, как это я забыла! Будь проклята эта глушь! Ничего не оставили, ничего, даже телефонов!..

– При чем здесь три часа? – на ухо спросил Плетнев у Нэлли.

– У нас телефоны работают в три часа дня и в девять вечера, – быстро ответила та, не оборачиваясь. – Спутник из-за сарая вылетает, они начинают работать, и какое-то время по ним даже можно разговаривать.

– Что делает спутник?!

Но она не слушала его.

Тереза Васильевна вдруг стала валиться на бок, и Нэлли подхватила ее, ребятишки восхищенно загалдели, а фигуристая Женька даже приподнялась со скамейки, чтобы лучше видеть.

– Мама, пойдем в дом, тебе нужно лечь, – предложила женщина в бейсболке.

– Я не могу, туда нельзя, там вещественные доказательства и улики!

– На солнцепеке тоже нельзя, – мягко сказала Нэлли. – Может, в тенек, на лавочку?

– Все вытащили, – горестно сообщила ей та, что в бейсболке и косынке. На косынке Плетнев разглядел надпись на английском «Международный форум ЦЕРН» и какой-то там год. – Все подчистую! Ничего не оставили.

– Как – ничего?! – сладко ахнул кто-то из ребят. – Даже кастрюлек нету? И сковородок?

– Пошли все отсюда! – вдруг взвизгнула Тереза Васильевна, обретая твердость в ногах. – Вот я вас сейчас!

С необыкновенным проворством она подбежала к зарослям шиповника, выдернула из середины длинную крапивину и пошла с ней на толпишку детей, как богатырь Ослябя на татарских воинов. Те похватили свои велики и бросились наутек.

В общем, всем было весело.

– Я не понимаю, что именно произошло, – сказал Алексей Александрович, почему-то обращаясь к Нэлли Лордкипанидзе. – У кого-то что-то украли?

– Да у нас, у нас! – сердито выкрикнула бейсболка с косынкой. – Что тут непонятного! У нас украли все! Неля, давай заберем маму, ей сейчас на жару плохо станет!

Покуда они ловили маму, которая прытко гналась за мальчишками, потрясая выдернутой крапивой, Плетнев думал.

Вот тебе и деревня Остров, в которой ничего никогда не происходит и нет чужих!

Сроду, как здесь говорят.

– Я ваш сосед, – представился Плетнев, когда все три дамы, тяжело дыша, вошли на участок и без сил попадали на лавочку. – Я живу в доме... – он чуть было не сказал «покойного Прохора Петровича», но в последний момент удержался, – вон в том доме. Что у вас украли и когда?

Тереза Васильевна махнула рукой.

– Все! У нас украли все! Неля, езжайте с Региной в Дорино, до поворота, там берет телефон. Нужно позвонить в милицию, или как она теперь, боже мой!.. Или нет, езжайте сразу в Аникино, в отделение, или нет, лучше я сама поеду, и мне надо срочно позвонить в Газпром. Какое несчастье, какое несчастье!.. Неля, Регина, езжайте немедленно, в дом заходить нельзя, там могли остаться вещественные доказательства!

– Конечно, мы поедем, – успокаивающе сказала Нэлли Лордкипанидзе. – Только я вам сначала валокордин накапаю, Тереза Васильевна. Вам нужно... отдышаться.

Тут Тереза Васильевна подняла глаза на Плетнева, и он ей не понравился.

Он просто голову мог дать на отсечение, что не понравился.

Он умел моментально оценивать реакцию самых разных людей и был большим специалистом в ведении переговоров.

– Да, да, – кивнула Тереза Васильевна рассеянно и потерла лоб движением, подсмотренным в кино у одной актрисы. Актриса делала так, когда хотела показать собеседнику, насколько она во всех отношениях выше. – Вы из дома Прохора Петровича. Родственник?

Кажется, она едва удержалась, чтобы не добавить «бедный»?

– Это моя дочь Регина, а Марат спит. Они с Женей вчера допоздна музыку слушали. Господи, он ничего не знает, бедный мальчик!.. Марат – мой внук.

Никто не спит, подумал Плетнев. Вся деревня стоит на ушах. А бедный мальчик спит. Должно быть, железные нервы.

...Или принимает на ночь французское снотворное?..

– Где у вас аптечка?

– Туда нельзя, там доказательства! Я как утром встала, как увидела, так у меня сердце и разорвалось!

– Нужно все же принести валокордин.

И решительная Нэлли поднялась на крыльцо.

– На кухне справа! Там шкафчик такой, в выдвижном ящике! – крикнула ей дочь Регина, которая не особенно стремилась спасти разорванное материнское сердце. Она сидела на лавочке, сильно наклонившись вперед и уткнув локти в колени как-то по-мужски, и из-за ее цветастого халата поза выглядела диковато.

– Господи, ну что же делать, – причитала Тереза Васильевна, обмахиваясь пятерней. – Надо в отделение, и заставить их, чтобы приняли заявление, обязательно! Хотя кто станет искать! Особенно здесь, боже мой! Нелечка, спасибо тебе!

Тереза Васильевна залпом опрокинула стаканчик и подышала открытым ртом.

– Ничего не оставили, – пожаловалась она. – Ничегошеньки. Одних колец... Ну, все, какие были! И серьги жемчужные! Я должна позвонить в Газпром! Мне помогут, я должна...

– Тереза Васильевна, – Нэлли присела рядом с ней, убрав с лавочки стаканчик. – У нас же тут никогда ничего не воровали! Да вы знаете прекрасно. Мы и двери никогда не запираем, ни днем, ни ночью. Только моя мама время от времени, от медведей.

– Знаете, Нелечка, ваша мама...

– Наверное, вы просто куда-то переложили ваши ценности? – быстро перебила ее Нэлли. – И забыли? Может такое быть?

– Я все же не ваша мама! – ядовито ответила Тереза Васильевна. – У меня мозги пока еще на месте, я в Газпроме работаю! Ничего я никуда не перекладывала, а все у меня всегда в одном месте собрано!

– Сто раз я тебе говорила. – Дочь потеряла лицо и сорвала с головы бейсболку с косынкой. Плетнев проводил глазами диковинную надпись на английском языке. – Не таскай ты ничего в деревню! Зачем тебе здесь жемчужные серьги?! Нет, тащит и тащит!

– Ну, как же? А если меня на работу вызовут?

– Один раз без серег ходила бы!

– Регина, прекрати сейчас же! Прекрати! Иуды проклятые, все украли! Надо же, у беззащитных женщин воровать!

– Да не причитай ты! Теперь не воротишь. Все. Пропало.

– Как не воротишь? – вдруг перепугалась Тереза Васильевна и встала с лавочки. – Ты думаешь, вправду искать не будут?!

– Щас! Будут они тебе искать! Они вон никак не найдут, кто дядь Колю уколошил! А тут еще серьги твои!..

– И кольца, – словно в забытьи бормотала Тереза Васильевна, – и цепочка с кулоном, и еще... боже мой, боже мой...

Плетнев вздохнул и посмотрел по сторонам.

Цветы цвели, солнце светило, пчелы гудели.

Хорошо в деревне летом.

Он закинул голову и взглянул еще на небо в прорезях густых яблоневых веток. И засмотрелся.

Небо было высокое, светлое, знойное. Облака, сливочные, взбитые, какие бывают только в июле, висели неподвижно. И вдруг захотелось ему на речку – он же еще ни разу не был на речке! – и мороженого. Самого обыкновенного мороженого в вафельном стаканчике.

Его французский доктор насторожился где-то у себя в Сент-Моррице.

– А может, Любка взяла? – раздался вдруг ясный голос, и Плетнев очнулся. – Я к ней вчера заходила, так ее дома не было! Она мне потом на улице попала, как раз от вас шла! Небось она и взяла!..

Возле калитки, привалившись к ней одним плечом, стояла фигуристая девица Женька и с ладошки ела красную смородину.

Газпромские дамы переглянулись. Нэлли Лордкипанидзе и Алексей Плетнев тоже посмотрели друг на друга.

– А что? – продолжала Женька. – Говорили же, что она чего-то там таскает! Может, и у вас утащила?

Тереза Васильевна взялась пальцами за виски. Оттопыренные мизинцы дрожали.

Одна актриса так делала в кино, когда хотела продемонстрировать, как она поражена и убита.

– Господи... мне это и в голову не пришло... ну, конечно! Конечно, она у нас вчера была!

– Была! – хищно подтвердила Регина, и Плетневу показалось, что зубы у нее щелкнули. – И валандалась полвечера!

– А я после ее ухода ничего не проверила! Нет, совершенно точно, я ничего не проверила. Я же... я привыкла доверять людям, я же работаю с порядочными людьми!

– В Газпроме? – не удержался Плетнев.

– Мама, это нужно проверить.

– Да что там проверять, я уверена... Больше никому... У нас никого не бывает... Конечно, конечно, это она, голытьба деревенская...

– Тереза Васильевна, – сказала Нэлли очень серьезно. – Не делайте поспешных выводов. Люба работает у нас много лет, и никогда ничего не пропадало.

«Газпром» махнула рукой.

– Да у вас и пропадет, вы не заметите! Нет, нет, точно она! Нужно писать на нее заявление, это Любка!

– Прежде чем писать любые заявления, необходимо получить более или менее точную информацию, а никакой такой информацией вы не располагаете, – начал Плетнев, но продолжить ему не дали, несмотря на то что он виртуозно умел вести переговоры.

– Не ваше дело! Что вам-то надо, что вы вмешиваетесь?! Вмешивается он! У нас беда, а вы тут стоите! – закричали мать и дочь хором, и Плетнев испугался.

Ничем – ни обликом, ни манерами, ни халатами – две женщины не походили на его тещу и жену, но он вдруг понял, что это они! Они и есть! Добрались до него даже в деревне Остров!..

Он не хотел их видеть, не желал разговаривать. Он боялся их до смерти!..

И Плетнев сделал то, что стало для него привычным в последнее время, – бежал.

Он быстро и решительно пошел прочь, выскочил за ворота, чуть не задев плечом Женьку, которая все ела смородину и морщилась – кисло, – и почти бегом бросился по пыльной белой улице к своему дому.

Но в лицо ему дунул жаркий июльский ветер и сдул холодный страх, как и не было его.

...Куда ты опять помчался, неврастеник? Какие еще жена и теща? Вот эти бабы в халатах?! Что тебе в голову взбрело?!

Да. Мне взбрело. Жена, образец красоты и кротости, венец творенья, и теща, умница, красавица, центр вселенной, живут точно так же, как эти две, в халатах. Им наплевать на людей – всех сразу, оптом и в розницу. Как только в их жизни возникает даже не проблема, а намек

на проблему, они во все лопатки мчатся звонить в Газпром, то есть в некое место, где кто-то решит все за них.

Плетнев постоял посреди улицы, посмотрел на шмеля, который, развлекаясь, качался в тяжелой цветочной грозди, посмотрел на облака, из-за которых ему так захотелось мороженого в стаканчике, на свои ноги в Витюшкиных галошках тоже посмотрел – и пошел обратно.

Я больше не хочу вас бояться, какими бы вы ни были. И бегать от вас не стану.

Во дворе «газпрома» продолжался переполох.

Фигуристая Женька, перешедшая со своей смородиной на лавочку, где давеча сидели обворованные, тихонько смеялась. Тереза Васильевна, содравшая с головы полотенце, дрожащими руками пыталась наладить прическу, глядя на себя в пыльное, засиженное мухами оконце, но в дом не шла, а Регина шуровала какими-то ведрами на крыльце. Нэлли Лордкипанидзе что-то успокаивающе говорила то одной, то другой.

– Мама, где ключи от дома?

– Где всегда, где ж еще они могут быть?!

– Тут нет.

– Они всегда лежали под ведром. Только не под нижним, а под средним! Неля, где твой драндулет, ты отвезешь меня в Аникино!

– Я отвезу вас в Аникино, – очень громко и очень четко сказал Плетнев. Он так говорил на переговорах, зашедших в тупик, когда становилось понятно, что договориться все равно ни о чем не удастся. – Но мне нужно знать, что именно и когда именно у вас пропало.

Все на него оглянулись, и Тереза Васильевна перестала взбивать мокрые, плохо окрашенные волосы. Регина стукнула ведром, и Плетневу показалось, что стукнула осторожно.

Он отлично знал, что подобная перемена тона всегда действует на такого рода женщин, и умел этим пользоваться.

Нэлли смотрела на него с интересом.

– У нас пропали драгоценности, вы что, не поняли? – Тереза Васильевна настороженно оглянулась на дочь и соседку. – Мои драгоценности. Вчера были на месте, а сегодня пропали.

– Какие драгоценности?

– Золотые кольца! Три кольца, с рубином, с бриллиантом и с крошкой бриллиантовой, такое широкое, – и она показала, каким широким было кольцо. Получалось, что в полпальца. – Жемчужные серьги и цепочка с кулоном, это подарок!.. На кулоне знак Зодиака Лев.

– И телефоны, – подсказала Регина, переставшая шуровать ведрами. – Телефоны тоже пропали. Они там рядом со шкатулкой лежали, все три.

– Когда вы проверяли драгоценности и телефоны?

Мать и дочь переглянулись, а Женька на лавочке вытянула шею, чтобы лучше слышать.

– Я... точно не знаю, но абсолютно уверена, что вчера все было на месте.

– Почему уверены?

– Потому что, – понемногу обретая прежнюю уверенность, сказала Тереза Васильевна. – У меня никогда ничего не пропадает, я за всеми своими вещами смотрю!..

– То есть вчера вы драгоценностей не видели?

– Нет, но...

– С телефонами понятно, они все равно не работают. Вы положили их рядом со шкатулкой и забыли про них.

– Да, но...

– С чего вы взяли, что ваши украшения пропали вчера? Они могли пропасть неделю назад.

– А вот и не могли! – торжествующе закричала Тереза Васильевна, и Плетневу показалось, что она сейчас покажет ему фигу. – Неделю назад я в город ездила, и все драгоценности были на месте!

– На чем вы ездили в город?

– Как?!

Глядя ей в лоб, очень медленно Плетнев повторил вопрос.

– На машине, конечно! Не на электричке же!.. – фыркнула Тереза Васильевна.

– Где ваша машина?

– Меня привез водитель, – сообщила Тереза Васильевна тем же тоном, в котором явственно слышалось: накося выкуси! – Или вы думаете, я сама должна править, как кучер?!

– Значит, неделю назад все было на месте, а сегодня вы обнаружили пропажу?

– А вчера, – подхватила Тереза Васильевна, – у меня убиралась Любка! Вот вам и вся история, дорогой товарищ сыщик! Или кто вы там? И я этого дела так не оставлю! Она все-о-о вернет, все-о-о! Я в Газпроме работаю, у меня связи! Да я ее... посажу! Жулики кругом, одно бандитье! А я еще ей платила как порядочной, мальчишку конфетами угощала! Попомнит она мои конфеты!..

Тут на крыльцо, зевая и почесываясь, выступил из дома патлатый пацан, очень худой и очень белый. Плетнев невольно посмотрел на свой живот, такой же белый, как у пацана.

Если тебе некогда отдыхать, с нежной заботой говорила ему Маринка, давай я запишу тебя в солерий!.. Ну, посмотри, это же ужасно! А вдруг нас куда-нибудь пригласят на солнышко, а ты такой... страшный.

И они оба смеялись. Ну, что делать?.. Отдыхать некогда и загорать некогда, вот и страшный.

– Вы че тут? – спросил пацан и зевнул во весь рот. – Ма, а ветчины нет, что ли?

– Маратик, у нас беда! Горе у нас, Маратик, солнышко! У бабушки все украли!

– Как – все? – поразился Маратик и оглянулся в дом, как бы проверяя, что именно там осталось. – Совсем все?!

– Да нет, не пугайся, драгоценности из шкатулочки... Все, что там было! И еще телефоны, и мой, и бабушкин.

– Е-мое! – подумав, сказал пацан. – Непруха. Здрасти.

– Привет, – поздоровался Плетнев.

– Вы из дома Прохора Петровича?

– Маратка, привет! – закричала с лавочки фигуристая Женька. – Ты все самое интересное продрых!

Тут пацан весь покраснел, бледная кожа пошла пятнами, схватил себя за трусы, потом отпустил их и умчался в дом. Там что-то загрохотало, как будто он опрокинул платяной шкаф.

Тереза Васильевна поджала губы и взглянула на Женьку, как будто впервые увидела.

– Шла бы ты к себе, Женя. Тут тебе не представление в театре.

– А по-моему, очень даже похоже! – поднимаясь, заявила девица и пошла, покачивая бедрами, потом обернулась и сказала Плетневу нежно: – А вы к нам заходите! Заходите, у нас весе-ло-о-о! В карты сыграем!

– Распушенность какая, – так, чтоб девица слышала, сказала Плетневу Тереза Васильевна, как будто предостерегая. – Да и понятно, воспитания нет никакого! Одно слово, деревня! Я бы ни за что не разрешила Маратику с ней общаться, но ведь он здесь совершенно, совершенно без компании! Вот и приходится терпеть! Я не возражаю, когда она заходит, но есть же приличия...

Тут опять вывалился пацан в шортах, футболке с черепами и молниями и кепке козырьком назад, вид независимый.

– Ба, я завтракать хочу, – начал он с ходу, но тут обнаружил Женькины бедра, уже почти скрывшиеся за калиткой, и моментально весь задор с него слетел.

Плетневу даже жалко его стало.

– Конечно, Маратик, сейчас все, все будет, только бабушке надо в отделение собираться, заявление на Любку писать... Но сейчас, сейчас...

– А чего Любка поперла?!

– Марат, это тебя не касается, – подала голос его мать. Она нашла ключ и теперь зачем-то поворачивала его в замке туда-сюда. Ключ поворачивался с трудом, видно было, что пользуются им редко. – Это взрослые дела, не очень приятные.

– А я маленький, да?!

– Чего тебе, кашки или омлетик?

– Да ничего мне не надо!

– Маратик, ты же сказал, что завтракать хочешь! Бабушка так обрадовалась! Ты мало кушаешь! Совсем не кушает, – вдруг повернувшись, пожаловалась она Плетневу плаксиво.

– Здоровее будет, – задумчиво сказал он. – Потом не придется худеть... у французских докторов.

Нэлли Лордкипанидзе захохотала – между прочим, он уже заметил, что смеется она всегда с удовольствием и от души.

Маратик, окончательно раздумав завтракать, подбрасывал и ловил телефон и на бабушкины причитания не обращал никакого внимания, дочь Регина все ковырялась с замком, потом Тереза Васильевна удалилась в дом, велев Плетневу «подъезжать через пятнадцать минут».

Вместе с Нэлли они вышли на улицу, и она еще повернулась, чтобы накинуть крючок. Плетнев подождал.

– Как теперь ее спасти?

– Кого? – не понял Плетнев.

Нэлли вздохнула.

– Любу. Как-то же надо ее спасти!.. Тереза Васильевна человек... сложный. С ней лучше не связываться. Раз уж она взяла в голову, что Люба виновата, значит, Любе несдобровать.

– Н-да, – неопределенно заметил Плетнев. – А кем она трудится в Газпроме, не знаете?

Нэлли пожала плечами.

– Да вы поймите, – произнес Плетнев с досадой, – это все ерунда. Когда именно пропали кольца-серьги, никто толком сказать не может. То ли вчера, то ли в пятницу. А может, в среду. Двери у них не запираются, как и у всех. Они сами толком не знают, где ключи! Эта... дочь...

– Регина, – подсказала Нэлли.

– Дочь Регина долго не могла их найти, а когда нашла, оказалось, что замок почти не работает. Вы же видели! У меня в доме тоже замок плохо работает, им очень редко пользовались. Кто угодно мог зайти и взять из коробочки то, что там лежало. В любой момент. – Тут он вспомнил, что хотел спросить: – А внук Маратик у вас бывает?

Нэлли удивилась:

– У нас с мамой? Нет, никогда. Они вообще к нам не заходят, ни Тереза Васильевна, ни Регина. Они считают нас странными. А Тереза Васильевна, – тут она улыбнулась, – не одобряет странных людей. Она же в Газпроме работает. А там все приличные.

– Приличные, – повторил Плетнев. – И еще телефоны, которые тоже пропали!

– Что телефоны?

– Почему украли только два, а один оставили? Тот, что у внука? Его телефон в полной сохранности.

– И почему?

– А вы не догадываетесь?

– Нет.

– Вот и хорошо, – неожиданно заключил Алексей Александрович.

Она смотрела на него очень внимательно, и он тоже взглянул, хотя без темных очков на ее волосы смотреть было противопоказано.

А еще у нее... глаза.

Н-да. Глаза. Ну и что?..

Изумрудная трава, золотое солнце. Изумруды уволокли волки. Мы в город Изумрудный идем дорогой трудной, идем дорогой трудной, дорогой непростой!..

– Элли, – спросил Плетнев, думая о волках и изумрудах и называя ее тем именем, которое больше всего подходило девушке из Изумрудного города, – Николай Степанович не рассказывал вам, как получилось, что кто-то застрелил собаку? Не просто какую-то там, а любимую собаку Федора Еременко?

Она подумала немного.

– Дело было зимой, а мы приезжаем летом. Зимой бываем, конечно, но редко. И вот когда мы летом приехали, про собаку разговор уже не зашел. Это стало далеким прошлым.

Она говорила очень чисто и правильно, и все же именно в этой безупречной правильности чувствовался даже не намек на акцент, а какой-то смутный штришок, и это было очень красиво.

– Николай Степанович сокрушался, что так вышло с Волком. Одно время он сам держал собаку, и мы очень ее любили. Она умерла в глубокой и счастливой старости. И мы горевали. А Николай Степанович решил больше собак не заводить, чтобы не портить воспоминания о той, которую звали Ласка.

– Вы смеетесь? – уточнил Плетнев, и она покачала головой.

Они дошли до забора, к которому был приткнут ее мотороллер.

– Вы точно хотите самостоятельно везти Терезу Васильевну в отделение? Я могу вас выручить, мне привычней.

– Нет уж, – сказал Плетнев. – Я съезжу. А вы на чем добираетесь в Москву? На этом? – И он показал на мопед.

Элли захохотала.

– На электричке, конечно! Пока был жив папа, он нас возил, а потом мы так и не научились водить. Мы, видите ли, бестолковые. Когда происходит открытие сезона, нас сюда доставляет кто-то из бывших папиных учеников. Это как заброска экспедиции на дрейфующую станцию «Восток»! Мы везем все, а все на электричке не увезешь. А летом на поезде. Наш дедушка, который очень любил эту дачу, до конца своих дней называл железную дорогу чугункой! Так и не мог привыкнуть.

– Вы не знаете, у кого в деревне может быть внедорожник? То есть я хотел сказать...

– Что вы имеете в виду? «Навара»? «Дефендер»? «Тундра»?

Вот чего Плетнев не ожидал, так это таких познаний!

– Я не до конца первобытная, – объяснила она деловито. – Я люблю большие машины и автомобильные журналы. И я точно знаю, что никаких таких машин у нас нет.

– Может, к Терезе Васильевне приезжают?

Она подумала немного.

– Я видела «Опель Астру», «Тойоту Короллу», какой-то маленький «Ниссан», они странно называются, то ли «Тушкан», то ли «Таракан».

– «Кашкай», – подсказал Плетнев, наслаждаясь.

– Совершенно верно. Еще была «Нива», к которой по какой-то роковой нелепой ошибке приписывают слово «Шевроле». По-моему, все.

– Гениально, – оценил Плетнев. – Гениально!

– Почему вы спросили?

– Потому что я видел след протектора. Такие протекторы ставят только на тяжелые внедорожники.

– След протектора – это похоже на советский детектив. Я очень люблю советские детективы.

При слове «детектив» Плетнев вдруг подумал, что на самом деле имеет смысл позвонить начальнику службы безопасности, пусть он во всем этом детективе разбирается, и ему, Плетневу, никаких хлопот.

В конце концов, не зря же он содержит «штат специально обученных людей»!

От этой мысли у него сразу испортилось настроение, изумруды померкли, и все стало так, как было на самом деле.

Вот он, Алексей Александрович, который решительно не знает, куда себя приткнуть, и от этого мечется – между Москвой и деревней Остров, между старой жизнью и новой, которой нет, между французским доктором и жареной картошкой, между тещей и Терезой Васильев-ной.

Оксана умерла бы от унижения, если бы узнала, с каким убожеством ее сравнивает зять!..

– Я должен собираться, – сказал он тем голосом, какой был у него на самом деле. – До свидания.

– До свидания, – легко попрощалась Элли из Изумрудного города и взгромоздилась на свой мопед. Длинная юбка задралась и открыла длинную ногу.

Плетнев отвел глаза.

...Язвы твою душу!..

Пока он собирался – очень старательно, долго, потому что ехать никуда не хотелось и видеть никого тоже не хотелось, – произошло несколько событий.

Об одном событии ему сообщила запыхавшаяся Валюшка, которая завывала с той стороны забора, покуда он не вышел на крыльцо, застегивая манжеты льняной рубахи.

– «Газпром» решила сама следствие вести! Нету, говорит, у меня надежды на правоохр-нительные органы, и вообще ни на кого нету! Она к Любе-то заявила и говорит, отдавай, чего взяла, Женька мое кольцо у тебя своими глазами видала! Люба вроде отказывается, только «газпром» не поверила, полезла в дом, а на буфете, что ли, ейное кольцо с бриллиантом!.. Ну, Люба слезами умывается, говорит, ничего не знаю, только чего тут умываться, когда все откры-лось!.. «Газпром» ей: отдавай, мол, остальное, а ничего остального и нету! Продала, что ль, уже?.. Ну, тогда «газпром» и говорит – или отдаешь все по-хорошему и еще денежную премию мне за моральный вред, или я на тебя, воровку, заявление пишу. Я, мол, женщина уважаемая, меня в Газпроме все знают, и несдобровать тебе тогда! Федор было сунулся, а чего соваться, если кольцо у Любы на буфете нашлось! Правда, что ль, народ совсем до ручки дошел, если приличные с виду женщины чужие вещи таскают?!

Второе событие произошло само собой.

Когда Плетнев уже «разоблачился» – почему-то «городские» вещи: ремни, льняные рубахи, мокасины из кожи кенгуру – стали его раздражать, жали, натирали и душили со всех сторон, – напялил шорты и сунул ноги в Витюшкины галоши, в дверь осторожно постучали, похоже, костяшкой согнутого пальца.

Двери у него теперь были все время настежь, и он очень удивился, кому это приходит в голову стучать! Соседи, когда им чего-то надо от него, громко орут: «Леша-а! Ле-еш! Выдь на минутку!»

Он вывалился на террасу и обнаружил даму с высокой прической и в расписном бурнусе до пола.

– Здравствуйтесь, – приветствовала его дама глубоким контральто, и на шее у нее блеснуло ожерелье. Плетнев покачнулся. – У вас есть деньги? Одолжите мне немного!..

– Вот мы с Нелечкой и решили, что правильнее будет заплатить. Так всем будет гораздо спокойней. – Дама помолчала немного, а потом спросила участливо: – Как ваша голова?

Плетнев сбоку посмотрел на нее, несколько секунд они молчали, а потом она вдруг захотала. Хохотала она точно так же, как ее дочь, легко и с удовольствием, и Плетнев тоже засмеялся.

– Вы нас простите, это была какая-то страшная глупость, буйное помешательство, кошмар! Нам еще повезло, что вы такой...

– Вменяемый, – подсказал Плетнев, вспомнив Элли из Изумрудного города.

– О да! Окажись на вашем месте уважаемая Тереза Васильевна, нас бы непременно упекли! Непременно!.. Впрочем, я бы не отказалась от удовольствия ударить ее по голове дубиной. Должно быть, я кровожадная, а?

Она говорила тоже очень правильно, но в ее речи было больше акцента, и Плетнева это забавляло, особенно когда она начинала выражаться напыщенно. Странное дело, но эта напыщенность очень к ней шла.

– То есть вы решили заплатить Терезе Васильевне за драгоценности, которые у нее кто-то украл, просто чтобы выручить Любу, которая, по-вашему, их не крада.

Нателла Георгиевна – кажется, так ее зовут? – согласно и одобрительно кивала.

– При этом вы не знаете, ни сколько стоят эти драгоценности, ни кто их взял на самом деле. Вы хотите заплатить столько, сколько она попросит. Все верно?

– Абсолютно! – пылко воскликнула дама. – Никаких сомнений.

Плетнев поднялся, подошел к перилам террасы, положил руки на нагретое дерево и посмотрел на лужайку. Цветущий куст был немного всклокочен с одной стороны, и он вспомнил козу, которая произвела там разрушения, паразитка.

– Да, – сказал он, думая про козу. – Блестящий план. Главное, очень толковый.

– Вы со мной согласны? – обрадовалась дама. – Вот и Нелечка согласна. Правда, поначалу мы повздорили, она говорила, что первым делом нужно установить, кто все же забрал эти самые украшения, но потом согласилась.

– Ваша Нелечка говорила правильно.

– Как же мы будем это устанавливать? – удивилась Нателла Георгиевна совершенно искренне. – Мы же не следственный комитет прокуратуры, а? И потом, это так неприятно!

– Что неприятно? – Он повернулся и посмотрел на нее.

Она царственно повела рукой вокруг, словно Царевна Лебедь из сказки.

– Вы только посмотрите, какая тут у нас красота! Такой красоты больше нигде в мире нет, а я многое повидала! – Это было сказано таким тоном, что Плетнев моментально поверил, что так оно и есть, эта женщина действительно многое повидала на своем веку. – У нас здесь все самое настоящее, а настоящего в жизни не так уж много. И это настоящее может погибнуть, понимаете?

– Что может погибнуть? – не понял Плетнев.

– Наша здешняя жизнь, – уверенно сказала Нателла Георгиевна. – Доброжелательность соседей, доверие друг к другу, радость бытия. Мы все очень разные люди, но мы много лет, нет, десятилетий живем вместе и как могли старались не портить друг другу жизнь! И вдруг среди нас завелся некто, кто сознательно и злобно стал ее портить. Он даже отнял жизнь у одного из нас.

Она говорила так, как будто речь шла о семье или о некоем сообществе очень близких людей, и Плетнев слушал ее настороженно и внимательно. Он был уверен, что она не врет, но и поверить в ее искренность не мог.

Выходило явное противоречие.

– Это необходимо остановить. Мы не можем позволить, чтобы так продолжалось и дальше. Мы должны жить, как жили раньше, или потеряем все.

– Что все, Нателла Георгиевна?

Она удивилась. Ей казалось, что она говорит очень ясно и просто, а этот милый человек так до сих пор ничего и не понял.

– Мы потеряем друг друга. И это наше убежище – Остров.

– А это, по-вашему, убежище? – злобно спросил Плетнев.

– Святая Дева, конечно! А разве вы приехали не для того, чтобы найти здесь убежище?

... Она ничего не может знать о тебе и о том, что ты прячешься тут от своей несуществующей нынешней жизни и от обломков старой, которые все продолжают сыпаться тебе на голову, как в замедленной съемке!

Она говорит так просто потому... что говорит, только и всего.

– Во всем этом деле нужно разбираться, Нателла Георгиевна, – сказал Плетнев и неожиданно для себя совершил следующее: подпрыгнул, подтянулся и уселся на перила, совсем как Федор Еременко!.. Он никогда не сидел на перилах в присутствии... дам.

Впрочем, дама не обратила на его вольность никакого внимания.

– Я вам толкую как раз противоположное, – произнесла она с нажимом. – Не надо ни в чем разбираться, нельзя!.. Любые разбирательства приведут к потерям. Восстановить статус-кво будет невозможно. Нужно ей заплатить и поставить точку.

– Вы ничего не поняли, Нателла Георгиевна, хочу вас огорчить. – Плетнев закинул голову и посмотрел на небо. В последнее время ему нравилось смотреть на небо. – Поздно платить. И восстановить ничего не удастся. В вашем прекрасном идиллическом мире произошли необратимые изменения. Количество перешло в качество. Он перестал быть идиллическим. Один человек убит при загадочных обстоятельствах. Другого обокрали. Это сделали свои! Доброжелательные соседи, как вы их называете. Здесь же нет чужих! – И добавил, вспомнив Витюшку: – Чужие здесь не ходят. Или вы не смотрели такой фильм?

Она помолчала, а потом спросила любезно:

– Вы одолжите мне денег?

– Сколько?

Конечно, она понятия не имела! Растерялась и сделала неопределенное движение рукой.

– Нет, некоторая сумма у меня есть, но я еще не знаю, сколько назначит Тереза Васильевна...

– Давайте так решим. – Плетнев спрыгнул с перил и зачем-то отряхнул собственную задницу – тоже совсем как Федор. – Когда Тереза Васильевна... назначит сумму, мы снова проведем совещание.

– Не дадите? – жалостливо уточнила Нателла. – Не заставляйте меня выпрашивать!

– Дам, – пообещал Плетнев. – Не заставляйте меня злиться.

Под вечер Алексей Александрович надумал следующее: Нателла Георгиевна на самом деле, должно быть, блаженная. Деревенская молва не врет. Тянет ее в идиллию и нирвану, а ни той, ни другой нет и быть не может, любая идиллия по определению вранье. Уж это он знает совершенно точно.

То, что происходит в Острове, делится не на две, а на три части: убийство собаки минувшей зимой, недавняя гибель егеря и сегодняшняя кража из дома «газпрома», то есть Терезы Васильевны.

Если разбираться, то нужно начинать именно с первого происшествия, то есть с собаки. О ней все давно забыли, а это неправильно. Плетнев из своего опыта знал совершенно точно, что, прежде чем что-то предпринимать, следует подумать.

Подумать, прикинуть, оценить. Сопоставить все факты, начиная от сотворения мира, ничего не упуская, и тогда получившуюся картинку можно считать более или менее достоверной.

Пока нет фактов, никакой достоверной картинке не получится.

...И где я возьму деньги для Нателлы?.. У меня никогда не бывает с собой наличных! Если мне нужны наличные, их приносит помощник или водитель, в зависимости от того, кто рядом.

Рядом никого. Ни помощника, ни водителя, где взять наличные?.. Позвонить секретарше, сказать, чтоб везла? Так ведь и не позвонишь особенно. Спутник за сараем, телефон не принимает. И не ловит.

Итак, для того чтобы написать широкомасштабное полотно под названием «Быт и нравы деревни Остров» – автор уж точно не Моне и не Васнецов, а, пожалуй, кто-нибудь из передвижников, – надо начать с Федора и его собак. Вроде бы Витюшка, а может, Валюшка говорили, что он держит дорогих собак. Зачем ему дорогие породы? Бизнес такой? Элитное собаководство в Острове! Занятно.

Затем надо выяснить, что именно произошло зимой в лесу – случайность или преднамеренное убийство? Именно преднамеренное и именно убийство! Кому понадобилось убивать собаку? Браконьерам? Нужно выяснить, натасканы ли собаки Федора Еременко на отлов этих самых браконьеров. Впрочем, все равно получается какая-то ерунда. Федор не лесник и не егерь, в его обязанности не входят ни проверка лицензий, ни патрулирование леса, ничего! Человек, убивший пса, по словам Федора, был одет как Николай Степанович, из-за чего тот и решил, что стрелял егерь. Маскарад? Зачем такие сложности? Или Федор все перепутал? Мог перепутать или нет? Возможно, был пьян. Нужно выяснить, насколько он склонен к возлияниям.

...Что-то есть хочется. Причем хочется чего-то дикого и странного – картошки с грибами или жаренной на костре сосиски. Должно быть, у Валюшки еще остались сардельки из тех, что она купила в Твери за большие деньги. И Нателла обещала пироги. Как всякая порядочная грузинка, она готовит так, что можно умереть. Впрочем, это не Нателла обещала, а ее дочь.

Если Федор ничего не перепутал, значит, нарядиться в одежды егеря мог только его зять Виталий, городской житель, который, по словам все тех же Витюшки с Валюшкой, тестю особенно никогда не помогал, а, по его собственным словам, собирался купить ему иностранную машину взамен отечественной, которая ездит очень плохо. Плетнев, за последнее время проехавший на отечественном автомобиле несколько сотен километров, по праву мог считать себя знатоком таких машин и их... как бы это выразиться... недостатков. Выходит, зять заботился о Николае Степановиче, несмотря на то что, по большому счету, и родственником не являлся – дочь умерла, и их ничто не связывало! Зачем ему убивать собаку чужого мужика? Давняя вражда, месть, не поделили что-нибудь? Чего они могли не поделить, городской зять и деревенский собачник?!

И не просто это – убить! Да еще с одного выстрела. Если только этот зять не опытный охотник или, допустим, снайпер, прошедший специальную подготовку.

Хотя кто его знает, может, на самом деле снайпер?..

Кто и за что убил самого егеря? Кто приезжал к нему ночью на машине с протекторами «Микки Томпсон»? С кем он пил виски? Явно не с посторонним человеком! Опять напрашивается зять, но тот должен был приехать – и приехал! – только на следующий день. Что имел в виду Николай Степанович, когда утверждал, что фигуристая Женька все время врет?.. Кому она врет? Что из того, что она сказала, – вранье?..

И еще мотоцикл Федора Еременко.

Тут Алексей Александрович самодовольно улыбнулся. Мотоциклы, как и тяжелые внедорожники, он любил и разбирался в них. Казалось ему, что нет ничего более залихватского, ухарского и бестолкового, чем гонять на мотоцикле, и он даже немного гордился собой, что ему, такому умному и деловому человеку, может нравиться такое идиотское занятие!

Он даже намеревался купить себе такую штуку, а Маринка нежно отговаривала.

...Я буду беспокоиться о тебе, а мне не хочется. Я и так все время о тебе беспокоюсь!..

Плетнев помотал головой, прогоняя Маринку, но она уходила неохотно, поминутно оглядывалась, а он знал, что никак нельзя разрешить ей остаться и себе нельзя разрешать оставаться с ней! Он и так слаб, а если начнет думать о ней, ослабнет совсем, окончательно, и не спасут его сардельки с картошкой, мини-мойка и розовая плитка, знамения новой жизни!..

Федор Еременко может врать сколько его душе угодно, но его мотоцикл не врет. Машины честнее людей. Может, собак следует отнести туда же, к мотоциклам?.. Впрочем, для начала неплохо бы на них посмотреть.

Плетнев не задавался вопросом, зачем ему деревня Остров со всеми ее обитателями, их тайнами и загадками. Он уже понял, что нельзя разрешать себе и этого – тогда исчезнет, испарится даже та капля смысла, которую он насилу выжал из серого холодного камня, в который превратилась его жизнь, как выжимал какой-то великан в сказке.

Кажется, тот великан выжимал воду, а не смысл.

Впрочем, жизнь не сама превратилась, ты ее превратил!.. Оксана с ее бриллиантовыми реками на шее права в одном – ты сам во всем виноват и знаешь это.

Ты ведь умеешь думать, это получается у тебя лучше всего!.. Вот и думай, только не о Маринке, которая совсем недавно была важна и нужна тебе, а о жителях деревни Остров, которые еще недавно не имели к тебе вообще никакого отношения!..

Возможно, и не будут иметь никогда, но сейчас это твое единственное спасение, трухлявый березовый дрын, брошенный в болото. Если за него уцепиться, может, и удастся выбраться. Потихоньку, не сразу, шаг за шагом.

– Ле-еш! – закричали с соседнего участка. – Ужинать будешь?!

– Не-ет! – прокричал в ответ Плетнев со своей террасы.

– Иди ты в задницу, – сердито сказали с той стороны. – Ничего не ест на манер нашего Артемки!..

... Вот это теперь твоя жизнь! И слава богу, что она... появилась. Могло бы и не быть.

Собственно, а почему нет?! Поужинать бы неплохо! Готовить Плетнев не умел, а диетическая еда из пачек и банок, отрада французского доктора, приводила его в уныние. Раньше никогда не приводила, а вчера вот привела.

Ни о чем себя не спрашивая – нельзя, нельзя! – Плетнев сунул ноги в Витюшкины галоши, перелез через малинник на той стороне участка и через две минуты уже загребал алюминиевой ложкой из глубокой тарелки гречку с тушенкой и с удовольствием посматривал на миску нажаренных кабачков, про которые Валюшка сказала, что это чистый сахар, а не кабачки.

Витюшка предложил было «по стопочке», но Валюшка заругалась и заявила супругу, что он после этих самых «стопочек» делается «совсем дурной», а она таким его не любит.

– И зачем я только на тебе женился? – поинтересовался Витюшка, несколько не огорченный отменой «стопочки». Его загорелая физиономия и даже лысина выражали полное довольство. – Был бы сейчас человек, а так чистый подкаблучник!..

– Подождите есть, мужики! – вдруг завопила Валюшка так, что Плетнев выронил ложку, а более привычный внук Артемка сделал вид, что подавился от неожиданности. – Чеснок-то! Чеснок забыла!.. Кабачки без него, что силос!..

– Силос! Сама ты силос!..

Валюшка выбралась из-за стола – Витюшка игриво шлепнул ее по обширной попе, она игриво взвизгнула – и умчалась за чесноком, без которого кабачки – силос.

– Вот жизнь-то, а? – сказал Витюшка, проводив ее глазами.

– Что жизнь? – Плетнев подбирал гречку с тарелки, никак не мог остановиться, так вкусно ему было.

– Хорошая штука, говорю! А, сосед?

Плетнев пожал плечами.

– А чего? Плохая? У тебя жена-то имеется?

Плетнев с полным ртом сказал, что сейчас уже почти не имеется.

Витюшка огорчился.

– Ну, это ты зря, Леш. Чего там!.. Куда без жены-то?.. Они, конечно, язвы все, не приведи господь, но если уж на свою напал, так и держись ее! А так, десять раз жениться-разводиться, с ума спятишь! – И он прихлопнул на шее слепня. Оглядел со всех сторон и выбросил за плечо. – Или чего? Ты как все современные, что ли?..

Плетнев выдохнул, утер лоб и не удержался, подцепил из миски кабачок.

– Привозил бы сюда-то ее! У нас тут красота такая! Глядишь, и наладилось бы!..

– Очень у тебя все просто, – буркнул Плетнев. Кабачки и без чеснока оказались чистый сахар.

– А тебе чего, Леш, охота, чтоб сложно?.. Оно, конечно, каждому свое, только мы люди простые, по простоте и живем, может, чего и не понимаем, да только постарше вас будем...

– Она от другого мужика беременна, – сказал Плетнев, прожевав кабачок. – Куда я ее повезу? Зачем?

– Иди ты! – ахнул Витюшка. – А ты-то куда смотрел, мать твою так и разэдак?!

– Деда, не ругайся, бабушка идет.

– А ты не слушай, чего тебя не касается!

– А как мне не слушать, когда я все равно тут сижу?!

– Вот и не слушай!

– Деда, а чего такое недвижимость?

– Недвижимость, – объяснил Плетнев, – это то, что не движется, понимаешь? Например, земля, огород – это все недвижимость.

– А машина – движимость?

– Движимость, – согласился Алексей Александрович. – И вертолет движимость. И яхта.

– Хватил! – засмеялся Витюшка. – Яхта!..

...Яхту бы надо продать, подумал Плетнев сыто и медленно. Она и покупалась только ради Маринки, а теперь в ней нет никакого смысла.

Ни в чем нет никакого смысла. Только в гречке есть некоторый.

– Вот чеснок-то! Все остыло небось! Витюш, ноги прими, дай я пролезу! Ну, чего вы кислые такие? Полаялись, что ли?

– А дом – недвижимость?

– Ну, конечно.

– Игорян сказал, что мама его дом собирается продавать, а недвижимость очень в цене упала. Это куда она упала?

– Это значит подешевела, – машинально объяснил Плетнев и уставился на Артемку. И Валюшка уставилась, позабыв про чеснок, и Витюшка.

Потом супруги посмотрели друг на друга.

– Любаня дом наладилась продавать, что ли? Да быть этого не может! – заговорили они одновременно, не слушая и перебивая друг друга. – Чего это ей взбрело?! Еще новое дело!.. С чего ты взял-то, Артема, сынок?..

Артемка, которому тема недвижимости уже надоела, сообщил, что так говорит Игорян, а ему сказала мама, и им теперь придется в Тверь переезжать, а может, в Конаково, а Игорян никуда переезжать не хочет, и можно они пойдут на великах покатаются, пока Игорян еще не переехал?

– Иди, иди, сыночек, – рассеянно отпустила его Валюшка. – Может, Игорек чего перепутал, Витюш? Чего это она, с ума сдвинулась? Может, мне до нее сбегать, а?..

– Ты погоди бегать и не стрекочи, стрекоза! Может, это из-за бриллиантов, которые «газ-пром» у ней нашла?

– Дом продавать?

– А мало ли!.. Может, стыдно ей теперь людям в глаза смотреть! Леш, ты чего молчишь?

– Я ем, – сообщил Плетнев. – Очень вкусно.

– Ешь, ешь на здоровье, я тебе еще подложу!

– Глупость какая-то, – сказал Алексей Александрович, поглядев на кабачки, – с этой вашей Любой. Если она на самом деле собралась продавать дом, значит, получается, она украла драгоценности! Я совершенно уверен, что ничего она не крала, а я редко ошибаюсь.

– Как?! Бриллиант-то у ней в шкафу «газпром» нашла!

– Вот я и говорю – глупость, – поморщившись, продолжал Плетнев. – Что это за обыск? Какое право имели посторонние люди шарить у нее в доме? И почему у нее, а не у вас? – И быстро добавил, ибо глаза и рты у супругов моментально округлились: – Или не у меня?

– Так ведь не у нас и не у тебя, а у ней нашли-то!

– Да его подложить ничего не стоит! Двери день и ночь настежь у всех. Коза у меня все цветы объела! Зашла и меня не спросила. Кстати, чья коза?

– Какая? – спросила Валюшка рассеянно. – Та, которую я выгнала, или та, что сначала приходила?

– А они разные? – удивился Плетнев.

– Кому надо бриллианты в чужой дом подкладывать, Леш? – Витюшка вытряхнул из пачки сигарету и похлопал себя по карманам в поисках спичек. – Что за канитель такая?

– Это другой вопрос.

– Да все один вопрос! Чего тут у нас творится-то?!

– Вам видней, – сухо сказал Плетнев. – Я здесь человек новый.

Витюшка смотрел сердито, ему не нравилось, что у них, в такой прекрасной деревне Остров, происходят какие-то странные и необъяснимые события, а Валюшка ерзала, видимо, порывалась бежать «до Любы», и Плетнев сказал, что сам с ней поговорит. С Любой то есть.

– Только ты тогда уж нам все обскажи подробно, – попросила Валюшка слезно, как будто речь шла о близком человеке. – Чего это такое – дом продавать!.. Да мало ли кто его купит, очень нам нужно посторонних...

И осеклась.

– Вот именно, – сказал Плетнев. – Я тоже посторонний.

Зять Виталий с той стороны улицы покричал Плетневу про огурцы. Если нужны, приходи собирать, они уже пошли.

Плетнев, пытавшийся примотать невесть как оторвавшуюся от ворот цепь, ответил, что пока огурцов ему не надо, но в случае чего зайдет. Солнце слепило глаза, лезло в прорези плотных крон рябин и яблонь.

– А чего там у тебя? – Виталий перешел дорогу и посмотрел. – Так не сделаешь, она, видишь, вот тут разогнулась! Это тебе тиски нужны, обратно загнуть. Да ты просто так накинь!

– Накинь, – сопя, передразнил Плетнев, которого замучили проклятая цепь и пот, капавший с носа. – А коза?..

– Ты думаешь, пролезет?

– Точно пролезет.

Некоторое время они вдвоем пытались наладить цепь.

– Не, – в конце концов сказал Виталий. – Не получится. Хочешь, я тебе замок дам, он не закрывается, но дужкой можно зацепить! До поры перебьешься.

Плетнев, которому было жарко и хотелось как-нибудь отвязаться от дурацких ворот, пошел за Виталием и стоял ждал, пока тот шуровал в сарае. Сарай, как и на участке Плетнева, был сложен из круглых серых бревен.

– Куда ж он делся-то... вчера под руку три раза попадался, пока я тяпку искал... вот всегда так, чего не нужно, все само лезет, а чего надо, не найдешь никогда!..

Алексей Александрович заглянул в душный полумрак, где шуровал Виталий. Сколоченная из толстых досок с косыми поперечинами дверь была открыта настежь и подперта той самой тяпкой, которую вчера зять егеря не нашел. Солнце валилось в проем и растекалось внутри, однако до углов, где было наставлено что-то и навалено, не доставало, плескалось посередине.

– Тут у тестя чего только нет!.. Вон, гляди! – Виталий подбородком показал куда-то, и там, куда он показал, Алексей Александрович увидел мраморный бюст, повернутый носом в стену. – Всю жизнь копил-собирал, кому теперь это достанется?..

– А кому достанется?

– Во, нашел!.. Видишь, он тут не защелкивается, а так зацепить можно. Чего ты спросил?

– Кому достанется?

– Это ты про наследство, что ли?.. Да я без понятия, наверное, родственникам. У него, у Степаныча, племянник жив-здоров, в прошлом году приезжал. Ему, должно быть, а там я не знаю. – Виталий вышел на улицу, и солнце внезапно залило его физиономию, сделав подгоревшие нос и щеки еще более красными. – В общем, я тут последние дни доживаю, да и то потому что участковый попросил пока побыть, а участкового Степаныч уважал очень. Вот я из уважения и... остался.

Плетнев посмотрел на тяжелый, ржавый и холодный замок, который Виталий сунул ему в руку.

...Зачем нужен замок, который не закрывается?

Наверняка там, в глубинах сарая, еще обязательно есть связка ключей, которые не отпирают, кран, который не открывает воду, велосипед, который не ездит, насос, который не качает, шланг, из которого не течет! Зачем все это нужно? Кому оставлено, для чего припрятано? Для того, чтоб «наследники», поминая недобрым словом того, кто оставил им эдакое богатство, часть своей жизни убили на то, чтобы вывезти все это на свалку?!

Плетнев никогда не понимал, почему люди обрастают вещами, как глубоководный кит моллюсками, – со всех сторон? Для чего такая прорва старья? Сам он избавлялся от вещей легко и просто, ничего не хранил. Ему и в голову не приходило, обнаружив в кладовой пионерский галстук, ностальгировать «о безвозвратно ушедшем»!

А о чем можно ностальгировать над старым замком? Сразу и не придумаешь!..

Подбрасывая в руке лязгающий незакрывающимся зубом раритет, Плетнев вышел на солнышко, и тут на глаза ему попался велосипед, прислоненный к крылечку.

– Нравится? – спросил сзади Виталий. – Хорошая штука, дорогая только, собака! Я за него двадцать пять тысяч с копейками отдал. А с другой стороны, тут без велосипеда куда? До магазина три километра, до доринского поворота, где телефон берет, все пять! И в лес, и на речку...

– Николай Степанович вроде говорил, что у меня тоже есть велосипед.

– Ну, ты даешь! – развеселился Виталий. – Сам не знаешь, чего у тебя есть, а чего нету! В сарае смотрел?

Плетнев не стал ему объяснять, что нигде и ничего не смотрел, а такими вещами, как велосипеды, мини-мойки и новый шифер, в его жизни всегда занимаются «специально обученные люди».

– Речка под боком, а ты ни разу искупнуться, что ль, не собрался?

– Я пошел, – сообщил Плетнев, подбросил замок и не поймал. Замок мягко плюхнулся в рыхлую сухую землю возле самых ворот. Должно быть, Виталий что-то тут копал совсем недавно, производил какие-то работы.

Зря Валюшка на него наговорила. Никакой он не тунеядец, а вполне хозяйственный человек, как и сам Алексей Александрович.

Смеясь над собой, Плетнев кое-как продел замок в чугунные уши и критически оглядел свою работу. Даже подергал створки.

...Алешенька ничего, ничего не умеет делать руками!..

Вроде в такую щель коза не должна протиснуться. Хотя кто ее знает.

Через десять минут он выкатил из собственного сарая сверкающий, абсолютно новый шикарный велосипед, который стоял за верстаком, заботливо прикрытый от пыли какой-то шинелью, воровато оглянулся по сторонам, не видит ли кто, взгромоздился, вильнул рулем, чуть не упал и опять оглянулся.

Вокруг царил сонная тишина, только кричал где-то одуревший от жары петух, а отвечала ему почему-то коза. Так они и орали по очереди, то петух, то коза, но их Плетнев не стеснялся. Он снова попробовал взгромоздиться, и дело пошло лучше. Руль хоть и вилял, но Плетневу удалось все же проехать метра полтора. Потом его занесло, и он опять чуть не упал.

Только бы Валюшка не показалась с той стороны забора!

Так он упражнялся какое-то время, уговаривая себя, что нельзя разучиться ездить на велосипеде, а он ведь умел когда-то!.. Вскоре дело пошло веселее.

Велосипед перестал вырываться и крениться в разные стороны, а Плетнев понял, что нужно делать для того, чтобы не падать.

Оказывается, надо просто крутить педали. Как только перестаешь, велосипед сразу падает.

Он еще покатался по розовой плитке, уже наслаждаясь ощущением того, что дурацкий агрегат его слушается, а потом решил поехать на речку.

А то за все время не искупнулся ни разу!..

Он вывел велосипед за забор, накинул крючок, подергал, проверяя, закрыта ли калитка, повернулся и оказался нос к носу с Нателлой Георгиевной.

На этот раз на ней были колониальные бриджи, белая блуза, расшитая цветами, на голове шляпа, в руках корзина, а на шее ожерелье, черт его побери!..

– Алеша! – обрадовалась она и, кажется, сделала движение, чтоб его обнять. Плетнев отшатнулся в ужасе. – Какой сегодня прекрасный день. Как ваша голова?

– Спасибо, прекрасно.

– Вы купаться? Вода чудесная! Я купалась утром, ну, просто парное молоко!..

Хорошо хоть не чистый сахар, подумал Плетнев.

– Вы обдумали мою просьбу? – Тут она заговорщицки понизила голос и интимно придвинулась к нему, как будто у них и впрямь есть какие-то секреты.

– Честно признаться, нет, Нателла Георгиевна. – Ему очень хотелось уехать от нее на речку. Солнце жгло, и слепень привязался, норовил усесться на потное лицо, лез в глаза, в нос, и Алексею Александровичу приходилось все время отмахиваться.

У него страшная аллергия на всевозможные укусы.

– Вы меня огорчаете.

– Я поговорю с Любой и все выясню. Вы, главное, сами ничего не предпринимайте.

– Алеша, огромное вам спасибо! Вы все правильно поняли! Нам так повезло, что вы оказались...

– Вменяемым, – подсказал Плетнев. – А в какой стороне река?

Она поставила корзинку в белую пыль, распрямилась и в полном соответствии с классикой жанра раскинула руки и провозгласила:

– Река здесь со всех сторон! Но пляж, на который мы ездим, вот прямо по дороге. Там будет шлагбаум, вы его объедете, он только для машин. Дальше все время прямо, и с левой стороны будет лужок. Он тоже огорожен, но это мы от всякой живности огородили. Увидите

калиточку такую, в нее въедете, там отличный вход в воду, просто отличный! Каждый год песок подсыпают, и никаких стекляшек, железок, ничего!.. Я же говорю, у нас здесь волшебное место, необыкновенное! Ни туристов, ни отдыхающих, никаких подозрительных личностей!

Тут она осеклась, вздохнула и наклонилась над своей корзинкой.

Плетнев слизнул с верхней губы пот и прищурился на солнце.

– Хотите морковки? – упавшим голосом спросила Нателла. – Такая в этом году морковь, просто чудо, а?.. Я покупаю у тети Нюры и дяди Паши. Дядя Паша у нас Мичурин.

– Дядя Паша?

– Я называю его так, хотя он, должно быть, моложе меня. Вот несправедливость. Но его так называют все!

– Женя – его дочь?

– И Женя, и Иришка. У них две дочери. А вы еще не знакомы?

– С Женей знаком.

– Славная девочка, – сказала Нателла фальшиво. – А Иришка на ветеринарной станции работает! Очень хороший звериный доктор! Когда у Николая Степановича Ласка заболела, Иришка ее спасла. Мы так радовались и ликовали. У него была собачка по имени Ласка, и мы все ее очень любили, – пояснила она.

– А Женя где работает?

– Я не знаю.

– Деликатно, – оценил Плетнев.

Непонятно почему, Нателла ему нравилась, несмотря на ожерелье и нескончаемые попытки втолковать ему, какой здесь вокруг эдем пополам с идиллией.

И еще местоимение «мы» его раздражало.

Мы радовались, мы любили, мы ездим на речку!..

Один из вас убил. Другой украл. Ну, что там у нас с эдемом, дорогая Нателла Георгиевна? Ангелы подвели немного?

Меня тоже, уважаемая Нателла Георгиевна! Меня тоже подвели ангелы. Моя жена, чудо красоты и нежности, врала мне день и ночь. Она врала всем – не только словами, мыслями, душой. Она врала мне телом, очень виртуозно. А я ни о чем не догадывался, хоть и не идиот и не душевнобольной. Просто это было особенное, виртуозное вранье! Должно быть, только ангелы умеют так врать.

– Разрешите откланяться? – неприятным голосом спросил Плетнев, взгромоздился на велосипед и поехал.

Красиво не получилось – переднее колесо предательски виляло, а он был совершенно уверен, что Нателла смотрит ему вслед.

И пусть смотрит!.. Он не умеет ездить на велосипеде. Но он никому не врет, что умеет!

Тут Плетневу стало смешно, он захохотал и чуть не свалился.

– Алеша! – вслед закричала Нателла Георгиевна. – Я угощу вас настоящим имеретинским обедом!

– Каким?.. – под нос себе пробормотал Плетнев.

Некоторое время он принаравливался к велосипеду, и к шлагбауму подкатил уже почти лихо. Тут вышла заминка, потому что его следовало объехать слева, попасть в узкое отверстие между столбом и очередным розовым кустом. Алексей Александрович не рассчитал траекторию, завалился в куст и весь ободрался.

Он вылез, независимо оглянулся по сторонам – никого не было на дороге, – осмотрел локоть, который измазался в земле и кровил немного, и выдрал из волос застрявшую колючку.

Фу, как стыдно.

Тут вдруг что-то с силой бабахнуло, раздались шаги, в ближайшем заборе – глухом, коричневом, здесь почти ни у кого не было таких заборов – распахнулась калитка, и из нее выскочила фигуристая Женька.

Она выскочила почти под колеса Алексея Александровича. Он, не ожидавший ничего подобного, отшатнулся и не справился с управлением, велосипед опять повалился в куст. Плетнев не удержался и повалился следом. Велосипед загремел и зазвенел звонком.

Девушка не обратила на него никакого внимания. Она бежала и рыдала сквозь стиснутые зубы так, что плечи у нее ходили вверх-вниз. Она подлезла под шлагбаум, чуть не упала и побежала по пустой жаркой белой дороге.

Плетнев выбрался из куста и посмотрел ей вслед.

Что могло случиться с девушкой, всегда безмятежной, как летний полдень? Что заставило ее рыдать и мчаться по дороге, чуть не падая, ничего и никого вокруг не видя?

Он машинально отряхнул джинсы, выдрал из волос еще одну колючку и снова посмотрел ей вслед. Она свернула налево и пропала из виду.

Алексей Александрович вытащил из куста велосипед, кое-как забрался на него и поехал.

Он был уверен, что девушки вроде этой самой Жени не способны на сильные эмоции, как он, Плетнев, не способен танцевать в балете. Она слишком ленива, чтобы рыдать и мчаться по улице, не разбирая дороги и ослепнув от слез.

Случилось нечто такое, что заставило ее рыдать и мчаться, и что это может быть?..

Раздумывая, он доехал до берега реки, довольно высокого на той стороне и заросшего камышами, ивами и кувшинками на этой. Насколько хватало глаз, река была абсолютно безлюдной – ни купальщиков, ни загорающих на матрасах, ни голых визжащих малюток в панاماх и с пластмассовыми ведерками, ни парочек на водных велосипедах, ни катеров, ни скутеров, ничего.

Река в полном вашем распоряжении.

Красота, права Нателла. Эдем.

Плетнев отыскал калитку в заборе, состоящем из двух параллельных жердин с перекладинами, протаскивал в нее велосипед и пошел по лугу.

– Здравсти, дядь Леш! – прокричали с дороги, и Плетнев, не оглядываясь, громко и привычно поздоровался в ответ.

Возле крохотного песчаного пляжика, засыпанного белым песком, он бросил велосипед, подошел к кромке воды.

Вода была коричневой, очень чистой. Там, где пригревало солнце, у самого берега ходили стайки шустрых рыбешек. На желтой кувшинке трепетала слюдяными крылышками стрекоза. Ласточки носились над противоположным обрывистым берегом – там темнели лазы в гнезда.

Ох, елки-палки. Хорошо в деревне летом.

Его тянуло в воду, плюхнуться, доплыть до середины реки, раскинуть руки и лежать лицом к небу, спиной в прохладной и чистой воде.

Он стал торопливо стягивать джинсы, думая только о том, что ему одному принадлежит целая река, и целое небо, и все облака. Июль, жара, солнце и ласточки на той стороне тоже принадлежат ему одному, и он вдруг почувствовал себя счастливым и улыбнулся этому своему счастью.

Вот ты где! Как давно тебя не было. Я уж и забыл, какое ты.

Простенькое, немудрящее, но, похоже, самое настоящее. Да?..

Пока он разбирался со своим внезапным счастьем, вдруг затрещали ветки, рыбки брызнули в разные стороны, стрекоз словно ветром сдуло. Из ивового куста что-то тяжело, как кабан, плюхнулось в воду и поплыло, фыркая.

Плетнев не поверил своим глазам.

Из куста в речку вывалился не кабан, а Нэлли Лордкипанидзе.

– Добрый день, – сказала она из реки глупым голосом. – Вы тоже решили искупаться?

– А... почему вы сидели в кустах?..

– Я не сидела. Я всегда оттуда захожу.

– Зачем?!

Она махнула ему рукой и поплыла довольно быстро. Плетнев смотрел на нее.

– Идите! – прокричала она с середины. – Я не буду вам мешать!.. Вода сегодня...

– Прекрасная! – перебил Плетнев во весь голос. – Парное молоко!

– А вы уже купались, да?..

Он зашел, чувствуя ступнями плотный белый песок, нырнул, вынырнул и очутился лицом к лицу со своим счастьем, которое, оказывается, тоже нырнуло вместе с ним.

...Ничего не пропало, сказал ему счастье, кувыряясь в коричневой воде неподалеку. Пока все это есть, ничего и не пропадет. Смотри, как всего много, и все это твое!.. Порадуйся, не жди никакого «потом», не думай, не вспоминай, радуйся сейчас. Точно тебе говорю! Эта река, июльские облака, ласточки на той стороне, камыши и стрекозы уж точно тебя не подведут. А там посмотрим.

Плетнев опять нырнул, поплыл, сильно загребая руками, и уплыл довольно далеко, почти до поворота, за которым открылись крыши дальней деревни, и поле, и лес на горизонте.

Тут опять к нему привязались слепни, они садились на мокрые волосы и лицо, и приходилось то и дело нырять и мотать головой, чтобы их согнать. Слепни не отставали. Плетнев заплыл еще дальше, где река оказалась широкой и не было никаких слепней, и долго лежал, раскинув руки, лицом к небу, спиной в коричневой чистой воде.

Нэлли Лордкипанидзе не было видно.

Похоже, она проделывала все то же самое где-то в другой стороне.

Он возился в воде, должно быть, минут сорок, не чувствуя ничего, кроме бездумной радости, а потом решил, что пора выходить.

В конце концов, река никуда не денется. Ты можешь прийти и попользоваться ею в любую минуту. Через час или завтра утром. Или сегодня вечером. Она же есть, вот она!..

И все-таки выходить ему не хотелось.

Поднимая волны, фыркая и отплеиваясь, он подплыл к камышам и кувшинкам, встал на ноги. На глубине вода была холодной и как будто более плотной.

– Ну, как поплавали? – бодрым голосом спросила с берега Нэлли Лордкипанидзе.

– Здравствуйте, Элли, – неожиданно поздоровался Плетнев и двумя руками согнал с лица и волос воду.

– У вас такой счастливый вид.

– Это потому, что вода сегодня прекрасная. Парное молоко.

Она захохотала, как всегда, с удовольствием.

Ее майка-платье с выцветшей ослиной мордой на животе открывало загорелые ноги, слегка исцарапанные на лодыжках.

– А почему у вас осел? – спросил Плетнев, чтобы не смотреть на ее ноги.

– Где? – Она оглянулась по сторонам, как будто в поисках осла, а потом сообразила и потянула платье так, что выцветшая морда еще немного вытянулась. – О, этой майке сто лет! Мне ее когда-то привез из Парижа папа, и она была очень красивой. Там на заднем плане еще Эйфелева башня, но сейчас ее почти не видно.

– Не видно, – согласился Плетнев.

– Папа тогда называл меня Ослик, – продолжала она как ни в чем не бывало, отпустила подол и сверху еще полюбовалась на изображение. – «Ну, как мой Ослик, везет свою вязанку дров?» – спрашивал он меня. Мне приходилось очень много работать, и мы по этому поводу всегда шутили.

Плетнев прихлопнул на шее слепня, посмотрел на него и выбросил через плечо.

– А вы прямо так, без полотенца?

– Я про него и забыл.

– Тогда нам нужно двигаться, иначе они вас сожрут.

Плетнев прихлопнул еще одного, на ногу.

Они пошли по лугу, изумрудному, как все изумруды на свете. Элли пощупала волосы, забранные вверх и стиснутые монументальной заколкой. Плетнев подумал, что для завершения картинки было бы отлично, если б она их распустила, и даже представил себе – золото и зелень, очень красиво, и перепугался, что она на самом деле сейчас их распустит.

Если она так сделает и еще эдак поведет головой из стороны в сторону, чтобы они легли особенным образом, – значит, все вранье.

Нет никакого золота и изумрудов.

Элли впереди пристроила полотенце на шею, откинула крючок с калитки и придержала ее перед Плетневым и его велосипедом.

– Какая у вас замечательная машина, – сказала она, пока он протискивался мимо. – Сколько скоростей?

Алексею Александровичу стало смешно.

...Успокойся уже, а? Никто не собирается тебя соблазнять, распуская волосы на деревенском лугу. Ты здесь просто добрый сосед, милый человек, дачник-неудачник. Соблазнять тебя неинтересно, да и бессмысленно.

Тут он вдруг обиделся и рассердился.

– А почему вы раньше никогда не приезжали, дом ведь пустует давно? – спросила она.

– У меня не было времени.

– А сейчас появилось?

– Сейчас появилось.

– Вам, должно быть, здесь скучно.

– Мне весело, – возразил рассерженный Плетнев, которого никто не собирался соблазнять. – А где ваш велосипед?

– Вон, в кустах. Я его на лугу никогда не затаскиваю. Мне лень лезть в калитку.

Она двинулась куда-то в сторону, а Плетнев двинулся в другую, и они столкнулись, так что ему пришлось придержать ее под локоть. У нее была прохладная кожа, все еще немного влажная.

Н-да. Прохладная кожа. А еще у нее глаза.

Я сошел с ума, ужаснулся Плетнев. Вот тут, на лугу, над речкой в деревне Остров.

Элли выкатила из кустов велосипед, ловко вскочила на седло и поехала. Плетнев взгромоздился на свой и двинул следом. Переднее колесо предательски вильнуло, но он удержал равновесие.

Ничего-ничего, я научусь!..

– Вот здесь тоже егеря живут. Где дом цветами расписан, видите?.. У него жена хорошо рисует. А за ним какой-то банкир, которому надоел его банк, и он устроил тут хозяйство. Он даже лошадей держит и двух ослов! Мы любим ослов. Это от них пляж огородили. Они все время там торчали и немного портили траву. Мы покупаем у него молоко, сметану, яйца.

– У банкира теперь молочно-сметанный бизнес?

– Не-е-ет! – Элли обернулась, блестя зубами и глазами. Велосипед у нее не вилял, ехал совершенно прямо, как по ниточке. – У него теперь такая жизнь! Куры и коровы нравятся ему больше курса евро к доллару и к японской йене.

– Так не бывает, – сказал Плетнев, внимательно следя за дорогой.

– По-всякому бывает.

– Я не верю людям, которые бросают все, чтобы сделать что-нибудь безумное. Поселиться на Тибете или в деревне Остров.

– Мы же не знаем, – рассудительно сказала Элли. – Вполне возможно, что ему нечего было бросать.

– Но вы же говорите!

– Я говорю, что мы покупаем у него молоко и сметану, и это такие вкусные молоко и сметана, каких я никогда раньше не ела. Еще у него самые счастливые куры на свете. Вот если вдоль дороги идет кура и у нее счастливый вид, значит, она именно из этого хозяйства!

Вдоль дороги действительно шла курица, и Плетнев против воли уставился, чтобы определить, достаточно ли у нее счастливый вид.

– А за этим забором живет Федор Еременко и собаки. Вы видели его собак?

Плетнев не сразу сообразил, как затормозить, а когда сообразил, тормознул так резко, что чуть не свалился. Элли оглянулась и тоже остановилась.

– Вот здесь живет Федор?

– Да-да. У него такой высокий забор из-за собак. Чтобы они не лаяли постоянно на тех, кто идет мимо. Они умные и вообще лают редко.

Именно из этой глухой коричневой калитки выбежала Женька и бросилась по дороге так, что чуть не упала. Значит, она была у Федора и он сказал или сделал что-то такое, что заставило ее рыдать и нестись сломя голову.

Странно. Очень странно. Женька и Федор никак не укладывались в картинку, которую Плетнев уже почти придумал.

– А он один живет?

– По-моему, когда-то у него была жена, но уже довольно давно нет. По крайней мере, она не приезжает. А была очень красивая.

– Местная?

– Ну, что вы, из Москвы, как и Федор.

Тут Плетнев совсем расстроился. Выходит, не только картинка никуда не годится! Персонажи тоже написаны неправильно. Портретного сходства никакого. Алексей Александрович был абсолютно уверен, что Федор Еременко продукт местного производства.

Впрочем, может быть, ошибается Элли из Изумрудного города?..

– Откуда вы знаете, что он москвич?

– Мы здесь так давно, что всех знаем! Наш участок получил еще дедушка, по-моему, году в сорок шестом. Папа родился в Твери, потому что бедная бабушка не смогла дотерпеть до Москвы. Она очень старалась, но не дотерпела. А дедушка все проворонил, он был занят. Когда дедушка работал, он ничего вокруг не видел и не слышал.

– Чем таким он занимался?

Она удивилась как будто.

– Русским языком. Он был филолог, очень знаменитый. Есть даже его собственный метод сопоставления согласных. Он так и называется – метод Лордкипанидзе. Он утверждал, что глубину и красоту русского языка может как следует познать только тот, кто не является его носителем. Дедушка был родом из Кутаиси. И бабушка оттуда же. Он жил и работал в Ленинграде, но потом специально съездил в Кутаиси и женился. Должно быть, чтобы бабушка тоже как следует познала всю красоту русского языка. Он много работал с Корнеем Чуковским. Тот любил работать именно с филологами. А с дедом они дружили.

– Это тот ваш дед, который называл железную дорогу чугушкой?

– Конечно, – радостно согласилась Элли. – Он утверждал, что это фонетически гораздо более правильное слово. «Чу-гун-ка» – в этом слове слышится, как идет поезд. А в слове «элек-три-чест-во» слышится только ленинский план ГОЭЛРО!

– Гениально, – сказал Плетнев, наслаждаясь. – Просто гениально.

– А потом так же поступил папа.

– Он называл самолеты аэропланами? В фонетическом смысле?

Элли захохотала.

– Папа был физик! Нет, он просто поехал в Кутаиси и там женился на маме. Чтобы она познала красоту физических формул, не являясь носителем глубоких знаний.

– Теперь ваша очередь? Ехать в Кутаиси и выходить там замуж?

– Я уже вышла! – громко и весело сообщила Элли из Изумрудного города. – В Москве!

...Понятно. Никто не собирается тебя соблазнять на деревенском лугу над речкой. В этом нет никакой необходимости. Здесь, в эдеме, все давно и прочно счастливы и называют железную дорогу чугункой.

– Хотите, вечером в лес съездим? Тут есть прекрасный велосипедный маршрут! Только нужно одеваться, иначе слепни сожрут. Я вам покажу! Там кружок всего километров тридцать, и очень красиво. Озера, березовая роща, моя любимая. И ехать не трудно, только два затяжных подъема, и все время асфальт.

– Спасибо, я подумаю.

– Там правда очень красиво! Можно грибы пособирать, но я не знаю, пошли они или нет еще.

– Огурцы пошли, – подумав, сообщил Плетнев, и они посмотрели друг на друга.

...Кто ты такая? Почему мне нравится разговаривать с тобой и я не чувствую никакой опасности, вранья и фальши?

...Кто ты такой? Почему у тебя все время такой глупый снисходительный вид, но ты хорошо смеешься и плещешься в речке, как мальчишка, который наконец-то дорвался до воды?..

Пока они смотрели – секунду или две, – плетневский велосипед, как норовистая лошадь, вдруг сделал прыжок в сторону, Элли ахнула, а Алексей Александрович осознал себя в очередных зарослях. Прямо перед его носом качался цветок, из которого с возмущенным гудением вылетел шмель.

Плетневу показалось, что он оглянулся и покрутил у виска мохнатой лапкой.

Алексей Александрович закрыл глаза.

– Что с вами?! Вы не ушиблись? Вы целы?

– Отстаньте от меня, – велел Плетнев и очень унижительно, задом наперед стал выбираться из куста.

Выбрался, осмотрел свои изодранные локти, отряхнул джинсы и выдрал из волос колючку.

На Элли он не смотрел. Нет уж, извините.

Она суетилась вокруг, как та самая кура из процветающего хозяйства бывшего банкира, хлопала крыльями и кудахтала:

– Это я виновата, я вас заговорила! Простите меня! Дайте я вас отряхну. Вот здесь нужно йодом смазать, иначе будет болеть. У вас есть йод? Или лучше поедem к нам, я сама все смажу.

– Послушайте, – сказал Плетнев, – неужели вы не понимаете, что мне неловко? Не приставайте ко мне.

Она подняла его велосипед и вдруг заявила:

– Я изо всех сил стараюсь к вам не приставать. Неужели вы не понимаете, что мне неловко?

Плетнев воззрился на нее, но она изучала его велосипед, и ничего невозможно было понять.

...О чем она сейчас сказала, а?.. О попытках намазать его йодом или о чем-то другом? И если о другом, то о чем?.. А если о том самом, что это значит? И значит ли что-нибудь?..

Безопасней для них обоих будет пропустить, проскочить опасный момент, и Плетнев его пропустил. В конце концов, он сделал блестящую карьеру и умел очень хорошо и очень быстро думать.

– В третий раз за день, представляете? – Он забрал у нее велосипед. – А когда-то я прекрасно катался!

– Вам просто надо больше практиковаться. И привыкнуть.

Они опять уселись и поехали в молчании, и когда до его забора стало рукой подать, он спросил:

– Что такое ваша мама придумала? Зачем она собралась платить «газпрому», то есть... Ядвиге Ивановне?

– Терезе Васильевне, – поправила Элли. – Вы просто не знаете маму. Она очень не любит проблем и не признает их. Это ее так папа научил. Они прожили очень хорошую и очень... легкомысленную жизнь. Нет, вы не подумайте, я, наверное, сейчас неправильно выразилась!

Забор был уже совсем близко, а Плетневу так не хотелось с ней расставаться, что он почти не слушал.

...Проводить? Или пригласить к себе?.. Как это сделать? Давайте я вас провожу? Не хотите ли зайти ко мне?..

Забор надвинулся, и пришлось остановиться.

– ...не легкомысленную, это я все же совсем неправильно сказала. Очень легкую жизнь, понимаете? Именно в смысле бытия.

– Которое определяет сознание?

– Что? А, да. Они жили так, как будто никаких проблем вообще не существует. Папа утверждал, что жизнь слишком коротка и не стоит тратить время на то, чтобы ее портить. Если им предстояло заниматься чем-то скучным и с их точки зрения бессмысленным, они или не занимались, или делали это вместе и очень быстро. Например, если требовалось платить за квартиру и для этого выстоять очередь... А куда мы идем?

– На террасу, – буркнул Плетнев, подтаскивая к себе ее велосипед за переднюю раму. – Здесь очень жарко. Проходите.

Она пошла за ним, продолжая говорить:

– ...Они ехали в эту очередь и стояли в ней вместе, и папа в это время рассказывал маме элегантное решение какого-нибудь уравнения, которое пришло ему в голову только что, или травил анекдоты так, что вся очередь покатывалась со смеху. Он очень хорошо рассказывал! А если им нужно было продать гараж, они продавали его первому, кто соглашался купить, и никогда потом не жалели, что продешевили! Зато времени не потратили, понимаете? Если у нас в подъезде начиналась революция, а во всех подъездах время от времени вспыхивает революция, нужно, например, собрать деньги на ремонт или что-то такое...

– Садитесь, – распорядился Плетнев. – Только предупреждаю, что квасу нету.

– У нас есть, я могу съездить. Чтобы не препираться и не тратить на это жизнь, папа делал ремонт за свой счет, и все, революция заканчивалась. Однажды кто-то из учеников увел у него какую-то идею, даже не идею, а готовую научную работу. И опубликовал под своим именем. Папа совершенно не расстроился! Он сказал, что, должно быть, тому человеку она гораздо важнее, чем ему, а у него еще миллион идей и прорва научных работ. Нет ничего проще, чем придумать идею и написать работу! А однажды мама потеряла браслет, очень дорогой и старинный, по-моему, прабабушкин. Где-то далеко, в Перми или в Томске. Она полетела с папой на конференцию и там, представляете, потеряла! Как-то он у нее упал в снег. Они искали, но не нашли, конечно. И мама тоже не расстроилась! Я еще маленькая была, и она потом долго рассказывала мне, как этот браслет нашел какой-нибудь бедный студент или старушка-пенсионерка. И дела у них поправились. Это я теперь понимаю, что она так себя утешала!

– Да, – сказал Плетнев, чтобы что-нибудь сказать. – Занятно.

Его жена, образец женской красоты и ангельской чистоты, и его теща, образец человеческого достоинства и кладезь ума, сломанный ноготь и оторвавшуюся пуговицу считали чудо-

вишней проблемой, требовавшей специального подхода, отдельного решения, а потом заслуженного отдыха.

Но ведь правда!.. Для того чтобы починить ноготь, придется ехать в салон, а для начала звонить туда и записаться, и еще ехать обратно! Новую пуговицу взамен утраченной надо сначала подобрать, потом отдать распоряжение «специально обученным людям» пришить ее, потом проконтролировать выполнение распоряжения, а это все силы, труд!..

...Ты мне совсем не помогаешь, говорила Маринка с нежным упреком. У меня столько дел, я так от них устаю!.. У меня же на руках все, все!..

Украденная научная работа и ремонт в подъезде. Анекдоты в очереди в сберкассу и сказка про бедного студента, нашедшего браслет...

– Съездить?

– Куда? – не понял Плетнев.

– К нам. За квасом. Хотите?

– То есть Нателла Георгиевна всерьез собирается заплатить, сколько бы денег ни запросила «газпром»? – ответил вопросом на вопрос он.

Элли вздохнула.

– Это проще, чем тратить жизнь на поиски правых и виноватых.

– Своеобразный подход.

– Тут уж ничего не поделаешь.

Солнце подобралось к ее босым ногам, и она чуть подвинулась в кресле.

– Нужно поговорить с Любой. – Алексей Александрович поднялся, походил по террасе, старательно обходя ее кресло и ноги, прицелился и уселся на перила. – Вы-то хоть понимаете, что это все ерунда? Драгоценности мог взять кто угодно и когда угодно!

– Но ведь они как-то оказались именно у Любы.

– Вот это самое нелепое во всей истории, – с досадой сказал Плетнев. – Насколько я понял, там обнаружили одно кольцо, а их было... сколько их было?

– Три, – подумав, сообщила Элли. – И еще цепочка со знаком Зодиака и жемчужные серьги.

– Куда делось все остальное?

Она еще немного подумала. Солнце все же подобралось к ней, а смотреть на ее волосы без темных очков было противопоказано.

– Может, все спрятано в другом месте?

– Элли! – прикрикнул Плетнев. – В каком другом месте?! Часть похищенного Люба отнесла в тайник посреди леса, а одно кольцо положила на комод, чтобы его сразу нашли?

Она захохотала.

– Что вы хотите сказать?

– Кольцо на комодке никакое не доказательство того, что Люба его украла. Кольцо на комодке означает, что его кто-то туда положил. Может быть, Люба, а может, и кто-то другой. Если это Люба, значит, она просто фантастически глупа. Если не она, значит, кому-то надо доставить ей неприятности. Кому это может быть нужно?.. Федору?

– Почему вы решили?..

– Я просто так спросил.

Элли пожала плечами:

– Не знаю. Мне всегда казалось, что у них очень хорошие отношения. Он ей помогает иногда, когда надо кирпичи перетаскать или крышу залатать. У нее сын маленький совсем, а она одна. Мы с мамой вдвоем, и то не справляемся! Время от времени приходится призывать папиных учеников. Они уже все взрослые дядьки, нам неудобно, но деваться некуда, и они никогда не отказывают. Один из них, знаете ли, министр. Он сам редко приезжает, все больше

водителей присылает. Последний раз осенью был, на закрытии сезона. Мы так это называем, когда...

– Министр чего? – рассеянно спросил Плетнев, знавший всех министров до одного по именам, женам, адресам дач и любимым курортам.

– По-моему, по налогам и сборам, – сообщила Элли легко, и Плетнев дико на нее взглянул. – Очень милый человек, между прочим. С чувством юмора, и умница. Папа его очень любил.

Блаженная, подумал Плетнев с наслаждением. Конечно, блаженная, а как же иначе?..

– Что такое имеретинский обед?

– Мама вам пообещала обед?!

– А что вы так всполошились?

– Боже мой, вы не понимаете! Вы удостоились небывалой чести! – Тут она подскочила к нему, зачем-то схватила за руку и потрясла, как будто поздравила его. – После папиной смерти... В общем, сейчас она почти не готовит, а раньше каждый день! Ей трудно, у нее воспоминания. Только для учеников, и то не для всех!.. И ее еще требуется уговорить. Это ритуал. Сначала нужно вовремя подъехать. Потом немного понюхать. Потом еще немного понюхать. Потом выслушать все ее причитания, что готовить здесь абсолютно не из чего и придется опять звонить бабушке в Кутаиси, чтобы она все прислала, а бабушке тяжело ходить на базар и к соседям, потому что ей уже восемьдесят!.. Потом придется встречать знакомых, которые летят и везут все, что бабушка собрала. Бывает, что везут незнакомые. Это корзины, прорва корзин и тюков! От них так пахнет, что все вокруг плачут от счастья и зависти! И всегда летит отдельный погребец с вином, что за обед без вина? Потом мама начинает готовить, и от этого можно сойти с ума, а лучше сразу умереть. Правда. Вот что такое имеретинский обед!..

Скосив глаза, Алексей Александрович посмотрел на свою руку, которую она так и не отпустила.

Солнце добралось и до него, и теперь ему стало так жарко, что по спине потекло.

– Что вы так смотрите? Имеретия – это Западная Грузия, как раз где Кутаиси. Там совершенно особенная кухня. Именно туда шел Язон с аргонавтами, и там было золотое руно. Но раз уж мама пообещала вам обед, вы все поймете. В первый раз сама пообещала!..

У Плетнева в голове все перемешалось – бабушка, аргонавты, налоговый министр – очень милый человек, обед, ученики. От всего этого можно умереть.

...Нет, ответьте мне, разве так можно жить?.. Хоть кто-нибудь так живет?..

– До последнего времени я ел какую-то диетическую ерунду из коробок, – внезапно пожаловался он.

– Зачем? – удивилась Элли из Изумрудного города.

– Потому что это полезно.

– Кто вам сказал?

– Мой французский доктор.

– Странно, – удивилась Элли. – По-моему, французы большие специалисты в том, что называется «l'art de vivre», искусство жить. А еда занимает в этом искусстве особое, почетное место. – Она посмотрела на него, даже ладонь ко лбу козырьком приставила, от солнца. – А почему доктор? Вы чем-то больны?

Плетнев удивился. Такой вопрос он никогда себе не задавал. У всех в его окружении были французские, немецкие, израильские доктора, без этого и жить нельзя!..

В смысле, без докторов.

– Я не болен.

– Но опасаетесь заболеть?

– Послушайте, – сказал Плетнев, рассматривая ее. Ладонь, которой она прикрывала лоб, была очень белой на солнце, а все, что в тени, наоборот, смуглым, – что вы ко мне привязались с этим доктором?

– Я? – удивилась Элли. – Я интересуюсь состоянием вашего здоровья.

...Бессмыслица какая-то. Деревенский флирт. Нужно заканчивать.

Плетнев взял ее за бока, майка с ослом на ощупь оказалась очень мягкой, застиранной, истончившейся, подвинул в сторону и спрыгнул с перил.

...Ты же решил заканчивать со всем этим делом! Зачем ты ее трогаешь?!

– Сходите со мной вечером к Любе. – Он пошел в дом, на ходу придумывая зачем. Ему там ничего не нужно было, просто чтобы не стоять рядом с ней на террасе. – Она меня не знает и вряд ли станет разговаривать.

– Она и со мной, наверное, не станет разговаривать, если мы начнем расспрашивать про драгоценности. Ей вряд ли это будет... приятно.

– Я и не собираюсь расспрашивать про драгоценности! Я собираюсь расспросить ее про Федора Еременко.

На свидание он не пошел – струсил.

Может быть, Элли и не догадалась, но Плетнев точно знал, что пригласил ее именно на свидание. И еще он знал, что нельзя.

Он так и подумал, холодно, отстраненно: этого нельзя делать.

Старая жизнь уже закончилась. Новая еще не началась.

Безвременье в деревне Остров не допускает никаких свиданий. Он должен думать о том, что будет дальше, потому что пока дальше ничего нет. Ничего не придумано.

Водораздел – деревня Остров. То, что за ним, понятно – холодно, мерзко, липко и уже почти неинтересно. Впереди ничего не понятно. Он не может себе позволить никакой игривости и взбрыкиваний на манер козы Машки.

Он, Алексей Александрович Плетнев, отлично знает, чем такие взбрыкивания обычно заканчиваются.

Он позволил себе одну романтическую историю, совсем недавно начавшуюся и известно чем закончившуюся. Все остальные его истории были какими угодно, только не романтическими, зато совершенно безопасными. Один раз он позволил себе расслабиться и с ходу угодил в ловушку.

Он сделал карьеру, отлично умел думать и извлекать уроки из всех событий, которые преподносила ему жизнь.

Вывод: любая идиллия – вранье, любая кротость и нежность на поверку алчность и подлость. Любые «отношения» имеют смысл, пока приносят пользу одной или другой стороне. Под словом «польза» понимать можно все, что угодно.

Как только перестают приносить пользу, от них необходимо избавляться.

Никакой пользы. Никакого золота и никаких изумрудов. Я взрослый человек и уж с собой совершенно точно справлюсь.

Я побуду здесь еще некоторое время, подумаю и посижу на террасе. Покатаюсь на велосипеде. Искупаюсь в реке. Что там еще имеется из деревенских удовольствий?..

А потом вернусь.

Если придумаю, куда возвращаться.

Нэлли Лордкипанидзе с ее грузинской мамой и московским мужем тут ни при чем. Нам не по пути.

Алексей Александрович обещал ей зайти, когда соберется к Любе, но не собрался и не зашел. Если они завтра увидятся в деревне, он поздоровается. Если она о чем-нибудь спросит, он ответит. Если она что-то скажет, он выслушает.

Вот и все.

Или все же лучше на озеро Комо? Бежать и отсюда? Где более безопасно, там или здесь?

Он подумал и решил, что здесь. Элли не похожа на женщину, которая станет его донимать, а в себе он совершенно уверен.

Под вечер – на всякий случай, если она сама явится, чтобы тащить его к Любе, – он выкатил велосипед и поехал немного, просто так. Потом по шоссе доехал до соседней деревни, – кажется, Дорино, да? – где все еще был открыт сельмаг.

В дощатом домике с сенями с провалившимся сгнившим полом, выкрашенным синей краской, продавали сахар мешками, консервы, водку, лопаты, грабли и косы, обернутые коричневой промасленной бумагой. Над одной из полок висел плакатик «Соленья разные, яйца куриные».

Плетнев походил вокруг кос, изучил плакатик и купил новый замок с ключом и цепью, вернулся в Остров, приладил замок на ворота – выглядел он солидно и красиво, – а старый вернул Виталию, который на этот раз не копался в расхристанной «Волге», а лежал в гамаке, натянутом между старыми яблонями, и пил пиво.

– Хочешь? – спросил он и кивнул на вторую бутылку, выглядывавшую запотевшим горлышком из ведра с холодной водой, и Плетнев понял, что предлагает он «просто так» и от души надеется, что сосед откажется.

Алексей Александрович отказался и спросил, не в курсе ли Виталий, как давно были знакомы Прохор Петрович и его тесть и почему так вышло, что егеря присматривал за домом Прохора?

Виталий посмотрел на Плетнева как-то странно и почесал буйные кудри бутылкой, которую держал в руке.

– Вот ты спросил... Нет, я-то знаю только, что Петрович очень не любил хозяйство всякое и прочие дела. Ему нравилось траву косить, это у него хорошо получалось, да и то после того, как ему Степаныч косилку наладил. Вытащить, затащить, керосин залить – это все Степаныч делал, а Прохор только туда-сюда ее катал. – Тут Виталий вдруг засмеялся. – А еще с сигарой, представляешь?!

– Кто с сигарой?

– Прохор! Он все время сигары курил. Вот он шляпу надвинет, сигару в рот и косилку катает! Картина!

Плетнев подумал, что картина какая-то странная получается. Выходит, Прохор Петрович был как бы барин, что ли, а Николай Степанович у него в услужении, так?..

Или не так?

– А зимой снег бросал, дорожки чистил, это дело он тоже любил. Возьмет лопату и бросает! Набросает сугробище у калитки, не войти, не выйти, ну, Степаныч потом в другую сторону перебросает, вот и все дела.

– А кем он был, ты не знаешь? Прохор Петрович?

– В каком смысле? Пенсионером он был, кем же еще?

– Он же не родился пенсионером! – Плетнев сел на траву, запрокинул голову и стал смотреть на небо – просто чтобы не смотреть на свои ворота на той стороне улице и не гадать, придет Элли или не придет. – Наверняка у него была какая-то работа.

– Наверняка... была, – согласился Виталий и еще отхлебнул из бутылки, – только я ведьать не ведаю какая! Вроде они давно знали с тестем, и Прохор Лену очень любил, которая жена-то моя, покойница. Все покойники, е-мое...

– А бумаг, фотографий никаких не осталось?

Тут зять вдруг рассердился.

– Да какие бумаги у дедов деревенских, а? И тебе зачем? Развлечений себе ищешь?! Тут дела серьезные, человека убили, а тебе развлечения!..

Плетнев помолчал. Он не искал развлечений. Он искал смысл жизни, только и всего. И еще думал, придет Элли за ним или все-таки не придет.

– Надо в доме посмотреть, – рассеянно сказал он. – Может, у Прохора Петровича что-то есть.

– Да чего у него есть-то?! Он три года как помер!

– Может, сигары остались, – пошутил Алексей Александрович. – Я люблю хорошие сигары.

– Вонючку эту? – не поверил Виталий. – Как ее курят-то, ты мне хоть расскажи? От нее дым, как от паровоза или, вон, от костра!

– В дыме, Виталья, – сказал Плетнев назидательно, – самый смак.

– Во-во, и Прохор то же говорил. А это не дым, а ядовитые испарения какие-то!..

Элли не появлялась и, наверное, не появится. С чего он, Плетнев, взял, что она побежит за ним, если он не придет?.. Глупость какая.

Он сел на велосипед, поехал в сторону реки и был остановлен Витюшкой, который тащил моток медной проволоки.

Плетневу вдруг стало стыдно, что он просто так раскатывает, а вот человек полезным делом занят.

– Ты чего? – спросил Витюшка у Плетнева. – Купаться, на манер нашего Артемки? Увидишь их там, скажи, чтоб живо домой гнали, скажи, деда велел! Помогать-то кто будет?..

– Я могу помочь, – предложил Плетнев просто так, как зять Виталий предлагал ему пиво, изо всех сил надеясь, что Витюшка откажется. И покраснел от такого своего лицемерия – холерный жеребец Алмаз!..

Витюшка ничего не заметил.

– Завтра приходи, – распорядился он, – сейчас уж никакой работы не будет, вечер вон уже! Валюшка ужинать сейчас соберет. Будешь ужинать-то? Я ей тогда скажу.

– А кем был Прохор Петрович, ты не знаешь?

– Это что значит – кем? Он не местный, точно знаю, с Москвы он.

– Работал кем?

– Да военный он какой-то был, по-моему, – подумав, сообщил Витюшка. – Вроде бы даже в чинах. А тебе зачем?

Плетнев сказал, что просто так интересуется.

– Это у Женькиного отца дядь Паши надо спросить. Он Прохору дом когда-то клал! Дядь Паша у нас на все руки мастер! И в огороде, и везде, чего ни возьмет, все сделает, как будто само делается, зашибает только больно сильно. Вон ихний дом на той стороне, надо тебе, так ты зайди!

Плетнев, разумеется, не собирался никуда заходить, но сказал, что зайдет.

– Стой, не ходи! – закричал ему вслед Витюшка, когда он уж отъехал. – Я ведь забыл, их нету никого. Дядь Паша с тетей Нюрой в Павельцево к бабке своей укатили еще третьего дня! Женька тоже куда-то с утра наладилась, на остановке ее видел, а Иришка-то на ветеринарной станции на буднях! У них бабка старая совсем, помогать ей надо, вот они и укатили! Приедут, тогда зайдешь!

– Ладно! – крикнул в ответ Плетнев.

– Ужинать приезжай!

– Спасибо!

– Да чего там спасибо! Приезжай, говорю!.. Артемку увидишь, домой гони!

...Хорошо в деревне летом!

На пляж Плетнев не поехал, рассудив, что Артемка его все равно не слушается, но велика вероятность встретить там Нателлу Георгиевну или ее дочь, а встречаться с ними ему не хотелось.

Нет, не так.

Ему нельзя с ними встречаться.

Он снова поехал по шоссе до деревни Дорино, миновал сельпо, на этот раз уже закрытое на поперечную перекладину с висячим замком, свернул направо и покатил мимо разнокалиберных домов. Дворцы с садами и клумбами перемежались с деревенскими трехконными избами под шиферными крышами, и дворцы и избы показались ему веселыми, ухоженными. Во всех палисадниках буйствовали цветы, они пахли по-вечернему сладко. Дорога петляла, дома и дворцы отступали все дальше, и теперь он ехал по лесу, где вечерело уже вовсю.

Странное дело, но асфальт все не заканчивался. Катить было приятно и очень легко, и ветер обдувал его, как в детстве, когда он летел на велосипеде с горки, и ему так нравился ветер! Он нравился ему даже больше, чем брызги из луж. Не было ни одной лужи, которую бы он объехал, – обязательно нужно было промчаться через самую середину, подняв как можно больше брызг. Вот это счастье, вот это жизнь, вот это свобода – брызги из лужи!

Тут на Алексея Александровича напали слепни, которым было наплевать на жизнь и свободу, а отгонять их не получалось. Как только он отпускал одну руку, велосипед начинал вилять из стороны в сторону и намеревался его сбросить. Слепни кусались сквозь джинсы и футболку, велосипед вырывался, в общем, никакого удовольствия не стало, и с риском для жизни Плетнев кое-как развернулся на пустой дороге и поехал обратно.

Нужно будет завтра вечером, когда он отправится кататься, чтобы, не дай бог, не встретиться с Элли, облиться репеллентами с головы до ног. Если секретарша их отправила, конечно. Впрочем, вряд ли забыла. Секретарша была очень толковой, а деревня Остров такой глухоманью и дикостью без всяких человеческих условий, где могло пригодиться все, что угодно. Плетнев не удивился бы, если б она отправила еще и карабин вместе с лицензией, и французского доктора отдельным багажным местом!..

Надо будет поискать в доме и карабин, и доктора.

На шоссе по-прежнему было пусто, и огромное оранжевое солнце валилось в поля, и все вокруг стало оранжевым, странным и очень маленьким по сравнению с солнцем.

С непривычки Алексей Александрович сильно устал, ноги гудели, как под высоким напряжением, и везде чесалось, подло, невыносимо!..

У него аллергия на любые укусы, его и в лес-то никогда не брали! Мама всегда приносила ему ягоды на веточке – так утешала и развлекала.

Он доехал до перекрестка, без конца повторяя про себя «раз-два, раз-два», потому что ноги решительно отказывались крутить педали и только это «раз-два» помогало. Плетнев тяжело дышал, пот катился по вискам, капал с подбородка, и он мечтал о бутылке холодной воды, а еще уволить фитнес-тренера Арнольдика, который уверял, что он в прекрасной форме – все врал, собака!..

Ему надо было повернуть налево, а направо совсем не нужно, но он взглянул по автомобильной привычке и нажал на тормоза.

Велосипед встал как вкопанный, и Алексей Александрович снова чуть не свалился. Видимо, хорошие тормоза.

Калитка во двор Федора Еременко была распахнута настежь, а вокруг никого.

Нет ничего особенного в этой распахнутой калитке, тут и двери-то никто никогда не закрывает, и Плетнева вдруг разобрало любопытство. Он уже видел, как живут в деревне Остров – все по-разному, но, как бы это выразиться, одинаково нараспашку. Даже Нателла Георгиевна, которая боялась медведей, не стала возводить вокруг своего участка частокон, а Федор возвел – зачем?

Чтобы собаки не лаяли? Или и собаки, и частокон охраняют какие-то тайны?..

Алексей Александрович оглянулся по сторонам – по-прежнему никого нет на вечерней дороге, – прихрамывая, подошел к калитке и заглянул.

Дом оказался очень близко, из-за забора его не было видно, слишком густо росли вдоль дороги старые яблони, почти переплетаясь кронами, и от того казалось, что здесь уже совсем темно.

– Здравсти! – громко сказал Алексей Александрович. – Можно?

В яблонях тревожно прошелестело, и никто не ответил.

Плетнев подтянул велосипед, подумал и прислонил так, чтобы каждый входящий в калитку непременно свалил бы его, еще раз оглянулся и зашел.

От высоченного забора и деревьев здесь на самом деле было темнее, чем на улице, и одноэтажный дом с высоким крыльцом тоже казался темным и как будто полированным.

– Федор! – позвал Плетнев, понимая, что никакого Федора здесь нет. – Вы где?!

Под ногами хрупнул гравий, покрывавший площадку перед крыльцом. Вся она были исчерчена отпечатками протекторов. Должно быть, Федор на своем мотоцикле действительно любил заехать почти что на крыльцо, права Валюшка!..

Алексей Александрович присел и внимательно изучил следы, проверяя свои догадки. Потом проворно поднялся и огляделся по сторонам. Слева к дому примыкало приземистое строение из таких же полированных бревен с наглухо закрытыми воротами.

По кругу, стараясь не ступать на гравий, Плетнев дошел до строения и опять посмотрел на следы, смутно сожалея, что у него нет фонаря.

Впрочем, и без фонаря все было ясно.

Алексей Александрович еще немного посидел на корточках, а потом встал и глубоко вдохнул, как человек, сделавший большую и важную работу.

– Конспиратор, – пробормотал он себе под нос.

Ему хотелось посмотреть, что там, за домом, и, оглянувшись на свой велосипед, который бодро поблескивал у калитки, он пошел вдоль монументальной стены с фундаментом из серого камня.

На заднем дворе было посветлее и попросторней, сразу под стеной начиналась трава, идеально ровная, подстриженная. Надо же, как здесь, в деревне Остров, уважают ухоженные газоны!.. Даже непонятный мужик Федор Еременко и тот уважает!

За лужайкой темнели какие-то кусты, а за ними стояли строения, довольно много, приземистые, с покатыми крышами.

Плетнев дошел до середины лужайки и остановился, потому что прямо на него со стороны кустов и строений вышел волк.

Это оказался крупный волк с развитой мускулатурой и сильными короткими лапами, которые, должно быть, хорошо приспособлены и для того, чтобы долго бежать по снегу, и для того, чтоб с одного удара свалить жертву.

У него была довольно светлая шерсть и черная широкая морда, расходившаяся к острым ушам.

Все это Плетнев увидел в одну секунду.

Волк не сделал ни одного движения, не шелохнулся, не двинулся с места, только на загривке вздыбилась шерсть и чуть обнажились белоснежные клыки.

В этом безмолвном превосходстве зверя над человеком заключалось самое страшное.

Волк ничего не делал, он просто стоял напротив, и было совершенно очевидно, что, как только Плетнев шевельнется, зверь бросится на него, короткие жилистые лапы свалят его с ног, клыки вопьются в горло.

Все. Конеч.

Теперь только кто кого перестоит. Кто первым дрогнет.

Да и это неважно!.. Кто бы ни дрогнул, в борьбе победит все равно волк, потому что он, Плетнев, безоружен и слаб, и схватка будет короткой.

Даже будь у него карабин или пистолет, он все равно не смог бы защититься, зверь не даст ему сделать ни одного движения!.. Он уже принял решение, как именно будет атаковать, и Плетнев знал это точно, как будто противник сообщил ему о своих намерениях.

Думай, медленно сказал себе Плетнев. Думай, ты это умеешь.

Сколько зверь может так простоять? Минуту? Две? Час? Сколько он будет выжидать и прикидывать расстояние до цели? Сколько времени у тебя есть? Как поймать миг, когда он кинется, и попытаться первым вцепиться ему в горло? Или хотя бы защитить свое?! Убежать не удастся, эту мысль можно исключить из сценария. Зверь догонит его даже не в один, а в полпрыжка, повалит, лапы разорвут грудь, клыки вцепятся в горло.

Спине стало мокро.

Думай, повторил Плетнев про себя. Думай, ну!.. У тебя нет клыков и когтей, но у тебя есть разум.

Или в данном случае никакой разум не поможет?..

Дикая мысль мелькнула в смятенном сознании, какой-то газетный заголовок: «Алексея Плетнева задрал волк», и еще торжествующая улыбка Оксаны и милая – Маринкина.

Что делать?! Соображай, соображай!..

Вдруг загрохотало так, что Плетневу показалось, будто на лужайку упал самолет – это было бы спасением, если б на самом деле упал, – потом раздался звон и еще грохот, потоньше.

Волк, не сводивший с него глаз, весь напрягся, и мускулы у него задрожали.

– Никак гости у меня? – громко спросили совсем близко.

Из-за угла дома появился Федор Еременко в брезентовой куртке. Плетневу показалось, что идет он очень медленно, почти не двигается, и голос в голове отдавался как сквозь вату.

– Мик, нельзя! Гости дома, а хозяев нету! Вот ведь незадача какая!

Волк отвел от Плетнева страшные белые глаза, потрусил по газону, тоже очень медленно, приблизился к Федору и ткнулся носом ему в руку.

Федор потрепал его по загривку. Волк посмотрел на хозяина, задрал остроухую лобастую голову, потом фыркнул, неторопливо обошел его и сел с левой стороны.

– Ты чего застыл, как изваяние мраморное, Алексей? Или Мик тебя неласково встретил?

Плетнев перевел дыхание и вытер пот, ливший по шее.

– А ты разве не в курсе, что я собачек держу? – спросил Федор.

– В курсе.

– А чего ты за ворота полез, раз про собачек знал?

Плетнев, которому было решительно все равно, что подумает про него Еременко, сделал несколько шагов и сел на какой-то чурбак.

В поединке цивилизации и первобытности счет два – один.

– Ты напугался, что ли, Алексей?!

Плетнев поднял голову и посмотрел на Федора.

Воцарилось молчание, только коротко и шумно дышал волк, оказавшийся собакой.

– Я, пожалуй, поеду, – бесцветным голосом сообщил Плетнев и встал.

Федор пожал плечами:

– Езжай.

Алексей Александрович на ватных ногах побрел вдоль стены дома, и Федор негромко спросил вслед:

– А ты чего заходил-то?

Плетнев обернулся:

– Как порода называется?

– Американский акита. Я там агрегат твой чуть подвинул, а то он завалился, когда я заезжал.

Плетнев кивнул, все еще с трудом дыша, перешел засыпанный гравием двор, сел на велосипед и уехал домой.

Весь следующий день он ловко прятался от Элли – надо сказать, она его не искала, – и от оскорбленного самолюбия.

Полночи он придумывал «планы мести», при этом совершенно точно зная, что мстить некому и не за что, но воображение рисовало душераздирающие картины победы над Федором и его стаей в духе американских вестернов – «смит-вессон», пыль, ковбойские шляпы, лошади, противник повержен, а он, Плетнев, победителем гарцует над ним, катающимся в песке и в страхе закрывающимся руками.

Два – один, надо же!..

Были бы мы в городе, а не в этой чертовой дыре, я бы тебе показал, кто на самом деле победитель, а кто побежденный!.. Там другие правила и другие условия игры, в которых я понимаю уж точно лучше, там бы ты не посмел разговаривать со мной таким снисходительно-насмешливым тоном!..

Под вечер, кое-как договорившись с собой, будто все дело в том, что матч игрался на чужом поле, Плетнев поехал «кататься», чувствуя себя виноватым еще и в том, что так и не помог Витюшке класть трубы, хотя вроде бы обещал.

Он всегда выполнял свои обещания, очень гордился этим и знал, что заслуженно.

Про слепней он, разумеется, начисто позабыл, и опять пришлось поворачивать из леса обратно, как только они на него накиннулись.

Да что с ним такое?! Даже со слепнями справиться не в состоянии!..

Он «катался» по пустынному шоссе довольно долго, старательно загоня себя в состояние сильной физической усталости, как будто физическая усталость могла искупить или притупить чувство недовольства собой, и повернул назад, только когда из-за горизонта всплыла сизая махровая туча, проворно сожрала половину неба, а солнце целиком, и теперь оно светило из брюха тучи тревожными длинными лучами, как будто там прожектор горел.

Стремительно холодало, и с той стороны, откуда надвигалось свинцовое чудище, несло запахом близкого дождя, и ветер вдалеке крутил пыльные вихри.

Совершенно разбитый, Плетнев въехал на свою улицу и был остановлен «газпромом», то есть Терезой Васильевной, которая, как ему показалось, караулила под забором.

– Молодой человек! Молодой человек, стойте!

Плетнев остановился и обернулся.

– Зайдите к нам на минутку, я прошу вас!

Именно так выражалась в кино одна артистка, когда играла мизансцену с прислугой. Марфа, я прошу вас, поставьте самовар!..

Плетнев подумал немного, вздохнул, слез с велосипеда и подошел к воротам.

– Я слушаю.

– Нет, вы зайдите!..

Плетнев зашел.

В тесной комнатке, заставленной шкапами и столами, горело душное электричество и пахло невкусной едой, то ли щами, то ли подгоревшим маслом. На желтой скатерти под лампочкой без абажура лежала какая-то бумага, исписанная, как показалось Плетневу, с двух сторон.

– Вы присаживайтесь, – тоном все той же артистки устало сказала Тереза Васильевна и указала Плетневу, куда именно следует садиться.

Решив отыгаться за все унижения хотя бы на ней, Алексей огляделся и плюхнулся вовсе в другое место, в кресло, до того неудобное и жесткое, что захотелось сразу же встать. Зря плюхался.

Еще очень хотелось холодной воды, очень много очень холодной воды, и под душ. Вот молодец Прохор Петрович, соблюдавший себя «в смысле чистоты», оставивший ему в наследство ванную!.. Вот спасибо ему.

Наверху что-то грохотало так, что Плетнев невольно посмотрел на потолок. Ему казалось, что из него вот-вот посыплется труха.

– Это Маратик занимается, – сочла нужным пояснить Тереза Васильевна. – Я все понимаю, ему скучно в деревне, и знакомства тут самые неподходящие, взять хотя бы эту Женю, которая к нам ходит! Мы ее принимаем, конечно, но... Другой молодежи все равно нет, а это хоть какое-то развлечение Маратику! Зато здесь очень здоровая обстановка в смысле экологии. В Москве же в прямом смысле нечем дышать, положительно нечем!..

Плетнев молчал. Он умел молчать выразительно.

На крючке висела давешняя бейсболка с повязанной поверх косынкой, и она заинтересовала Плетнева гораздо больше, чем Тереза Васильевна. Он встал, подошел и посмотрел. Хозяйка насторожилась.

Ну да. Вот и надпись по-английски «Международный форум ЦЕРН-2000».

– Вы посещаете международные конференции?

– Что? Какие конференции?

Плетнев повесил бейсболку на место.

– Очень красивая вещь, – сказал он и кивнул на косынку. – Откуда она у вас?

– Это Маратик подарил маме, – с гордостью сообщила Тереза. – Он внимательный мальчик, не чета современным! Мы с Региной очень старались правильно его воспитать, а воспитание, как известно, нелегкое дело, и оно должно приносить свои плоды. Когда воспитание приносит плоды, это сразу видно.

Плетнев вернулся в неудобное кресло и внимательно слушал про плоды.

Тереза Васильевна тяжело вздохнула и приложила пальцы к вискам.

– Дело очень серьезное, – продолжала она, выдержав подходящую паузу. – Я бы сказала, уголовное. Это в связи с нашими потерями.

Сверху грохнуло особенно сильно, и Плетнев опять посмотрел на потолок.

– Я хотела попросить вас... простите, как вас зовут?..

– Алексей Александрович.

– Да, да, мне говорили, но я забыла. Вы понимаете, я занимаю ответственный пост, и уже само мое положение не позволяет мне оставить без последствий, не говоря о, так сказать, моральном аспекте!.. Моральный аспект в нашей непростой жизни – самый главный!

Плетнев молчал, глядя на потолок.

– Мы не должны безнаказанно попустительствовать, я в этом абсолютно уверена. И хотя не все со мной согласятся, но я буду твердо придерживаться этой линии.

Я даже знаю, кто с тобой не согласится, старая дура, подумал Плетнев, не отрываясь от потолка.

– Пока за преступлением не будет следовать неотвратимого наказания, мы не наведем порядка в нашей стране, к чему неоднократно призывают наш президент и правительство...

– Вас призывает? – не сдержался Плетнев. – Президент?

– Всех граждан, – парировала Тереза Васильевна с достоинством. – И я именно с гражданских позиций. Кроме того, я мать и бабушка, и мне небезразлична судьба будущего общества в целом и в частности.

Алексей Александрович взглянул на часы.

Он надел их сегодня исключительно для того, чтобы засечь, сколько он будет кататься, и тут же начисто о них забыл, а теперь вдруг вспомнил.

– Этот документ, – пухлая рука, перетянутая браслетом из какой-то полированной черной пластмассы – Плетнев видел такие по телевизору, там их называли «лечебными», – легла

на исписанный листок бумаги в середине стола, – мое заявление в правоохранительные органы на предмет осуществленной из моего дома кражи. Здесь же содержится признание виновницы преступления. Этот документ совершенно необходим для того, чтобы преступление не осталось безнаказанным, и я прошу вас, как свидетеля, подписать его.

Алексей Александрович перевел взгляд с потолка на лоб своей собеседницы.

– Я не дам этому документу ход, пока виновница будет соблюдать те условия, которые я сочла необходимым ей предъявить в качестве оплаты ущерба и морального вреда. Должна сказать, что она согласилась на все условия, что еще раз подтверждает правильность моих выводов в свете совершенного преступления.

Тут Тереза Васильевна немного сбилась и опять взялась руками за виски. Плетнев, смотревший так странно, ее смутил, она никак не могла его раскусить, хотя считала себя знатоком человеческой природы.

Человеческая природа Плетнева с каждой минутой тревожила ее все больше, как и его молчание.

– Этот документ останется у меня в качестве страхового полиса, если она вздумает скрыться или не выплатит сумму полностью. Только тогда, подчеркиваю, только в этом при- скорбном случае я дам ему ход. Поймите меня правильно, молодой человек... Александр... – Она точно знала, что он Алексей, и приостановилась, ожидая, когда он ее поправит, но он молчал. – Мое положение таково, что оставить это дело на самотек я не могу. И от вас не требуется ничего особенного, только быть свидетелем, если обстоятельства повернутся безответственной стороной вопроса.

Она сделала паузу и покосилась на Плетнева, но безрезультатно.

– Вот здесь признание Любви Кашириной, написанное моей рукой и подписанное ею, а здесь описание кражи из моего дома и имена свидетелей, в присутствии которых было совершено преступление. Собственноручно мною подписанное, а вот здесь подпись преступницы Кашириной.

Плетнев молчал.

– Я даю ей шанс встать на путь исправления в человеческом обществе без отрыва от сына и изоляции в воспитательном заведении. После выплаты долга она получит эту расписку и сможет уничтожить ее в любой момент времени. Все же наличие у нее малолетнего ребенка, находящегося на иждивении, диктует мне свои условия как матери и бабушке. С другой стороны, мое положение таково, что я не могу просто так пройти мимо безнравственности и вопиющего, вопиющего нарушения закона о частной собственности.

Сверху заиграла музыка, Плетнев узнал группу «Линкин парк» и удивился, что Маратик такой знаток и меломан. С первого взгляда ему показалось, что единственное, на что он способен, – это грезить о певице Максим.

– Подпишите документ, – совершенно изменив тон, сказала Тереза Васильевна грубо. – При вас же дело было!

...А к Любе, видимо, все-таки придется идти.

Нет, к ней совершенно точно придется идти и взять с собой Элли, потому что с незнакомым человеком эта самая Люба не будет откровенничать.

Нет, совершенно точно придется взять!..

Все... не просто так, это настоящее «дело», а Алексей Александрович считал себя прежде всего деловым человеком.

От этой мысли он пришел в прекрасное настроение. Было плохое, стало превосходное.

Настолько превосходное, что он сразу отвлекся, соображая, как они с Элли пойдут к этой самой Любе и дорогой поговорят о чем-нибудь хорошем, о бабушке Лордкипанидзе, знатоке русского языка, о речке, велосипедах, медведях и гадюках, но тут Тереза Васильевна по прозвищу «газпром» постучала ладонью по столу.

Так у них в школе стучала учительница русского языка, призывая класс к порядку.

– Вы должны подписать, – сказала она с нажимом. – Это ваш гражданский долг. Кража имущества – подсудное дело, которое должно идти законным порядком. Евгения, наша соседка, которая тоже присутствовала, уже подписала, и я, и моя дочь Регина, очередь за вами в плане совершения правосудия.

Плетнев вздохнул, поднялся из кресла, взял со стола исписанный с обеих сторон листок бумаги, разорвал раз, – Тереза Васильевна ахнула и прижала к щекам растопыренные пальцы, – потом еще раз, потом еще несколько раз и сунул обрывки в задний карман джинсов.

Пояснять что-либо Терезе Васильевне он счел совершенно излишним, поэтому просто пошел к двери.

– Стой! – страшным голосом приказала хозяйка. – Не уйдешь!..

Плетнев толкнул дверь, сбежал с крыльца и глянул на тучу, которая была уже совсем близко.

– Это тебе так не пройдет! Ты меня еще вспомнишь, уголовная твоя морда! Будешь знать, как с порядочными людьми себя вести!.. Все дело мне испортил, паразит!.. Стой, кому говорю!.. Ты думаешь, на тебя управы не найдется! Да ты не знаешь, с кем связался! Кому сказала, стой!

Плетнев уселся на велосипед.

– Я этого так не оставлю, слышишь, поганец?! Я таких людей подключу, что тебе на всю жизнь наука будет!..

...Я подключу, я так не оставлю – это все Плетнев много раз слышал от своей тещи, образца сдержанности, умницы и красавицы.

Язви твою душу!..

– Кем вы трудитесь в Газпроме? – спросил он таким тоном, каким спрашивал на совещаниях у проштрафившихся заместителей, почему тендер на госзаказ ушел из-под носа, и этот его тон означал только одно – скорый конец света. – Кем, Тереза Васильевна? Ну? Вы ответственная уборщица? Или главная лифтерша?

Он точно знал, что не ответить ему нельзя. Она не могла с ним тягаться.

– Я... старшая по этажу, – пролепетала ответственная работница. – Поливаю цветы, проверяю ковры... рамы...

– Достаточно, – перебил Плетнев. – Будьте здоровы.

Он заехал на свой участок, когда дождь уже начался потихоньку, примериваясь, как будто пробуя силы, и как только Алексей Александрович втащил велосипед на террасу, ливанул отвесной стеной. По железной крыше загрохотало, зашумело, полилось из водосточных труб, и весь участок до ближайшего куста, объединенного козой, моментально исчез, пропал из глаз.

Сверкнула молния, и в белом неоновом свете на мгновение появились дальние березы, черная трава и качалка с забытым пледом, и опять все пропало за дождем.

От восторга и холода у Плетнева застучали зубы. Он стоял на террасе, мелкая водяная пыль летела ему в лицо.

Такого восторга он не испытывал давно.

Молния опять прорвала тучи, все вокруг полыхнуло, как будто в потрясении, и исчезло, и Алексей Александрович выскочил на лужайку.

Дождь упал на него отвесно и сильно, как будто из ведра, и Плетнев стал скакать по лужайке, размахивая руками.

Он ни о чем не думал, он просто скакал под дождем.

Тот, словно понимая, как он нужен сейчас Плетневу, на секунду приостановился, собираясь с силами, а потом ударил еще мощнее. Под ногами уже не было травы, только вода, и вообще в мире больше не осталось ничего, только отвесные, первобытные потоки воды, реки,

водопады, и в водостоках ревело, и громыхало по крыше, и молния сверкала, и гром раскатывался в черном небе, и Плетнев скакал по лужайке!..

Он понятия не имел, сколько времени длился его дикарский и необъяснимый восторг, но вдруг в шум и рев небесного катаклизма и в его собственные вопли – оказывается, все это время он еще и вопил! – добавился какой-то звук, совершенно посторонний, но отчетливый.

Плетнев перестал скакать и прислушался.

Ничего он не мог разобрать в грохоте грозы, но шум явственно слышался со стороны забора.

Плетнев, все еще не отошедший от своего восторга, побежал и выскочил к воротам. Ничего было не видно, но когда молния ударила в очередной раз, на дороге обозначился какой-то большой темный холм неправильной формы. Холм шевелился.

– Кто здесь?! – заорал Плетнев, перекрывая шум.

– Я здесь! – проорали с той стороны забора, откуда-то из середины холма, и Плетнев выскочил за калитку.

При следующей фотографической вспышке он увидел посреди черной вспученной реки, в которую превратилась дорога, мотоцикл, а рядом с ним огромное, мокрое волосатое чудище – Федора Еременко.

– Колесо заклинило!!! – проорал Федор. – Помогай давай!.. С той стороны, а я с этой! Ну, раз-два, взяли!..

Плетнев налег на мотоцикл. Вода капала с ушей и носа, стекала по пальцам.

Мотоцикл был очень тяжелый и почти не двигался.

– Поднимай! – орал Федор. – Поднимай, так не пойдет!!!

Он наваливался на руль, почти падая вперед, и, когда вспыхивало, Плетнев видел его оскаленные от напряжения зубы, вывернутые локти, мокрые волосы, залепившие лицо.

Потом Плетнев уже ни о чем не думал и ничего не видел, и все это было как продолжение катастрофы. Он знал только, что нужно толкать, обязательно нужно, а для чего – неважно, и ноги скользили по щиколотку в воде, и молния сверкала, и гром гремел, и вода отвесно падала с неба.

Так продолжалось довольно долго, Федор крикнул:

– Держи! – и куда-то делся.

Плетнев держал. Прибежал Федор, и они вдвоем затолкали мотоцикл под какую-то крышу.

– Первый раз в жизни, представляешь?!

Алексей Александрович кивнул, нагнулся вперед, оперся обеими руками о колени, тяжело и коротко дыша.

Вспыхнул свет, он зажмурился, подышал еще немного и выпрямился.

Мотоцикл стоял под навесом возле того самого гаража или сарая, где Алексей Александрович изучал следы во дворе Федора Еременко.

Дождь стал потише, но все еще лило как из ведра.

– Пошли, чего встал?!

По-прежнему ни о чем не думая, следом за Федором Плетнев поднялся на высокое крыльцо и оказался в просторном и странном помещении. Хозяин шуровал и грохотал чем-то за его спиной.

Плетнев слизнул с губ воду и огляделся.

Н-да.

– На тебе полотенце, сейчас еще штаны какие-нибудь найду. Так, это все грязное, это тоже... Во, нашел!..

Плетнев переступил ногами. Вокруг него на темные доски пола налило довольно большую лужу.

– Ну, чего застыл-то, Леха?! Вытирайся давай! Вон штаны, а там майка.

Стуча зубами, совершенно замерзший Плетнев стал стаскивать с себя джинсы. Они застряли на бедрах и никак не снимались.

– Тебе чего, водки или лучше вискаря?

– Ви-виски, – выговорил Плетнев, навыворот стаскивая мокрые штаны. С волос капало, и вдруг все это перестало быть приключением.

Он ничего не понимал.

Нет, не так. Он все понимал, и ему странно было, что он так давно и правильно обо всем догадался.

Он напялил сухие штаны – они оказались ему великоваты, но на поясе обнаружились веревки, которые он подтянул, чтоб штаны не падали, – и футболку с надписью «Kennedy Space Center». Вещи были ношенными, мятыми, но совершенно чистыми и от них хорошо пахло.

– Ну, чтоб мы были здоровы!

Под носом у него появился широкий стакан, налитый примерно на три четверти.

Плетнев взял стакан и залпом выпил, не чокаясь.

– Стрелять-колотить, – задумчиво сказал Федор Еременко.

– А собачки где же? – осведомился Алексей Александрович, выдохнув. – Отдыхают?

– На улице собачки. Они в дом не заходят.

Тем же полотенцем, что и голову, Плетнев подтер с пола лужу, которая натекла с него, скатал собственные джинсы и майку в огромный ком и вышвырнул на крыльцо. Все равно все мокрое.

– Ну, еще по одной?

– Давай, – рассеянно согласился Алексей Александрович. – Только закусить бы чем-нибудь. Окосеем.

Федор вдруг развеселился.

– Эт точно! Сейчас соображу чего-нибудь.

В громадной квадратной комнате находились пара широких диванов, телевизор «Bang&Olufsen», шкуры на полированном полу, деревянный стол на слоновьих ногах, на стене огромный постер под стеклом. Плетнев понюхал свой пустой стакан, подошел и посмотрел.

На постере отображена была какая-то грязь, летящая во все стороны, а посреди нее мотоциклист в шлеме, почти завалившийся набок.

Что-то зазвенело, стукнуло, и появился Федор с деревянным подносом в руках. На подносе – еда и бутылка.

Федор приткнул поднос на стол, отвинтил крышку и разлил виски.

– Дела давно минувших дней? – спросил Плетнев и стаканом показал на постер. – Преданья, так сказать, старины?..

Федор глянул и отвернулся, деловито расставляя на столе тарелки.

– А ты сразу догадался? – спросил он.

Плетнев сел на диван. В животе от виски стало горячо, и моментально неудержимо захотелось есть, как будто там разложили костер, который требовал топлива.

– Не сразу. – Он подцепил здоровенный кусок ветчины, огурец, соединил их и с наслаждением откусил. Вытянул ноги и пристроил на шкуру. – Как мотоцикл увидел.

Федор обрушился рядом, точно так же соединил огурец с ветчиной, засунул в пасть и сделал движение рукой – продолжай, мол!.. Волосы у него почти высохли, завились кудрями, и он нетерпеливо заправил их за уши, не выпуская, однако, огурца.

– Мотоцикл твой называется «Road King», производится в Штатах, в Европе их почти нет. Производит «Харлей Дэвидсон» то ли с сороковых, то ли с пятидесятых годов.

– Ну, давай еще по одной накатим.

На этот раз они чокнулись, и Алексей Александрович залпом пить не стал – из боязни окосеть.

– А ты откуда на нашей улице оказался? Да еще с той стороны? За мной только Валюшка с Витюшкой и Нателла Георгиевна, – спросил Плетнев.

– А я у них и был! – сказал Федор совершенно безмятежно. – Я с работы прямо к ним поехал! Меня Нателла еще когда просила антенну им наладить. Я и наладил. Это еще до дождя! А потом поехал, и расклинило меня прямо посреди дороги. Там курица еще есть. Приволочь?

– Волоки.

Пока Федор «волок» курицу, Плетнев жадно ел, очень уж проголодался.

– Нет, а как ты сообразил-то? Никто не понял, а он сообразил! Я с него все шильдики попил!.. – не успокаивался хозяин мотоцикла.

– Шильдики ты, может, и попил, только какая разница, написано на нем, что он американский, или не написано! Он все равно остался американским. У простого деревенского парня Феда не может быть такого мотоцикла, даже если он на него истратил все бабушкино наследство! Его же заправлять надо, а он бензина потребляет, как хороший автомобиль! Никакой зарплаты не хватит, а предполагается, что ты работаешь в гараже и живешь на зарплату. – Плетнев еще глотнул из стакана.

– Ты чего, в мотоциклах разбираешься?

– Не особенно. Но когда-то хотел купить. Жена отговорила.

Федор откинулся на спинку дивана, продолжая жевать, и сбоку посмотрел на Алексея Александровича.

– Ты не похож на женатого.

– Тогда был, когда жена отговорила.

– Понятно.

На двоих они моментально разодрали курицу и сожрали ее, как голодные волки.

– И собаки у тебя американские, – вспомнив про волков, продолжал Плетнев, – я в первый раз такую породу вижу, а мои знакомые каких только собак не держат!.. И зубы.

– Чего еще у меня американское?!

– Зубы, – буркнул Плетнев. – Такие зубы, как у тебя, бывают только у людей, которые долго жили в Штатах.

Федор прожевал курицу и захохотал.

– И соседи говорят, что ты даже в сортир на мотоцикле ездешь, а если попросить показаться, ни за что не дашь.

– Не дам.

– Вот именно.

Некоторое время они молча ели и пили. Дождь все шел.

– А ты кто? – в конце концов спросил Плетнев. – Гонщик, что ли?

Федор согласно помычал с набитым ртом.

– Хороший?

– В Дакар ходил.

– И что это значит?

– Хороший, значит.

– И что потом?

– Ничего потом. Потом перестал ходить.

Плетнев молчал, ожидая продолжения. Он умел выразительно молчать.

– Ну, что ты смотришь?.. Катался, катался, а на очередной медкомиссии у меня сердечную болезнь нашли, – Федор так и выразился «сердечная болезнь». – Лечили, не вылечили, я год по госпиталям лежал. То в одном полежу, то в другом. Потом операцию сделали, и я на родину отбыл. Привет соседям!..

Он с удовольствием вздохнул и тоже вытянул ноги, как Плетнев.

– Катаюсь теперь лишь вон по деревне. Жена ушла, как только я зарабатывать перестал. Я же перестал зарабатывать-то! Живу на то, что накопил.

– А почему ты в Штатах не остался?

– А почему я должен был там остаться?

Федор встал, подошел к камину и стал выбирать дрова из поленницы, сложенной рядом.

– Не, Леха, видел я этих эмигрантов и ничего хорошего не увидел! Тоска зеленая и грусть печальная. Мне здесь дышать интересней. А там я от ожирения через три года окочурюсь. И от скуки еще.

Он сложил дрова в пасть камина, зажег бересту и теперь подсовывал ее, отворачиваясь от дыма.

– Мне бы только с силами собраться, а то я расклеился маленько. Как-то все сразу навалилось, и госпиталь, и операция, и работу я потерял! – Береста трещала и горела весело. – И жену потерял... Ну, да бог с ней.

Дрова занялись, и Федор поднялся с корточек.

– Участок этот мне от бабки с дедом достался, я построился потихоньку, дядь Коля, егерь, на работу меня пристроил. Чего ты, говорит, без дела сидишь, ты же молодой мужик!.. Одичаешь совсем. Ну, я и пошел на работу. Там какие-никакие, а машины. А чего еще делать? Пить мне нельзя, это я с тобой только сегодня так расслабился. А байк у меня первый раз в жизни заклинило, веришь?! Три раза я в Дакар ходил, и ни разу не заглох, а сегодня – что ты будешь делать!.. Как нарочно!..

– А от соседей ты свое бурное прошлое зачем скрываешь?

– А чтоб вопросов не задавали, – неожиданно злобно ответил Федор, и Плетнев сквозь теплый и приятный шум в голове вдруг вспомнил, как он угрожал кому-то на лесной тропинке. – Они же тоже все разные! Вон дядь Коля человеком был, так его убили, а суки остались, живут себе!.. Только я того, кто дядю Колю прикончил, найду. Найду и...

– Ты лозунги не выкрикивай, – посоветовал Плетнев. – Ты найди человека, который тогда твою собаку застрелил.

Федор замолчал, покачиваясь из стороны в сторону.

– А ты думаешь...

– Я думаю, что это все одно к одному. Главное – зачем? Зачем застрелили собаку? Зачем убили Николая Степановича? Чего ради? Вот этого я никак не могу понять. – Плетнев попытался вспомнить слово и вспоминал довольно долго. – Мотива нет, вот чего!..

– Только Люба ничего ни у кого не крала, – вдруг воинственно заявил Федор, – и этой старой кочерге, которая на нее бочки катит, надо мозги прочистить!

– Вот и прочисть, – зевая, сказал Плетнев.

– И прочищу!

– А зачем Люба деньги обещала выплатить?

– Какие деньги?

– Да ну тебя, – пробормотал Алексей Александрович.

Камин горел, дождь шумел, шкура грела босые ноги, и все это было так хорошо и прекрасно, и так радостно, что он напился, и понимал, что напился, и еще отчего-то радовало, что Федор Еременко знаменитый гонщик, а не прохиндей, а завтра он пойдет с Элли к глупой Любе, которую все время пытается защитить Федор и делает это очень неловко, и от всех этих теплых чувств они еще выпили, а потом еще немножко, разговаривая об Америке, ее странностях и красотах, и, кажется, Федор велел Плетневу купить байк, и тогда на следующий год они смогут «прокатиться» и посмотреть любимые Федоровы места в Колорадо или в Вайоминге, и Алексей Александрович с удовольствием согласился.

Среди ночи вдруг погас свет, и Федор сказал, что это, должно быть, от того, что молния попала в трансформатор или дерево повалилось на провода. Без света стало еще уютней, и они немного выпили, сидя на коврике перед камином.

А потом Плетнев устроился спать на полу, потянув на себя шкуру, и ему было так удобно, что он улыбался, засыпая, а Федор еще что-то бормотал про то, что мотоцикл у него заклинило первый раз в жизни.

Утром Алексей Александрович был бодр и свеж как ни в чем не бывало, а Федор маялся головой и повторял то и дело:

– Я больше никогда, никогда!..

– Я в твоих штанах пойду, а? Мое все мокрое! И кроссовки насквозь! Я твои надену, ладно?..

– Что ты орешь!..

– Выпусти меня, а то собаки сожрут.

Следом за Плетневым Федор выбрался на крыльцо, охнул и зажмурился от солнца.

– Я больше никогда!.. Мик, нельзя, свои.

Косясь на собаку, которая взбежала на крыльцо и привалилась к хозяйскому колену, Плетнев сделал несколько шагов, стараясь не показывать виду, что боится страшного зверя, и обернулся:

– Ты Любе своей скажи, чтобы она идиотских бумажек больше не подписывала!

– Чего сказать?!

– Что слышал. Одну я изъял, а больше пусть не усердствует.

– Я не понял ничего, – пожаловался Федор.

– Вот и хорошо, – неожиданно ответил Алексей Александрович. – Байк дашь покататься?

– Не дам!..

В прекрасном настроении Плетнев пошел по еще не просохшей дороге в сторону своего дома. Улица была чистой, умытой, солнце особенно золотым, а зелень особенно изумрудной, и за поворотом дороги с левой стороны он увидел небольшую толпу возле железного трансформаторного ящика. Там что-то громко говорили, размахивали руками, и Валюшкин голос оттуда слышался, и, кажется, «газпром» гудела на одной ноте.

Плетнев, который теперь точно знал, что, если на улице толпа или шум, значит, непременно надо бежать, выяснять, в чем дело, и кидаться на помощь, повернул и подошел.

Солнце светило в глаза, и он приставил ладонь козырьком ко лбу.

– Доброе утро.

Люди обернулись к нему и как по команде смолкли. Плетнев заглянул за них.

Пломба с серых дверей трансформаторной будки была сорвана, внутренности с черными эбонитовыми ручками и белыми переключателями – все на виду. Часть ручек и переключателей оказалась то ли сорвана, то ли покорежена, болтались какие-то провода.

– Ты где был-то, Леша? – негромко спросила обычно очень бойкая Валюшка. – Я кричала, кричала! Где носило-то тебя?

Плетнев посмотрел на нее. Витюшка тронул его за руку и подбородком показал на велосипед, который валялся рядом с будкой, весь помятый и искалеченный, как будто по нему прошелся асфальтоукладчик. Рядом валялся какой-то огородный инструмент с длинной ручкой.

– Я в людях разбираюсь! – отчетливо выговорила Тереза Васильевна. – Меня положение обязывает в них разбираться! И я вам точно говорю, дорогой товарищ участковый, кто это сделал. Это он сделал!

Плетнев ничего не понял.

– Велосипед-то твой, – даже не спросил, а как-то полуспросил Витюшка, и Плетнев посмотрел внимательно, зачем-то нагнулся и потрогал раму и обод. Это на самом деле был его велосипед!

Он полез через канаву, тюк мокрого барахла, который он тащил в руках, очень мешал, и Плетнев кинул его в траву.

– Минуточку! – грозно сказал человек в форме. – Ничего нельзя трогать, гражданин, на месте злостного хулиганства!

Но Плетнев его не слушал.

Ему вдруг так жалко стало велосипед, на котором он только-только научился ездить, который вел себя, как норовистая лошадь, и несколько раз сбрасывал его, а потом они все же как-то приспособились, пристроились друг к другу! Он поднял из травы искалеченный остов, посмотрел и швырнул обратно.

Жалобно тренькнул уцелевший звонок.

– Это ваш велосипед?

– Мой.

– А тяпка ваша?

Плетнев ничего не ответил, сопя, перелез через канаву и подобрал тюк.

– Одну минуточку!

– Леш, ты чего, ночью на велосипеде катался?!

– Да ладно тебе, Алексей, чего ты!

– А я говорю, дорогой товарищ участковый, это он все тут разворотил из хулиганских побуждений, а вчера пытался совершить надо мной надругательства и отъем документов.

Не слушая, Плетнев зашагал по дороге, наступая Федоровыми кроссовками в лужи.

Он чуть не плакал – из-за велосипеда.

Он не смог бы этого объяснить, но велосипед, и Элли, и отмытая розовая плитка, и река, и коза, и соседи стали частью его жизни уже давно, несколько дней – вечность! И это оказалась такая наполненная, цельная, осмысленная жизнь, и все это было так важно для него, что никто не смел прикасаться к этому, тем более разрушать!..

Никто не смел красть и ломать его велосипед! Никто не смел вмешиваться в его только-только начавшуюся жизнь и портить ее!

– Я вам русским языком говорю, обождите!..

– Леша, да постой ты, куда несет-то тебя!

– Что ты все стрекочешь, стрекоза?!

– А на вид такой приличный! Документы бы у него проверить не помешало.

Кто-то схватил Плетнева за плечо, он остановился и оглянулся. Человек в форме, догнавший его раньше остальных, собирался что-то сказать, но, взглянув ему в лицо, передумал и руку опустил.

– Что вам нужно? – глядя только на него, спросил Плетнев так, что человек растерянно пожал плечами. – Ничего? – уточнил Плетнев.

Человек кивнул головой в фуражке.

– Прекрасно.

– Задержите его, дорогой товарищ участковый, по всей строгости закона!.. Он тут нам будет характер свой показывать, а мы должны терпеть?! Меня положение обязывает!.. – бесновалась «газпром».

Плетнев вздохнул и с силой выдохнул. Ярость отпустила его, и вернулась способность соображать.

В конце концов, думать он умел лучше всего.

– Если вы что-то хотите у меня спросить, пойдете, – приказал он человеку в фуражке.

– Леш, а что случилось-то? Ты где был? – тихонько спросила Валюшка, и Витюшка на нее прикрикнул.

Мужик в фуражке послушался и пошел за Плетневым, а за ним потянулись все остальные.

Плетнев пропустил участкового в калитку, закрыл ее перед изнемогающим от любопытства Валюшкиным носом и прошел к своему дому.

– Велосипед я вчера оставил на террасе с той стороны. Если хотите, я покажу где.

– Пройдемте.

Плетнев поднялся на террасу, хмуро глянув на лужайку, где он вчера скакал под дождем и был безудержно счастлив.

На полу, прямо под дверью в дом, валялось какое-то барахло, и Плетнев подошел и посмотрел.

Участковый взглянул следом.

– Вот е-мое, – протянул он и сдвинул фуражку на затылок.

Лоб у него моментально вспотел.

Плетневский дом – бывший Прохора Петровича – был разгромлен. Алексей Александрович знал, конечно, значение слова «разгром», но никогда не видел, что это такое на самом деле.

В его доме не осталось ни одного... живого места.

Мебель была перевернута, выпотрошены ящики, выворочены из горшков герани и еще какие-то цветы, названия которых Плетнев не знал, но исправно поливал. Посуда перебита, даже вилки погнуты!.. По полу валялись какие-то тряпки и бумажки, о существовании которых Плетнев и не подозревал. У холодильника, огромного, металлического, занимавшего весь простенок, в середине вмятина, как будто по нему ударили лопатой или топором. Вся еда из него вывалена на пол и засыпана землей из горшков и кадок. От вещей Алексея Александровича не осталось ничего, все было перепорчено, истоптано, изорвано.

– Не ходите туда! – прикрикнул на него участковый, когда он полез внутрь.

Плетнев дернул плечом.

На втором этаже следов вторжения было меньше – разгромлен письменный стол и из шкафов вытащены и разбросаны все книги. Диван тоже искалечен – поролон торчал из рваных и грязных ран.

Плетнев спустился вниз и обнаружил в дверях впавших в столбняк Витюшку с Валюшкой.

Человек в фуражке куда-то делся.

– Звонить пошел, – объяснил Витюшка, обнял трясущуюся супругу и прижал к себе. – Все, хватит, слышь! Без тебя мокро!

– Витюш, это чего такое у нас делается, а?

– Откуда я знаю!

– Нужно Артемку домой загнать, не ровен час, на злодея этого набежит!..

– Ну, понесла!..

– Витюш, ведь страшно-то! Страшно как!..

Плетнев свалил в угол террасы свои мокрые вещи, которые, оказывается, все время таскал в руках, деревянными шагами спустился по лесенке – раз, два, три, четыре ступеньки, – пошел на лужайку и сел в качалку.

– Леш, это у тебя... когда это у тебя так... Господи, побегу дверь на замок замкну!

– Беги, беги, – хмуро сказал Витюшка, подошел и сел рядом с Плетневым.

Они помолчали, потом Витюшка спросил:

– Ты сам-то ночью где обретался?

– У Федора.

Витюшка как будто удивился немного.

– А чего вы там делали у него?

– Пили.

– До утра?

– До утра спали.

– Вона как... Вы там, значит, а этот поганец окаянный, стало быть, тут, чтоб сгореть ему, мать его так и разэдак!..

– Дай сигарету, – попросил Алексей Александрович равнодушно.

Витюшка полез в карман и вытащил пачку.

– Главное, грозища была не приведи господи, – проговорил он виновато. – Всю ночь прохотало! Я ведь и не слыхал ничего, понимаешь?.. Не, я бы прибег, если б слыхал только! Веришь, нет?

– Верю, – сказал Плетнев и закурил.

Крепкий табак зашипал горло так, что слезы выступили на глазах.

– А ты?! – вдруг рассердился Витюшка. – Чего тебя понесло из дому на ночь глядя?! То сидит, калачом не выманишь, а то понесло его!

Алексей Александрович затаился.

– У Федора мотоцикл заклинило, – объяснил он. – Мы его почти на руках несли. Из сил выбились, да и дождь лил. Я возвращаться не стал.

– Вона как, – повторил Витюшка. – Оно понятно тогда...

Так они сидели и курили, и Алексей Александрович совершенно не знал, что теперь он должен делать, когда загремела цепь, зашрипела калитка и из-за угла дома выскочила Элли.

У нее был такой вид, как будто она только что потеряла близкого человека.

Увидев их, она остановилась и замерла, как суслик.

– Что случилось?!

Плетнев пожал плечами, Витюшка глянул на него и почему-то тоже пожал плечами.

– Все живы? – спросила Элли, не приближаясь.

– Типун тебе на язык, Неля!

– Нет, просто прибежала Валентина и сказала, что здесь... – она перевела дыхание и облизнула губы, – смертоубийство.

– Тьфу тебя! Ты ее больше слушай, она еще не то настрекочет! Вон поди, загляни!

Элли посмотрела на Плетнева, поднялась на террасу и осторожно заглянула в дом. Так осторожно, как будто оттуда могло вылететь привидение.

Смотрела она недолго, сбежала со ступенек и подошла к качалке. Сесть ей было некуда, но Плетнев позабыл, что нужно встать и уступить место.

– Да, – сказала она негромко. – Может, стоит утешаться тем, что все живы, здоровы и нет войны?

– Не помогает, – ответил Алексей Александрович. – Я пробовал.

– Тогда тем, что могло быть и хуже?

Тут он заинтересовался и спросил:

– Насколько хуже?

– Ну, например, дом могли спалить.

– Типун тебе, да что ты городишь-то, Неля?! – возмутился Витюшка.

– Да, – повторила она странным тоном. – Теперь вам придется всем этим заниматься.

И она кивнула на дом.

– Придется, – согласился Плетнев.

– Да чего там заниматься, – загудел Витюшка, – самое главное, чтоб мудака этого найти, а разгрестись мы поможем! И добро дело наживное, обзаведенье новое купишь! Заработаешь и купишь!

Плетнев засмеялся. Витюшка понял его по-своему.

– Ну, не сразу, конечно, а потихоньку-полегоньку все выправишь!.. Тут ведь самое главное, чтоб урода этого, паскуду, которая нам всю жизнь испортила, найти и к порядку призвать!..

Жизнь испорчена, подумал Плетнев. Именно об этом говорила Нателла Георгиевна.

Жизнь будет испорчена безвозвратно, и ничего уже не удастся вернуть, все будет потеряно.

Идиллии пришел конец.

Скорее всего, ее и не было никогда, все это сказки, мечты о счастье, о земле обетованной. Об убежище.

Кажется, Нателла Георгиевна и об этом говорила!..

– ...Участкового унесло, теперь не скоро объявится, пока это он до доринского поворота доедет, а потом опять обратно вернется!.. Ах ты, мать честная, вот дела-то у нас какие! Неля, Нель, а супружница моя куда подевалась?

– Валя? – рассеянно переспросила Элли. – Она... по людям побежала, чтобы двери закрывали и детей далеко не отпускали.

– От до чего дошло, – Витюшка в сердцах плюнул в траву. – Сроду у нас такого не было, чтоб мы замки навешивали и за ребят боялись!

Плетнев наконец сообразил встать с качалки.

Закинув руки на шею и глядя в небо, он обошел куст, немного скособоченный на одну сторону, остановился и спросил, как называются эти цветы.

– Гортензия, – ответила Элли, переглянувшись с Витюшкой, и эти переглядывания вдруг вывели Плетнева из себя.

Ну да, он не знает, как они называются, и что тут такого?! Они все, разумеется, в курсе, он один – городской дурачок!

– Меня перестало все это забавлять, – сказал он отчетливо, как на совещании. – Не знаю, как вас, а меня перестало!

– Чего перестало? – спросил ничего не понявший Витюшка.

– Нас и не забавляло, – ответила все понявшая Элли.

Плетнев еще походил немного вокруг куста, а потом скомандовал:

– Расходитесь по домам. Я дождусь участкового и приду к вам, Элли. До имеретинского обеда мы не дотянули, значит, пусть будет нормальный человеческий завтрак.

Странный это был завтрак.

Все молчали, Плетнев жадно ел, как никогда не ел с утра.

Решения были приняты, он точно знал, какие это решения, и не спрашивал себя, правильные они или нет.

Он всегда долго думал, прежде чем принять решение – думать получалось у него лучше всего, – а приняв, никогда не сомневался.

В этот раз он думал всего ничего, но точно знал, что своих решений не изменит.

... Я не стану звонить в службу безопасности и вызывать подмогу. Слишком часто и слишком бездумно я полагался на «специально обученных людей», чем бы они ни занимались в моей жизни!.. На все сегодняшние вопросы я отвечу себе сам, без посторонней помощи. В конце концов, именно в мою жизнь вмешался некто, уверенный в своей безнаказанности и превосходстве, как были уверены жена и теща, и, ей-богу, этот некто даже не подозревает, с кем связался!..

– Кофе? – робко спросила Нателла, когда он съел шестую оладью. Может, она была восьмой, он не считал.

– Спасибо.

Кофе оказался очень вкусным, и Плетнев сообщил об этом хозяйке. Она приободрилась и рассказала историю о том, что самый лучший кофе варит ее мама в Кутаиси и соседки со всей улицы по утрам собираются к ней. Они завтракают, болтают, а потом мама гадает им на кофейной гуще на предстоящий день, и всегда получается, что день будет необыкновенно

прекрасным, и – странное дело! – он таким и оказывается! Поэтому соседки не пропускают ни одного утреннего кофе у ее мамы.

– Гениально, – оценил Плетнев. – Просто гениально.

– В кофе самое главное – пенка, – упавшим голосом сказала Нателла Георгиевна. – Если у вас получается кофе без пенки, его нужно вылить, потому что это не кофе!..

Элли все время молчала, и смуглое лицо ее казалось осунувшимся и побледневшим, как после бессонной ночи.

– Все не так страшно, – заявил Плетнев, когда Нателла налила ему вторую чашку.

Чашки были ломоносовского фарфора, в тоненькую голубую и золотую клеточку. Плетневу однажды на день рождения подарили такие чашки.

Нателла Георгиевна моментально уселась, чтобы слушать, и Элли подняла на него глаза.

– Я все понял, и про убежище, и про рай на земле, и про то, что все теперь погребло и пропало! Ничего не пропало! – Плетнев повысил голос, как будто они собирались ему возражать. – Нужно просто разобраться в ситуации.

– Как?! – темпераментно воскликнула Нателла и специальным трагическим образом сложила руки. – Как разобраться, э?

Плетнев покосился на нее.

– Я знаю, что вы-то как раз не хотели ни в чем разобраться! Вы считали, что все разбирательства плохо закончатся, но вы не правы, Нателла Георгиевна.

– Я не права, э?

– Мама, подожди.

– События происходят одно за другим, и нам кажется, что они связаны между собой, – продолжал Плетнев быстро. – Нужно понять, так ли это на самом деле, и если связаны, то кем или чем. Кроме того, было одно событие, о котором все забыли, но я считаю, что с него и надо начинать.

– Какое событие, э? Что ты говоришь? – Теперь Нателла говорила с сильным акцентом, и это было смешно.

– Прошлой зимой у Федора Еременко застрелили собаку, и он был уверен, что застрелил егеря. Когда убили Николая Степановича, первым делом вспомнили про Федора и про то, что они тогда почти подрались. Но Федор утверждает, что они быстро во всем разобрались, и в тот день, когда убили собаку, Николай Степанович вообще в лес не ходил.

– При чем тут собака прошлой зимой? Когда этим летом у нас самого егеря убили, слушай! И какая теперь разница, он или не он застрелил ту собаку! Может быть, по ошибке застрелил! Я ведь тоже ошиблась и стукнула тебя бревном по голове! А ты не медведь, э?..

– Я не медведь, – машинально согласился Плетнев. – Николая Степановича убил кто-то свой. Чужие здесь не ходят. В ту ночь была гроза – опять гроза! – и все свои сидели по домам. Получается, что чужие?..

– Он не стал бы пить с чужими. – Элли переглянулась с матерью. – Ну что вы!.. Мы столько лет его знаем. Он был очень простой человек, но у него имелись свои правила.

– Пил он как раз со своими, – буркнул Плетнев, – вернее, со своим, и я знаю, с кем именно.

Элли вытаращила глаза.

У нее глаза. Н-да. Ну и что?..

Плетнев, который сбивался с любой мысли, когда она на него смотрела, залпом допил остывший кофе и чуть было не сказал ей: отвернитесь.

– Сварить еще, мальчик?

– Я не мальчик, Нателла Георгиевна! – возразил он с несколько преувеличенной досадой. – Я взрослый человек и...

– Хорошо, хорошо, конечно, взрослый, кто спорит?.. – Она подхватила со стола кофейник и погладила Плетнева по голове. Он дернулся и отшатнулся. – Ну-ну! Не переживай, мальчик.

Кажется, она едва удержалась, чтобы добавить – мама с тобой.

– Как вы узнали, с кем Николай Степанович в ту ночь пил? – возбужденно заговорила Элли, когда ее мать скрылась на кухне. – Откуда?! Нас всех опросили, но мы ничего не могли сказать! Никто ничего не видел!

Плетнев осторожно потрогал свою голову – там, где ее погладила Нателла Георгиевна.

Неужели можно просто так взять и погладить его по голове? Такой естественный, такой женский, простой жест.

Э?..

– Алеша?

– Да.

– Откуда вы знаете, с кем Николай Степанович...

– Я видел отпечатки протекторов, я же вам говорил. Шины «Микки Томпсон», их не перепутаешь ни с какими другими. Дождь шел только в ту ночь, когда убили егеря, потом началась жара, и до этого все время было сухо, значит, они могли появиться только тогда.

– Я помню, помню, вы спрашивали про внедорожники, но ни у кого в деревне их нет!..

– Есть.

– Как?!

– Элли, я не стану вам ничего рассказывать, пока не буду точно знать, что тогда произошло! Я же говорю – события следуют одно за другим, но мы не знаем, как они связаны.

– Да, но человек, который пил с Николаем Степановичем, убил его!

– Откуда вы знаете? Может, они просто пили, а потом он уехал и появился совсем другой человек?..

Она опять уставилась на него, и он снова потерял мысль.

– Да, но все остальное, – сказала она растерянно и смешно почесала в затылке. – Кто-то же украл эти дурацкие кольца у Терезы Васильевны! Кто-то разбил трансформатор, изуродовал ваш велосипед и бросил его так, чтобы все подумали, что это ваших рук дело! Кто?! И зачем?! И кто залез в ваш дом и все там разгромил?..

– Нет, не так, – подумав, возразил Плетнев и стал качаться на стуле. – Все это правильные вопросы, но их следует задавать в определенном порядке.

– В каком, Алеша?!

Что ты будешь делать! Ему так нравилось, как она выговаривала – Алеша.

Ему нравилось, как Элли называет его по имени, а ее мать гладит его по голове.

Матери и дочери – такая странная история. Такая нерушимая связь. Он не понимал этого раньше, а теперь понял.

Почему не понимал, он же взрослый человек!

Не переживай, мальчик...

– Все ваши вопросы, – заговорил он решительно, – слишком... финальные, понимаете? На них невозможно ответить, потому что сначала нужно ответить на другие.

– Какие?

– Я подслушал разговор в тот день, когда вы стукнули меня по голове. Какая-то женщина в кустах говорила, что этого так не оставит, найдет управу, что-то такое. Это не было... болтовней, понимаете?.. Все всерьез. Я тогда здесь никого не знал и голос тоже не узнал. Потом Федор по телефону угрожал кому-то, я тоже слышал. Да он и не особенно скрывался! Позавчера я видел, как из его дома выскочила Женя, вся в слезах. Что она там делала? Что могло произойти?

– Женя? – недоверчиво переспросила Элли. – Из дома Федора?

– Вот именно.

– А вы...

– Я не ошибся, ничего не перепутал, мне не померещилось, и галлюцинациями я не страдаю!

– Зато я страдаю! – провозгласила Нателла Георгиевна басом. – Мне везде мерещатся медведи, да, мальчик?..

– Я не мальчик!

– Положить тебе в кофе сгущенки, э?.. У нас есть отличная, самая натуральная, почти что советская!..

– Я не пью кофе со сгущенкой. Я вообще сладкий не пью.

Нателла установила на стол кофейник, полюбовалась на него и как-то очень ловко, в одну секунду, собрала все со стола и подала чистые чашки. Солнце сверкало в голубых и золотых прожилках, отражалось от них. Потом она куда-то выбежала, вернулась с подносом, на котором было что-то аппетитно наставлено, и оказалось, что почти пустой после завтрака стол вновь ломится от разных угощений.

Плетнев даже не понял, как это вышло.

Нателла налила ему кофе.

– Что ты смотришь? Я же грузинская женщина, а не какая-то там эмансипированная. – Она повела бровью, и Плетнев отчего-то захохотал, и Элли засмеялась следом. – Стол всегда должен быть накрыт, это очень утешает! Сколько тебе ложек, мальчик?

– Чего?

– Сгущенки. Одну или две?

– Две.

Он отхлебнул и замычал от удовольствия.

Его французский доктор в это время, должно быть, упал со стула в своем французском кабинете.

– Откуда пошел слух, что Люба подворовывает в домах, где убирает? Он ведь откуда-то пошел! Если ни у кого ничего не пропадало, значит, взяться ему неоткуда! У вас когда-нибудь что-нибудь пропадало?

Тут мать и дочь разом оглянулись по сторонам, как будто им только что пришло в голову проверить, пропало или нет!..

Блаженные, подумал Плетнев, с удовольствием прихлебывая из чашки. Ну точно, блаженные!

– Мы почти уверены, что у нас все на месте.

– Тогда у кого пропадало?.. И если все это наветы и клевета, почему Люба не защищается? Почему собирается платить? Зачем ей продавать дом?.. – Тут обе его собеседницы разом всполохнулись, как куры из хозяйства бывшего банкира, и Плетнев повысил голос: – Так сказал Артемка, а ему сообщил его друг Игоря! Почему егерь говорил, что Женька все время врет? Кому и что она врала?

Он допил кофе и повертел из стороны в сторону чашку, в прожилках которой путалось солнце.

– А зачем разбили трансформатор? Это же просто... вандализм какой-то! Хулиганство! А у нас здесь...

– Я знаю, знаю, – перебил Плетнев. – У вас здесь нет никаких хулиганов! Но это не хулиганство, Элли. Это как раз понятное событие, за которым последовало другое. Трансформатор разбили, свет погас, даже фонари на улице выключились. После этого разгромили мой дом. В такую грозу и в полной темноте никто не мог ничего заметить и... помешать. Другое дело, зачем разгромили дом? Я здесь совсем недавно, никого не знаю и вообще чужой человек!

– Ты нам не чужой, мальчик.

– Подожди, мама!

– Или этот человек что-то искал не у меня, а у Прохора Петровича? – задумчиво продолжал Плетнев. – Но почему именно сейчас? Он давно умер!

Он аккуратно поставил чашку на стол и опять принялся качаться на стуле.

– Упадешь, – рассеянно заметила Нателла Георгиевна. Плетнев продолжал качаться.

– А кем он был?

– Прохор Петрович? Военный в отставке, и давно в отставке. Он служил по секрету, моему.

– Ты хочешь сказать, в секретных подразделениях, мама.

– Да, да! О службе никогда особенно не распространялся. Хотя однажды рассказал, что Фидель Кастро целыми днями пьет какой-то небывалый кофе. Из килограмма зерен получается две ложки кофе. Прохор Петрович говорил, что проглотить это невозможно, а Фидель пьет целыми днями.

– Он знал Фиделя Кастро?! – переспросил Плетнев.

Нателла Георгиевна шмыгнула носом.

– Нас никогда не интересовал Фидель Кастро, – ответила она виновато. – Если бы я знала, что тебе это понадобится, я бы, конечно, расспросила его хорошенько и все как следует запомнила.

– Так, – Плетнев подумал немного. – А дом? Соседи мне сказали, что его дом строил отец Женьки.

– Дядя Паша, – подхватила Нателла. – Правильно тебе сказали. Дядя Паша у нас мастер на все руки! У него такой огород, если б ты видел!.. В прошлом году ни у кого не уродились кабачки, и все ели дяди-Пашины. Вся деревня. Он всех угощал. Очень добрый человек.

– Бог с ними, с кабачками, Нателла Георгиевна. Когда это было? Когда строили дом?

– По-моему, начали в девяностом году. Я помню, что по тем временам это казалось почти невероятным – такое строительство! Ничего же нельзя было достать, совсем ничего. Выдавали талоны на стиральный порошок и водку, а больше ни на что!.. Нам тогда еду присылали из Кутаиси, здесь не было еды. И мы даже подумывали уехать, совсем уехать, но Нелечкин папа сказал, что родину никак нельзя обменять на еду. Это разные понятия, сказал наш папа. Даже если очень трудно, нужно держаться. И мы держались.

– А Прохор Петрович в это время строил дом?

– Ну, его потом перестраивали, конечно! Уже когда все появилось – рамы, двери, доски.

– Подождите, – перебил Плетнев. – Рамы и двери – это все хорошо. Хотя не слишком понятно, откуда у отставного военного деньги, да еще в те времена. А до девяностого года здесь стоял какой-то другой дом?

– Ничего не стояло, – удивилась Нателла Георгиевна. – Поле было.

– Как поле?!

– Ну, не совсем поле, но там никто не жил. Прохор Петрович появился у нас, когда вышел в отставку, мальчик. Раньше мы его никогда не видели. Как и Николая Степановича, нашего егеря, не Гумилева, конечно!.. Они тогда вместе приехали. Нелечка не помнит, она маленькая была, а я прекрасно помню!..

Никакого заявления Плетнев писать не стал, чем поверг участкового и явившегося с ним толстяка в синей форменной рубашке в изумление.

– Точно не будете заявлять?

– Не буду.

– Тогда дело не станем заводить.

– Не заводите.

– Ну, смотрите, – сказал повеселевший толстяк. – А этот... как его... ущерб?

– Я разберусь.

– Ну, смотрите, – повторил толстяк. – Вон соседка ваша!.. Заявление о краже только сегодня написала, а уже результат ей подавай! Раскрытие, значит. А то, говорит, жаловаться на вас буду. А на нас только ленивый не жалуется! Но если заявления нет, жалобы не принимаются.

– Я не буду жаловаться.

Толстяк, кажется, хотел что-то сказать, посмотрел на Плетнева, потом, заглянув в дверь, еще раз оценил разгром.

Плетнев смотрел в сторону.

– Ну, раз заявлять не хотите, тогда я пошел.

– До свидания.

– А велосипед ваш как возле трансформаторной будки оказался?

– Понятия не имею.

– Ну, ладно, вы... того... если вопросы какие будут, вас вызовут.

Плетнев промолчал.

Кого бы ему вызвать, чтобы ответить на все вопросы?..

Надо было с чего-то начать, чтобы разобраться немного в разгромленном доме, а он не знал с чего. Разрушения казались ему фатальными, непоправимыми, он не удивился бы, если б, вернувшись от Элли и ее матери, застал на месте дома воронку или дымящиеся развалины.

Ему стало жалко своего дома и прекрасной жизни в нем – у него же была прекрасная жизнь, пока ее не разгромили!..

– Ле-еш! – закричали из-за забора. – Ле-еша!..

Плетнев вздохнул.

– Ле-еш, ты чего там маешься?!

– Ничего, – под нос себе строптиво пробормотал Плетнев.

– Ле-еш!

– Что?!

Ей-богу, он не знал, как взяться за дело!..

Он долго ходил по первому этажу, возникая и пропадая в зеркале, которое, как обычно, отражало невесть что, стараясь не наступать на осколки, черепки, вилки и ложки, и все равно наступал.

Ты-то знаешь, думал Плетнев про зеркало, кто здесь был. Кто отражался в тебе так же криво и косо, как я. Кто выворачивал землю из цветочных горшков и ящики из тяжеловесных буфетов. Тебе повезло, ты уцелело.

Меня перестало это забавлять, вот в чем дело. И тот, кто все это устроил, даже не подозревает, с кем связался!..

Алексей Александрович вытащил из кладовой громадную тяжеленную бобину скрученных мусорных мешков, оторвал один и стал сгребать в него все подряд, руками. Потом ему попалась погнутая щеточка на длинной ручке, которой положено выметать камин, и он стал сгребать щеточкой.

Пыль висела в воздухе, Плетневу было жарко и тошно.

Он выволок полный мешок на террасу и нос к носу столкнулся с Витюшкой, который мыкался под дверью. Плетнев, не сказав ни слова, брякнул мешок на пол так, что вздрогнули плетеные кресла, и вернулся в дом.

Витюшка постоял немного в проеме, глядя, как он ковыряется со своей каминной щеточкой, и ушел.

Через некоторое время он вернулся с Валюшкой и Артемкой. У всех троих был озабоченный вид, и они оказались вооружены вениками и ведрами.

Так же молча они включились в работу, и Плетнев не стал ни возражать, ни прогонять их.

Он знал, что так и должно быть, так правильно.

Валюшка мела пол истово, с напряженным покрасневшим лицом, а Витюшка рукавицами сгребал в мешки то, что осталось от плетневской жизни.

Алексей Александрович не заметил, когда появились Нателла и ее дочь, но, ползая на коленях в простенке, вдруг толкнул кого-то, и оказалось, что это Элли.

– Извините.

– Леш, поди-ка! Чегой-то я так нагружился, одному не вмоготу.

Вместе с Витюшкой они выволокли на террасу очередной мешок.

– От паскуда!.. – не выдержал Витюшка. – Ничего не оставил, сволочь!.. Да ты не дрейфь, Алексей, разберемся!

– Разберемся, – повторил Плетнев и вернулся в дом.

Ему показалось, что в большой комнате очень много людей, и разгром как-то подвинулся, уменьшился, стал не таким ужасающим. Элли одно за другим открывала окна. Нателла Георгиевна подбирала осколки стекла, складывала в большую коробку и, кажется, хлюпала носом. Валюшка все мела, Артемка выуживал из куч уцелевшие вилки и ложки и относил в раковину.

Хлопнула дверь, та, что на крыльцо, дернуло сквозняком, пыль поднялась столбом.

– Фу-ты, Федя! – закричала Валюшка сердито. – У нас и так тут шурум-бурум! Прикрывай, прикрывай давай!

Плетнев полез за камин. Ему не хотелось ни разговаривать, ни объясняться.

– Красиво, – оценил Федор. – Инопланетяне прилетали? Татарское иго набегло?..

– Набегло, набегло. Возьми вон топор, помоги Витюшке, у него, глянь, там чего-то заклинито, не вытащит никак!..

За Федором маячила какая-то женщина, показавшаяся Плетневу незнакомой.

– Здрости, тетя Валь, дядь Вить, – поздоровалась она буднично. – Неля, привет. Окна мыть?

– Погоди, где тут мыть-то, Люба? Пылищи сколько! Погляди пока в ванной, чего творится. Мы там еще не принимались.

Точно, это же Люба, вспомнил Алексей Александрович, обокравшая Терезу Васильевну и собирающаяся продавать дом, чтобы расплатиться.

В аспекте устранения морального ущерба и в свете призывов президента.

Последним с той стороны улицы притащился зять Виталий, но дела в доме себе не нашел и стал перетаскивать мешки к забору. Его мокрые кроссовки в мелких зеленых семечках налипшего репейника протоптали дорожку на досках террасы.

Федор с Любой шуровали на втором этаже, сильно громыхая, и Плетнев подумал, как хорошо, что книги остались целы!..

Книги с синим овальным штампом «Домашняя библиотека П. П. Усачева»!

– Мусоровозку придется вызвать, – сообщил с улицы Виталий.

– Ну и вызовем! Или сами свезем! Вон Витюшка прицеп приладит, да и свезем!..

– Свет чинят. Говорят, к вечеру дадут.

– Валечка, посмотрите! Мне кажется, эта розочка уцелела.

– Жива-здоровая, Нателла! В воду бы пока приткнуть, а там уж я пересажу.

– Сейчас поставлю.

Элли мыла полы и стены, постепенно продвигаясь за основным десантом, который смецался все дальше к террасе.

Вдвоем с Плетневым, не глядя друг на друга, они перетаскали «на чистое» тяжеленные стулья. Пот блестел у нее на лбу и на верхней губе, и когда солнце попадало на волосы, смотреть без темных очков на них было трудно.

Плетнев старался не смотреть.

Федор, тяжело топая, спустился по лестнице. Он тащил на пузе очередной мешок.

– Слушай, Лех, диван тоже выносить придется, – сказал он, бухнув мешок на террасе. – Из него во все стороны поролон лезет. Давай вместе.

Алексей Александрович пошел за ним на второй этаж. Там уже было прибрано, никаких следов погрома, Люба мыла окна – молча и сосредоточенно. Вообще все женщины трудились молча, серьезно, с необыкновенным проворством, в котором сквозило нечто вроде «врешь, не возьмешь!». По крайней мере, так казалось Плетневу.

Испорчен был только тот диван, на котором спал Плетнев, остальные целы. На письменный стол и кресла Люба стопками сложила разбросанные книги.

Алексей Александрович повывдвигал ящики стола, болтавшиеся в пазах и легко выходившие. Однажды он, помнится, пробовал их открыть, но они были заперты, и он еще подумал тогда, что, должно быть, их никогда не открывали.

Плетнев присел на корточки и снова задумчиво выдвинул и задвинул верхний ящик.

Федор подошел и присел рядом. Колупнул пальцем накладную медную розочку вокруг замочной скважины.

– Ну? Чего?

– Искали что-то, – сказал Плетнев негромко. Люба в соседней комнате прыгнула на пол и стукнула рамой.

– Думаешь?..

Плетнев тоже колупнул розочку.

– Вся ящики были заперты. Может, пустые, а может, и нет. – Он встал и посмотрел вокруг. – А сейчас открыты. Видишь? Замки не сломаны, а открыты. А ключей от этого стола я ни разу не видел.

– А они вообще-то существовали?

– Откуда я знаю, Федя?! У меня их точно не было.

Ключи, ключи... Уезжая в Москву, он не знал, куда девать связку старых ржавых ключей на перекрученной красной капроновой ленте, и сунул ее в бардачок. Один из них отпирал входную дверь, а остальные?..

Вернувшись в Остров, он оставил ключ со связкой в замке – здесь все так делали! – где он и болтался все время.

Плетнев сбежал вниз и увидел то, что ожидал увидеть, – никакой связки в двери не было. Федор сопел ему в ухо.

Плетнев посмотрел с обеих сторон, сошел с крыльца и еще поискал в траве.

– Да нет, не может их тут быть, – себе под нос пробормотал Алексей Александрович.

– А ты чего смотришь, типа, выпали, что ли?..

– Типа, да. Только не могли они наружу выпасть. Я их с внутренней стороны вставлял, это я точно помню.

На всякий случай они еще поискали в траве и глупо пооглядывались в тесном проеме между наружной и внутренней дверью. В проеме ничего не было, кроме прибитой на стене вешалки с пыльным меховым треухом.

Плетнев вдруг сорвал треух и с силой швырнул его к воротам, где в ряд стояли черные пластиковые мешки.

– Чего ты бесишься-то?

– А что я должен делать?!

Федор Еременко похлопал себя по карманам, прищурился на солнце.

– Собачку бы тебе завести, – сказал он негромко. – Когда собачка присматривает, в дом лишний раз никто не сунется. То есть ты намекаешь, что на связке были ключи от стола, что ли?..

Плетнев кивнул. Он думал.

– Тогда выходит, мразь эта поганая знала, что они на связке?..

Плетнев опять кивнул. Федор вдруг рассердился.

– Чего ты киваешь на манер жеребца Алмаза? Ты словами скажи!

– Твою мать!.. – словами сказал Алексей Александрович.

– Смотри-ка, – удивился Федор. – Ты материться, оказывается, умеешь.

– Выходит, приходили специально за тем, что лежало в письменном столе. Все остальное, – Плетнев подбородком показал в дом, где, спасая его от погрома, истово работали соседи, – для отвода глаз.

– Ничего себе, для отвода!

– Значит, что-то я сказал или сделал такое, что его испугало, понимаешь? Зачем-то ведь он полез сюда, и именно сейчас! Почему сейчас? Дом три года или сколько там пустой стоял, можно было все, что угодно, вынести!

– Кого ты испугал, Леха?!

– Понятия не имею, – честно признался Плетнев. – Но я подумаю.

Они провозились до самого вечера. Солнце уже садилось, и Артемка давно скулил, чтоб его отпустили на речку, а Витюшка все чаще стал выходить покурить, и Люба спустилась со второго этажа и перемывала под краном уцелевшие цветочные горшки и столовые приборы, и женщины со своими ведрами и тряпками выкатились на террасу и скребли затоптанный множеством ног деревянный пол.

На «батон» с синей внушительной надписью «Полиция» на пыльном боку, пару раз проехавший по улице туда-сюда, никто не обратил внимания, пока он не остановился у ворот и из него не вышли люди в форме, довольно много. Один остался у машины, а остальные, деловито размотав цепь с ворот, зашли на участок.

– Эй, хозяин!

Плетнев выглянул из-за угла террасы и ничего не понял.

– Вы хозяин будете?

– Я же сказал, что никаких заявлений писать не стану. – Алексей Александрович сунул тряпку, которой вытирал руки, на перила и пошел по розовой плитке к воротам. – Еще утром сказал!

– Вы, может, и не будете, только у нас свои дела. Еременко Федор Николаевич где в данный момент находится, знаете?

Из дома выкатилась Валюшка, а следом за ней Элли. Люба выглянула из окна.

Плетнев, которого перестало все это забавлять еще утром, вдруг насторожился.

– Что вам нужно?

– Гражданина Еременко нужно. Нам известно, что он находится здесь.

– Фе-едь! – закричала Валюшка. – Федь, выйди! Тут до тебя пришли!

– Кто еще?.. – Федор неожиданно показался на крыльце с другой стороны дома, прищурился на заходящее солнце и приставил ладонь козырьком к глазам.

– Вы гражданин Еременко Федор Николаевич?

Федор спустился со ступенек.

– Ну, я. А чего? Паспорт показать?

– Придется с нами проехать, гражданин Еременко, – хмуро сказал тот, что шел впереди всех. Остальные как-то подтянулись и придвинулись. – Проедем, проедем!..

Люба в окне ахнула и зажала рот рукой. Валюшка закричала:

– Витюш, Витюш!..

– Я не понял, куда проедем-то?!

– Куда надо, туда и проедем.

– Что случилось? – суровым голосом, как на совещании, спросил Плетнев, которому стало совершенно ясно – на самом деле случилось что-то нехорошее, гадкое.

– До вас, гражданин, это не касается, – сказал тот, что все время говорил. Остальные помалкивали, только придвигались к Федору, как будто он собирался бежать.

Выскочил Витюшка и издали заорал громко:

– Мужики, мужики, вы к кому? Чего надо-то?

– Гражданин Еременко, не устраивайте цирк! Или проходите, или мы вас сейчас по всем правилам задержим за оказание сопротивления!

Люба пропала из окна и выскочила на крыльцо. Федор взглянул на нее, а потом на людей в форме.

– Чего же не проехать? – пробормотал он. – Можно и проехать...

– Мужики, да куда вы его волокете-то?!

– Федор, что ты натворил?..

– Ничего я не творил!

– Витюш, чего? Федьку забирают, что ли?!

– Да откуда я знаю!

– Проходите, гражданин Еременко!..

Элли подошла и твердо взяла Плетнева под локоть. Он оглянулся и вытащил у нее руку.

Небольшая толпа, в центре которой находился Федор, довольно быстро пошла к «батону». Вокруг него уже стояли понаехавшие пацанята с велосипедами, тарасились во все глаза.

Федор ни разу не оглянулся, и его ловко затолкали в зарешеченную заднюю дверь, которая тут же захлопнулась.

Алексей Александрович выскочил за ворота.

– Потрудитесь дать мне объяснения, – сказал он, глядя в лоб начальнику, так, как говорил на совещаниях.

– Какие еще объяснения!.. Вон приходи в отделение, там тебе все быстро объяснят! – Затолкав Федора в машину, он сделался весел, снял фуражку и вытер лоб. – Вот жарница, а?..

Тут он взглянул на Алексея Александровича, мигом нацепил фуражку и зачем-то одернул на животе рубаху.

– Итак? – грозно спросил Плетнев.

– Гражданин Еременко задержан по подозрению в совершении изнасилования, – выпалил начальник. – Есть постановление, могу предъявить. Все по закону.

Опять кто-то твердо взял Плетнева за локоть, и он снова стряхнул эту удерживающую руку.

– Кого и когда изнасиловал Еременко?

– Это к следователю, не к нам, – пожалуй, с сожалением, что ничем не может помочь, сообщил начальник. – Нам приказали его задержать, и мы задержали.

«Батон» зафырчал мотором, затрясся, выпуская клубы сизого дыма, и начальник распахнул переднюю дверь.

– Теперь все к следователю! – весело и освобожденно крикнул он уже изнутри.

Дверь захлопнулась, «батон» с внушительной синей надписью «Полиция» на боку бодро покатил по белой пыльной улице.

Плетнев вернулся на участок, тщательно замотал ворота цепью и замкнул недавно купленный сверкающий замок, в котором по деревенской привычке торчал ключ.

Пыльный треух попался ему под ноги, и Плетнев изо всех сил поддал его ногой. Треух перелетел ворота и приземлился на дороге.

Плетнев проснулся от холода, зубы стучали.

Он спал на диване в библиотеке, сгрузив на пол стопки книг, собранные Любой. Вчера вечером ему так захотелось спать, что он еле добрался до этого самого дивана и упал в чем был

– в штанах и футболке Федора Еременко. Он заснул на половине какой-то мысли и, проснувшись, первым делом вспомнил, что не додумал до конца.

...Так. О чем это я?.. Федор кого-то изнасиловал. Кого и когда? Это все необходимо выяснить, и, возможно, многое объяснится. Выяснить очень просто, достаточно сделать пару звонков – видимо, звонить придется с поворота в Дорино, потому что связи больше нигде нет!..

Ключи пропали. Человек, устроивший погром в моем доме, что-то искал! Он точно знал, где искать – в столе на втором этаже, в той самой комнате, где я спал. Он взял ключи, достал что-то из ящиков, а дом разгромил для отвода глаз. Что он мог достать? Бумаги? Какие? Что за бумаги могли быть у пенсионера?

...Нет, кажется, говорилось как-то не так. Что за бумаги у деревенского деда! Кто-то это сказал. Кто и когда? Нужно вспомнить.

...Оказывается, ни Прохор, ни егеря не были деревенскими! Они объявились в деревне Остров одновременно и совсем недавно – по местным меркам, – всего двадцать лет назад. Что их связывало?

Было так холодно, что Плетнев поджимал ноги к животу и натягивал на нос кургузый пледик, которым вчера укрылся.

...Нателла сказала, что Прохор отставной военный и знал, какой кофе подавали Фиделю Кастро. Откуда он мог это знать?! Разведчик? Офицер КГБ? В больших чинах? А в ящике хранил по старой памяти секретные документы, которыми заинтересовались в ЦРУ? То есть в деревне Остров, помимо убийц, насильников и мелкого хулиганствующего элемента, проживают еще и шпионы?!

...Шпионы, шпионы... Была какая-то деталь, которая навела на мысль о шпионах – давным-давно!.. Какое-то несоответствие, странность, глупость. Буквы, или цифры, или надпись... Нет, сейчас не вспомнить.

Плетнев встал и по очереди закрыл все окна, распахнутые с вечера. На улице было серо, небо придвинулось к земле, капал мелкий дождик, рябины и яблони стояли все мокрые и грустные.

На первом этаже было чисто и пусто – ни цветов на окнах, ни журналов на столике, ни ставшей привычной свалки на каминной полке. В зеркале прошло странное существо, и Плетнев прищурился на него.

Хорошо, что зеркало уцелело. Все же старый друг.

Холодильник, хоть и пострадавший, исправно охлаждал, и Алексей Александрович задумчиво вытащил из него бутылку с некой биомассой, предназначенной для поддержания тонуса или еще чего-то такого в его организме. Биомасса уцелела после разрома.

Очень хотелось есть. Он никогда, черт побери, не ест по утрам! Только в обед, когда ему подают суп из спаржи и битки паровые.

Очень хотелось не просто есть, а... имеретинского завтрака – оладий, острого сыра, холодного цыпленка в травах, винограда, орехов, персиков, творога с изюмом, слоеного печенья со сливочной начинкой и кофе со сгущенкой.

Имеретия, это где Кутаиси. Туда шел Язон, уверенный, что найдет золотое руно. Вместе с ним шли аргонавты, налоговый министр, милый человек, дедушка Лордкипанидзе, знаток русского языка, бабушка, гадающая по утрам на кофейной гуще!

Еще хотелось разговоров!.. Чтоб женщины смотрели в глаза и боялись пропустить хоть слово, чтобы ухаживали за ним, гладили по голове и обращались «мальчик». И чтобы он чувствовал себя самым умным!..

...Ты не додумываешь до конца, а это неправильно. Ты все время сбиваешься на другое, так нельзя, и ты отлично это знаешь. Тебе нужно дорисовать окружность, замкнуть ее, чтобы внутри, за магической чертой, остались все беды и несчастья.

Чтобы все вернулось...

Что должно вернуться, сам себя спросил Плетнев и состроил зеркалу саркастическую мину. Зеркало отразило невесть что. Эдем? Идиллия? Убежище?

Этого всего нет и быть не может, потому что любая идиллия – вранье!.. Уж кому это лучше знать, как не тебе!..

Он открыл дверь на террасу, запертую на ночь на щеколду, и вышел на отмытые доски. Было так холодно, что руки покрылись гусиной кожей. Он ежился и смотрел на мелкий серый дождь.

Федор Еременко, бывший гонщик, бывший чемпион, «ходивший в Дакар», любитель странных собак под названием «акита», бывший американец, а ныне житель деревни Остров, оказался насильником.

Алексей Александрович отчетливо хрюкнул и сложил руки на груди, пытаясь как-то защититься от холода.

...Самое главное, понятно, откуда что взялось!.. Недавно один высокопоставленный французский дедок тоже изнасиловал горничную, а австралиец, владелец разоблачительного сайта, так сразу двух, а до этого еще какой-то теннисист или футболист тоже изнасиловал, и все это постоянно обсуждается в прессе и наверняка в телевизоре тоже!.. Рецепт есть, и он чрезвычайно прост.

Должно быть, в этом пикантном случае доказать свою невиновность гораздо труднее, чем кажется, а любой суд, разумеется, будет на стороне поруганной добродетели, а не гнусного мерзавца, решившегося на такое скотство!..

Всякие мелочи вроде той, что у Федора Еременко вряд ли есть необходимость брать кого-то силой, наверняка от добровольных желающих отбою нет, если и принимаются в расчет, то с поправкой на «всякое бывает». Негодяй, покусившийся на чью-то честь, должен быть наказан, и это совершенно справедливо.

Хорошо, что Оксане, образцу ума и логики, не пришло в голову обвинить Плетнева в том, что он изнасиловал ее дочь. Вряд ли она чего-то добилась бы, особенно учитывая некоторые обстоятельства, но нервов, времени и средств на оправдания могло уйти очень много.

Да и репутацию не восстановишь.

Как там? «Не покупается доброе имя, талант и любовь»? Насчет таланта и любви сомнительно, а вот доброе имя действительно – никогда и ни за какие деньги.

Плетнев подошел к перилам и посмотрел вниз. Дождь, должно быть, шел давно, лужи стояли в траве, и участок как-то съезжился в размерах, стал сереньким.

Странное дело, «некоторые обстоятельства», от которых он прятался в деревне Остров, сейчас вспомнились ему просто так, и он не чувствовал больше ни гнева, ни брезгливости, ни страха.

Так уж получилось, ничего не поделаешь.

...Ты, ты во всем виноват, попробовала напомнить ему Оксана, и бриллианты полыхнули на ее шее, но ничего у нее не вышло.

Плетнев на этот раз не испугался.

...Полно! Я виноват только в том, что влюбился в неподходящую женщину, вот и все. Я виноват в том, что не понял сразу, насколько она мне не подходит! Она мне, а я ей. Вот все и запуталось, и распутывать я не буду, не хочу.

Разбирайтесь сами.

Проскрипела калитка, и Плетнев насторожился. В последнее время ее скрип не предвещал ничего хорошего. Потом зачавкало, зашуршало, и из-за угла показалась Элли.

Она была в оранжевом дождевике с капюшоном и резиновых сапогах. В руке – большая круглая корзина.

– Привет, – сказала она, закинув голову, и зачем-то добавила: – Это я.

– Как я рад тебя видеть, – сказал Плетнев, глядя на нее сверху. – Привет.

Она поднялась по ступенькам и аккуратно поставила корзину на пол.

– Мама прислала тебе поесть, – подошла, облокотилась о перила и тоже стала смотреть на дождь. – Мальчик сидит голодный, сказала она. У него совершенно пустой холодильник.

Так они стояли и смотрели, и Плетнев, не глядя на нее, думал: как я рад тебя видеть!..

В этом стоянии на террасе, шуме мелкого дождя, мокрой траве, оранжевом дождевике и корзине не было никакого вранья. Все понятно, просто и честно.

– Ты совсем замерз.

– Я давно тут стою.

– Принести тебе одеться?

– Спасибо.

– Это значит да или нет?

Плетнев улыбнулся, глядя на дождь.

– Ты молодец, что пришла, – похвалил он. – На самом деле я к вам собирался.

– Ты молодец, что к нам собирался.

Они еще помолчали, а потом Плетнев стал рассказывать:

– Мне было лет двадцать, и у меня порвались ботинки. А я ими очень гордился! Они были модные такие, на белой подошве. И удобные очень. Мне их тетя Поля, мамина сестра, подарила на день рождения. Я совершенно ни в чем не мог ходить. Мама говорила, что у меня не ноги, а катастрофа. Я их носил и зимой и летом, и нравились они мне. А потом порвались, просто от старости. И я понес их в починку. У нас на углу будка стояла, называлась «Ремонт обуви», и в ней всегда сидел старик-сапожник, такой сивый, понимаешь? Он взял ботинки, изучил со всех сторон, повертел по-всякому, отложил и спросил: «А что, других нет?»

Элли улыбнулась:

– Он же не знал, что эти ботинки, как моя майка с ослем. Подарок, да еще любимый.

– Не знал, – согласился Плетнев.

– Пойдем, – сказала Элли. – Ты все-таки замерз.

В два счета она накрыла на стол – очень красиво – и сварила кофе.

– Кофе бабушка тоже присылает из Кутаиси, – крикнула она, помешивая ложечкой в турке, – покупает зерна и как-то специально их обжаривает!

Плетнев что-то промычал в ответ. Он ел и наслаждался.

– Мы на ночь все двери заперли, – грустно сообщила Элли, пристраиваясь за стол напротив него. – Даже на балконе на втором этаже! Там все рассохлось и заело, мы ведь никогда не запираем, только осенью.

– Я же сказал, нужно во всем разобраться, и все станет на свои места.

– Ничего не станет.

– Элли, я знаю.

– И я знаю! Здесь никогда никто никого не убивал и не насиловал, Алеша!

– Никто никого и сейчас не насиловал, – буркнул Плетнев. – Я в этом уверен. Пей кофе.

Как называется эта штука?

– Никак. Просто горячая лепешка с сыром.

– Умереть можно.

– Вот и хорошо.

– Мне нужно поговорить с Любой, – заявил Плетнев, доев лепешку. На всякий случай он посмотрел, есть ли еще, и оказалось, что есть.

– Она рано утром уехала в Тверь, к Федору.

– Елки-палки.

– Вечером должна вернуться. Так Валя сказала, потому что Игорек остался у них.

– Значит, вечером и поговорим.

Элли сбоку посмотрела на него и спросила, решившись:

– Алеш, ты на самом деле думаешь, что это ошибка? В отношении Федора? – Она говорила очень правильно, недаром дедушка Лордкипанидзе придумал особый метод сопоставления согласных! – Я мало его знаю, но мне тоже кажется, что вряд ли он мог совершить такую... мерзость.

– В Америке, – сообщил Алексей Александрович с набитым ртом, – ему сделали операцию на сердце. Я точно не знаю какую, но, должно быть, серьезную, если он год лежал в госпиталях и после этого ушел из спорта.

– Из какого спорта?.. В какой Америке?!

– В той, которая «Земля за океаном». Читала такую книжку?

– Ну, конечно, читала! Только при чем тут книжка?! – Она опять уставилась на него своими глазницами, и Плетнев попросил слезно:

– Слушай, не смотри на меня, а? Я подавлюсь.

Она еще посмотрела, а потом опустила глаза.

– После операции на сердце он почти не пьет, ему нельзя, – продолжал Плетнев, волнуясь даже больше от того, что она опустила глаза. – То есть ни о каком изнасиловании в пьяном угаре речи идти не может. Тогда о чем речь? О том, что абсолютно трезвый Федор, заметь, проживший полжизни в Штатах, силой взял какую-то женщину? В Штатах сажают не то что за изнасилование, а за неловкую попытку пригласить на свидание! Особенно тех, кто на виду, – спортсменов, актеров, политиков тоже! А он был на виду, если я все правильно понимаю.

– Наш Федор? – недоверчиво переспросила Элли. – Наш Федор Еременко?

– Ваш, ваш.

Он вздохнул и взялся за вторую лепешку с сыром.

С улицы раздалось короткое радостное блеяние, Плетнев с Элли посмотрели друг на друга, а потом кинулись на террасу.

Из куста торчала довольная и счастливая козья морда с букетом во рту. Морда как будто ухмылялась и подмигивала.

– Пошла вон!

– Боже мой! Я, наверное, калитку не закрыла! Уходи, уходи отсюда!..

Плетнев босиком скатился с крыльца. Коза покосилась на него и опять сунулась в куст. Хрустнули ветки, и мокрые гроздья цветов закачались.

Алексей Александрович, городской житель в пятом или шестом поколении, привыкший к костюмам ручной работы, супу из спаржи и «специально обученным людям», дал козе хорошего пенделя. Коза очень удивилась и высунулась из куста.

Тогда Алексей Александрович крепко и хватисто взял ее за рога – она мотала башкой и норовила вырваться – и повел в калитке. Время от времени, изловчившись, он придавал ей ускорение пинком в шерстяную мокрую задницу.

Коза упиралась, но шла, Элли хохотала на террасе, и дождь все моросил.

Выгнав козу за ворота и тяжело дыша, он вытер ладони о штаны, накинул крючок на калитку и вернулся в дом.

– Слушай, как у тебя ловко получается, – сказала Элли и опять захохотала. – Я так не могу.

– Смейся, смейся.

– Она бодается! Я маленькая была, и меня однажды боднула коза. Я упала, ободралась вся, прибежал папа и спас меня. С тех пор я их боюсь.

– За кого ты вышла замуж?

Элли посмотрела на него, подошла к столу и стала собирать посуду. Плетнев налил себе кофе, совсем холодного.

– Сварить свежего?..

– Нет, неправильно ты спросила, – сказал Плетнев и стал качаться на стуле. – Ты должна спросить: почему тебя это интересует?..

– Он актер. Довольно хороший. Много снимается и в театре играет. Все говорят – талантливый.

Плетнев молча слушал.

– Я ушла от него, потому что он все время врет, – продолжала она как ни в чем не бывало, и Плетнев чуть не упал. То есть на самом деле чуть не упал. Стул поехал и почти завалился. Алексей вскочил и подхватил его. – Мама всегда говорит, что нельзя качаться на стульях. Дурацкая привычка. И главное, он врет не потому, что плохой или злой человек, а просто так. Он говорит, это свойство любой творческой натуры.

– Вранье? – настороженно переспросил Плетнев, который точно знал, что врут все и всегда.

– Когда приезжает под утро, он врет, что стоял в пробке, но забывает, что пробок по ночам не бывает. Когда ему нужно уехать, он врет, что его вызвал режиссер, но забывает, что режиссер улетел на съемки в Минск и мы его провожали. Когда он не привозит еду, врет, что все магазины закрыты, но забывает, что полно круглосуточных! Он врет, что заболел, когда проспал, врет, что был на репетиции, хотя пьянствовал у друзей, и они назавтра мне рассказывают, как чудесно посидели!.. Он врет, что поехал на радио, уезжает почему-то в Питер и приезжает через три дня, забыв, что уехал на радио!.. Он вообще все время врет. Он говорит, что жизнь не на сцене и не под камерой до такой степени скучна и однообразна, что он все время должен придумывать себе другую. То есть врать.

Плетнев закинул руки за шею и опять стал качаться на стуле.

– Ладно бы я его пилила за то, что опоздал или не приехал!

– А ты не пилила?

– Нет, – горячо сказала Элли. – Никогда. У нас в доме всегда было принято уважать чужие занятия! Если человек занят делом, ему никто не мешает.

– А если бездельничает?

Она сбилась и посмотрела на него.

– Не знаю, – произнесла с сомнением. – У нас никто не бездельничал.

Блаженная, подумал Плетнев. Точно, блаженная!..

– Нет, но отдых от занятий мы тоже очень уважаем! Дед, например, любил рисовать. Он рисовал каждую свободную минуту. Он не был великим художником, и вообще художником, он рисовал для души, но бабушке даже в голову не приходило сказать, чтоб он, например, вместо рисования сходил за хлебом! Или отвез ее на базар. А на Большой Грузинской жил его друг, по пятницам там собиралась большая компания, и мужчины играли в преферанс. Но он никогда не врал бабушке, что в это время у него заседание кафедры! Он говорил, что идет к Мерабу играть в преферанс! И не сочинял, что у него украли деньги, если он истратил их на бумагу и кисти! И не говорил, что летит в Ригу, когда на самом деле улетал в Кутаиси!

Рассказывая, она сварила кофе, и перед Плетневым на идеально чистом столе снова оказалась исходящая паром чашка.

Он уставился на чашку.

– Должно быть, со мной ему было очень скучно, – добавила Элли.

– Должно быть, – согласился Алексей Александрович.

– И он просто пытался так себя развлечь.

– Ну конечно.

– Я ушла на Новый год. Он сказал, что приедет сюда, на дачу, и не приехал. А позвонить невозможно, связи нет, ты знаешь.

– Знаю.

– Я весь вечер и всю ночь бегала в Дорино на поворот, звонила, звонила, и, в общем, в конце концов мы с мамой решили, что случилось несчастье, и я поехала в Москву.

– В новогоднюю ночь?

– Нет, уже утром. По-моему, в электричке мы ехали с машинистом вдвоем. Дома тоже никого не оказалось, и телефон у него не отвечал, и я... – Она вздохнула. – Я очень сильно волновалась. Положить тебе сгущенки?..

– Две ложки.

– Да, я знаю. Я звонила, как положено, во все приемные покои, потом в морги, потом в справочную службу МЧС, и все без толку. Потом приехала мама и тоже стала звонить. Он нашелся третьего января и сказал, что телефон у него украли, потому что на улице он упал в обморок и его отвезли в больницу. В эту больницу я, разумеется, тоже звонила, и его там не было, а когда он приехал домой, оказалось, что и телефон при нем, но он заявил, что ему потом вернули.

Плетнев покосился на нее.

– Он был в очень хорошем настроении, веселый и, главное, сразу же забыл, что вроде бы все это время лежал в больнице, и стал приглашать меня в какой-то дом отдыха, куда собирается вся компания. Когда я спросила, какая компания, он сказал, что та самая, с которой он встречал Новый год. Потом он ужасно рассердился за то, что я выпытываю его тайны и не даю ему нормально дышать и жить, и ему надоел мой постоянный контроль, он творческий человек и контролировать его нельзя. Собрал вещи – ему же хотелось в дом отдыха! – и уехал на все каникулы. Правда, он потом забыл, что мы с ним поссорились и что я не даю ему дышать, позвонил и попросил привезти меховые ботинки. Снегу очень много, гулять не в чем.

– Ты привезла?

– А почему ты веселишься?!

– Ты привезла ботинки?

– Я сказала ему, чтобы он шел к чертовой матери. Нет, почему ты веселишься?! – Тут она вдруг засмеялась. – Идиотизм, да?

– Да.

– Он очень интересный и талантливый человек, – простионала она сквозь смех. – И прекрасный артист! Когда играет любовь, все вокруг плачут.

– Пошел он к чертовой матери.

Тут Плетнев взял ее за подбородок и посмотрел в глаза. Она моментально притихла и тоже уставилась на него.

– Вот так-то лучше, – серьезно сказал Алексей Александрович. – Не хватает нам еще артистов!..

– Нет, а почему тебя интересует моя личная жизнь?

– Поздно, Элли, – торжественно объявил он. – Раньше надо было спрашивать. Теперь все ясно. Хотя даже если бы у тебя было три мужа, а не один артист – все равно.

Он говорил глупости, знал, что говорит их, и от этого чувствовал себя прекрасно – совершенно свободным, и очень молодым, и очень беззаботным.

... Все самое лучшее – здесь и сейчас, со мной. И оно уже никуда не денется, потому что я не отпущу это самое лучшее. Пршшая жизнь развалилась, обломки долго падали мне на голову и почти задавили, и я еще бултыхался под ними, не зная, как вылезти, но, кажется, вылез! И сейчас даже странно, что куча какого-то ненастоящего, пластмассового хлама представлялась мне такой страшной, что я задыхался и не понимал, как выбраться. Она совсем не страшная, и стоит только поддать как следует ногой, разлетится в разные стороны, и непонятно, непонятно, отчего я там задыхался!

– Вечером мы пойдем к Любе, – распорядился Плетнев. – Если только она не решит последовать за Федором на нары. И еще нам надо как-то покормить его собак. А сейчас уходи и не мешай мне думать!..

Рыжий дождевик с гномичьим капюшоном задевал ветки, и они осыпали Алексея Александровича каплями холодной воды. Он старался уворачиваться, но ничего не получалось.

Нужно будет купить дождевик и резиновые сапоги. Куда без них в деревне!..

Элли поднялась на крыльцо, постучала и послушала. Никто не ответил, она приоткрыла дверь и просунулась внутрь.

– Можно? Люба, ты дома?

В тесных сенях пахло почему-то баней и были навалены и наставлены какие-то вещи. Пучки травы висели на стене, про них Элли сказала, что это полынь, от мух. Плетнев удивился, решил понюхать и своротил какое-то ведро, оно сильно загремело.

– Кто здесь? – послышался встревоженный голос, и распахнулась внутренняя дверь, обитая потрескавшимся дерматином. Из-под черной ткани кое-где торчала желтая вата.

Дверь сильно стукнула Плетнева по спине, он створку придержал и выглянул из-за нее.

– Добрый вечер, Люба.

Она помолчала, произнесла сдержанно:

– Здравствуйте, – и осталась в дверях.

– Мы пришли поговорить. – Элли стянула дождевик и стряхнула с него воду.

– О чем нам говорить? Я ничего не знаю, не видела и не слышала.

– Вот об этом мы и поговорим, – из-за двери сказал Плетнев.

– Нея, ты извини, но я только вошла, у меня дела не сделаны.

Кто такая Нея? – удивился Плетнев. Ах, да! Почему-то они так называют Элли.

Он выбрался из-за дерматины, все-таки понюхал полынь и заявил Любе, что у него разговоров всего на несколько минут, проще переговорить, чем препираться.

– Ну, проходите, – хмуро предложила Люба и пропустила их в тесную, но очень чистую комнату.

Стол был придвинут к окну и весь завален какими-то бумагами и обрывками ткани, а у соседнего окна, также вплотную, стояла разложенная швейная машинка с литым чугунным колесом ножного привода. За распахнутой дверью в маленькую комнату у стен стояли две кровати, разделенные небольшой тумбочкой, над которой висело зеркало. Тумбочка была заставлена баночками и тюбиками, наверное, Люба там прихорашивалась. За занавеской пряталось еще какое-то помещенье, по всей видимости, кухня.

И это все.

По сравнению с этим домиком хоромы Плетнева выглядели как палаты царские.

– Любочка, ну что ты узнала?

– Ничего я не узнала.

– Как не узнала? Ты же в Тверь ездила!

Люба исподлобья посмотрела на Элли. И Плетнев тоже посмотрел.

В лице у той не было никакого любопытства, только сочувствие. Совершенно искреннее. Совершенно честное.

– Не пустили меня. Сказали, что день выходной, чтоб в понедельник приезжала. Никто ничего мне рассказать не может, а к задержанному тоже нельзя! А я говорю – что же он, до понедельника сидеть будет? А они мне отвечают, он теперь лет десять посидит!

Выпалив все это, она как будто отпустила себя, плечи поникли, губы набухли и задрожали. Как бы враз обессилев, она опустилась на стульчик возле швейной машинки, поставила локти на колени и уткнула лицо в ладони.

– Как же... десять лет... – рыдала Люба, – это же... беда какая... так разве можно с человеком... и главное, ни слова никто не сказал... прогнали меня... а я знаю, не мог он... никак не мог... он хороший мужик... правильный...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.